

ISSN 2078-5429

Journal of Economic Regulation

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

TOM 4

НОМЕР 4

2013

Journal of Economic Regulation

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 20 мая 2009 г.
Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС 77-36311

Журнал издается с 2010 г., выходит 4 раза в год

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» **42503**

Журнал включен в **Перечень ВАК Министерства образования и науки РФ** рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Главный редактор

Белокрылова О. С., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор.

Заместители:

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор,

Гуцелюк Е. Ф., кандидат экономических наук, доцент.

Члены редакции:

Мамедов О. Ю.	Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,
Дементьев В. В.	(Украина), доктор экономических наук, профессор,
Сандоян Э. М.	(Армения), доктор экономических наук, профессор,
Жук А. А.	доктор экономических наук, доцент,
Игнатова Т. В.	доктор экономических наук, профессор,
Латов Ю. В.	доктор социологических наук, профессор,
Левин С. Н.	доктор экономических наук, профессор,
Вольчик В. В.	доктор экономических наук, профессор,
Цыганенко С. С.	доктор юридических наук, профессор,
Локота О. В.	кандидат экономических наук, профессор,
Скоробогатов А. С.	кандидат экономических наук, профессор,
Шадрина Е. В.	кандидат экономических наук, доцент,
Аверкиева Е. С.	кандидат экономических наук.

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес редакции:

344082, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 43, оф. 10.
Наш сайт: www.hjournal.ru
Тел. +7 (863) 269-88-13
e-mail: hp@donpac.ru

Учредитель:

ООО «Гуманитарные перспективы»

Journal of Economic Regulation

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Date of registration: 20th May, 2009.
Registration certificate PI № FS 77-36311.

Founded: 2010
Quarterly Journal

Subscription Index in «Russian Press» **42503**

Journal of Economic Regulation is included into «The list of the leading scientific journals and publications under review, where the basic scientific research results of the theses for academic Degrees of Doctor and Candidate should be published» of the Higher Attestation Commission (HAC), the Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Editor in Chief

Belokrylova O. S., Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Economics, professor.

Deputy Editors:

Korytsev M. A., Doctor of Economics, professor,

Gutselyuk E. F., Candidate of Economic Sciences, associate professor.

Editorial Staff:

Mamedov O. Yu.	Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Economics, professor,
Dementyev V. V.	(Ukraine) Doctor of Economics, professor,
Sandoyan E. M.	(Armenia) Doctor of Economics, professor,
Zhuk A. A.	Doctor of Economics, associate professor,
Ignatova T. V.	Doctor of Economics, professor,
Latov Yu. V.	Doctor of Social Sciences, professor,
Levine S. N.	Doctor of Economics, professor,
Volchik V. V.	Doctor of Economics, professor,
Tsyganenko S. S.	Doctor of Laws, professor,
Lokota O. V.	Candidate of Economic Sciences, professor,
Skorobogatov A. S.	Candidate of Economic Sciences, professor,
Shadrina E. V.	Candidate of Economic Sciences, associate professor,
Averkiewa E. S.	Candidate of Economic Sciences.

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements which are available at <http://hjournal.ru>. Papers which do not follow the rules are rejected by the Editorial Staff. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Post-graduates' papers to be published are free of charge.

Editorial office:

Pushkinskaya St., 43, office 10,
Rostov-on-Don, Russia, 344082.
<http://hjournal.ru>
Phone: +7 (863) 269-88-13
e-mail: hp@donpac.ru

Founder:

Ltd. «Humanities Perspectives»

СЛОВО РЕДАКТОРА

Белокрылова О. С. «Что ждет высшее образование в 2014 г.» или «Что такое эффективный контракт?»	6
--	---

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Белокрылова О. С., Филоненко Ю. В., Фурса Е. В. Неформальное сетевое взаимодействие в снижении рисков бедности и социальной уязвимости (на примере Ростовской области)	13
Мамедов О. Ю., Ищенко-Падукова О. А., Мовчан И. В. Экономическая специфика периферийных регионов юга России	23
Никитаева А. Ю., Алешин А. В. Концептуальная модель межфирменного партнерства для решения актуальных проблем и модернизации экономики регионов юга России	34

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Вольчик В. В., Шафиров Л. А., Оганесян А. А. Институциональный дизайн и механизмы регулирования рынка потребительского кредитования депрессивных территорий	41
Ореховский П. А. Однородность потребительских предпочтений: существует ли кривая спроса?	60

ФИНАНСЫ И КРЕДИТ

Архипов А. Ю., Ишханов А. В., Линкевич Е. Ф. Новый мировой валютный стандарт: поиски и перспективы	73
---	----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Ковалева А. В., Мошкин И. В. Историко-генетический анализ проявления депрессивности в экономике территорий Восточного Донбасса	85
Попов Г. Г. Смута в контексте мир-системных отношений	92

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Голева Г. А. Формирование квази-интегрированных бизнес-структур с участием иностранного капитала в институциональных условиях принимающего региона	106
Каплина А. В. Структурно-функциональный подход к развитию региональной системы финансирования кластерных проектов	113
Предборский В. А., Кунцевич В. П. Кризисное, дисфункциональное развитие как объект теории теневой экономики	120

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

Жук Е. С. Маркетинговый анализ и прогнозирование рынка: практический аспект	126
Рогова Т. М. Демографический и образовательный потенциалы Ростовской области в развитии экспорта образовательных услуг	137

EDITORIAL

Belokrylova O. S. «What awaits higher education in 2014» or «What is an effective contract»? 6

REGIONAL ECONOMICS

Belokrylova O. S., Filonenko J. V., Fursa E. V. Informal network interaction in reducing the risk of poverty and social vulnerability (on the example of Rostov region) 13

Mamedov O. Y., Ishchenko-Padukova O. A. Movchan I. V. Economic specifics of peripheral regions of the southern Russia 23

Nikitaeva A. Y., Aleshin A. V. Conceptual model of interfirm partnership for the actual problems solving and modernization of Russian southern regions 34

ECONOMIC THEORY

Volchik V. V., Shafirov L. A., Oganesyan A. A. Institutional design and mechanisms of regulation of the consumer credit market in depressed territories 41

Orehovsky P. A. Uniformity of consumer preferences: there is a demand curve? 60

FINANCES AND CREDIT

Arkhipov A. Y., Ishkhanov A. V., Linkevich E. F. New world exchange standard: searches and prospects 73

ECONOMIC HISTORY

Kovaleva A. V., Moshkin I. V. The historical and genetic analysis of depression demonstration in economy of East Donbass territories 85

Popov G. G. The time of troubles in the context of the world-system relationships 92

SOCIAL-ECONOMIC RESEARCH

Goleva G. A. Formation of quasi-integrated business structures with foreign capital participation in institutional conditions of host regions 106

Kaplina A. V. Structural-functional approach to development of regional system of cluster projects financing 113

Predborsky V. A., Kuntsevich V. P. Crisis, dysfunctional development as the object of the theory of shadow economy 120

INDUSTRIAL ECONOMICS

Zhuk E. S. Marketing analysis and prognosis market: practical aspects 126

Rogova T. M. Demographic and educational potential of Rostov region in the export development of educational services 137

«ЧТО ЖДЕТ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В 2014 Г.» ИЛИ «ЧТО ТАКОЕ ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ»?

БЕЛОКРЫЛОВА ОЛЬГА СПИРИДОНОВНА,

декан экономического факультета,
доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет
e-mail: obelokrylova@sfedu.ru

В статье анализируются условия и последствия перехода Южного федерального университета от модели предпринимательского университета к топ-университету. Рассматривается стратегия развития экономического образования в ЮФУ в контексте показателей, определенных в эффективном контракте декана.

Ключевые слова: модернизация высшего образования; предпринимательский университет; стратегия развития; миссия факультета; эффективный контракт.

«WHAT AWAITS HIGHER EDUCATION IN 2014» OR «WHAT IS AN EFFECTIVE CONTRACT»?

BELOKRYLOVA OLGA, S.,

Dean of Economic Faculty,
Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University,
e-mail: obelokrylova@sfedu.ru

In the paper conditions and consequences of transition of the Southern Federal University from model of entrepreneurial university to top university are analyzed. The development strategy of economic education in SFU in a context of the indicators defined in the effective contract of the Dean is discussed in the paper.

Keywords: modernization of higher education; entrepreneurial university; development strategy; mission of the faculty; effective contract.

JEL: I23.

Еще совсем недавно стратегия развития высшего образования РФ, сохранившего высокую долю государственного финансирования вузов (Якобсон, 2008), была ориентирована на развитие модели «предпринимательских университетов», в которых, по мнению Б. Кларка, преподаватели должны быть нацелены на самостоятельное генерирование собственного дохода и работать также на наращивание дохода самого вуза посредством оказания услуг консультирования, развития связей с реальным сектором экономики, привлечения внешних грантов (Кларк, 2011. С. 160-162). Однако в соответствии с Государственной программой «Развитие образования на 2013-2020 гг.» основным приоритетом стало попадание ведущих российских вузов в международные рейтинги (в настоящее время позиции во Всемирном рейтинге университетов Times Higher Education (2013 г.) занимают только МГУ в первой сотне университетов и СПбГУ - в четвертой сотне).

Между тем позиции университетов в международных рейтингах выступают важным критерием институционального престижа вузов (Заварыкина, Лопатина и

Перфильева, 2012. С. 70-121). Наиболее значимым показателем деятельности вузов, вносящим существенный вклад в репутационный ресурс (60%), является исследовательская активность, которая определяется активностью научно-педагогических кадров в проведении исследований и качеством этих исследований (Романовская, 2007. С. 181-200).

С другой стороны, модернизация российской экономики ставит перед сферой высшего образования задачи стремительного освоения новых принципов хозяйствования. Это означает, что создаваемые академическими работниками знания непосредственно интегрируются в образовательный процесс и используются для формирования необходимых конкурентоспособных профессиональных компетенций студентов, востребованных глобальной экономикой. Именно это обуславливает изменение структуры и приоритетов академического труда: от образовательной доминанты к исследовательской (Рощина и Юдкевич, 2009. С. 217). В силу этого показатель публикационной активности является объектом мониторинга при заключении эффективного контракта с руководителями подразделений Южного федерального университета (см. табл. 1).

Таблица 1

Целевые индикаторы программы развития экономического факультета ЮФУ

№	Наименование индикатора	Единица	2014	2015	2016	2017	2018
1. Показатели успешности и конкурентоспособности факультета в сфере образования							
1.1	Количество новых образовательных программ	Ед.		2		1	
1.2	Доля образовательных программ с использованием дистанционных образовательные технологии	%	25	30	35	40	45
1.3	Количество самостоятельно установленных стандартов ЮФУ	ед.	1	1	1	1	
1.4	Средний балл ЕГЭ студентов, принятых для обучения	балл	81	81,5	82	82,5	83
2. Показатели результативности исследовательских и технологических работ							
2.1	Количество НИР	ед.	5	6	8	9	9
2.2	Количество статей в РИНЦ	ед.	110	110	112	115	120
2.3	Количество статей в Web of Science и Scopus	ед.	5	5	7	7	8
2.4	Количество созданных лабораторий	ед.	2	1			1
2.5	Количество вновь созданных кафедр (базовых кафедр)	ед.	3 (1)	2 (1)	1		
3. Показатели развития кадрового потенциала							
3.1	Численность штатных НИР	чел.	168	165	163	160	158
3.2	Численность НИР, имеющих ученую степень доктора наук или кандидата наук	чел.	102	104	106	108	109
3.3	Численность НИР, владеющих английским языком на уровне upper intermediate (сертификат)	чел.	12	15	18	21	24
3.4	Численность НИР и аспирантов, прошедших стажировки в ведущих российских и мировых университетах	чел.	16	16	16	17	18
3.5	численность аспирантов на начало учебного года	чел.	60	55	55	54	54
3.6	численность докторантов на начало учебного года	чел.	6	4	3	3	2
3.7	прием в аспирантуру (в том числе по очной форме обучения)	чел.	9	9	8	8	7
3.8	прием в докторантуру	чел.	2	2	2	2	2

Достижение этих показателей позволит реализовать миссию экономического факультета - усиление фундаментальности экономико-управленческого образования через его организационно-методическую координацию во всех подразделениях ЮФУ, обеспечение подготовки экономистов, управленцев, аналитиков и информатиков-экономистов новой генерации, конкурентоспособных на рынках труда

всех уровней и ориентированных на эффективное участие в развитии экономики и системы экономико-управленческого образования.

Исходя из миссии, стратегическая цель экономического факультета – модернизация и развитие факультета как многофункционального, многоуровневого научно-образовательного центра, обеспечивающего реализацию портфеля конкурентоспособных программ и интеллектуальных продуктов и нацеленного на сетевое взаимодействие в научно-исследовательской и образовательной сфере.

В новой редакции Государственной программы под эффективным контрактом понимаются «трудовые отношения между работодателем (государственным и муниципальным учреждением) и работниками, основанные на наличии у учреждения государственного (муниципального) задания и целевых показателей эффективности работы, утвержденные учредителем; системе оценки эффективности деятельности работников (совокупности показателей и критериев, позволяющих оценить количество затраченного труда и его качество), утвержденной работодателем в установленном порядке; системе оплаты труда, учитывающей различия в сложности выполняемой работы, а также количество и качество затраченного труда, утвержденной работодателем в установленном порядке; системе нормирования труда работников, подробной конкретизации с учетом отраслевой специфики в трудовых договорных должностных обязанностях работников, показателей и критериев оценки труда, условий оплаты труда. Трудовые отношения между работодателем и работниками, включая установление заработной платы, формализуются при заключении трудовых договоров»¹.

Ректор ЮФУ, профессор Боровская М. А. и кадровая служба университета прицельно определяют суть эффективного контракта, которая, по их мнению, состоит в следующем: трудовой контракт остается базовой основой для реализации социально-трудовых отношений в системе ВПО, эффективный контракт остается вне поля контрактных отношений работника и работодателя (может не совпадать по срочности с трудовым договором), он может быть обеспечен различными формами стимулирования (например, в форме социального пакета, активно используемая форма стимулирования сотрудников американских университетов) (*Боровская, Масыч и Шевченко, 2013. С. 14-17*). Эффективный контракт предусматривает как индивидуальную, так и групповую форму реализации, не влияет на содержание работ и их трудоемкость, предусмотренную для всех работников (приоритетно предусмотрен для основных работников вуза). Эффективный контракт становится важным инструментом активизации учебно-методической и научно-исследовательской деятельности научно-педагогических работников вузов, поскольку в структуре контракта закладываются клиенто- и рынок-ориентированные показатели (публикационная активность, вклад в продвижение бренда университета, научное и педагогическое сопровождение студентов университета).

Таким образом, важным инструментом новой кадровой политики в вузах выступает эффективный контракт (практика реализации которого уже несколько лет осуществляется в университете), предусматривающий текущий и итоговый мониторинг достижений работника (в рамках реализуемого в настоящее время рейтинга преподавателей). Процесс подготовки и заключения эффективных и базовых контрактов организационно обеспечивает служба персонала, что создает условия для реализации функцию организационного фильтра персонала университета и формирования спроса на труд на внешнем рынке.

Эффективный контракт с деканом экономического факультета предполагает полугодовой мониторинг всех показателей, которые должны, с одной стороны, показывать положительную динамику, а с другой стороны, по своим значениям приближаться к установленным в контракте величинам. При условии, если в течение трех полугодий положительная динамика не будет наблюдаться, контракт

¹ См.: Государственная Программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы. 2013. С. 32. (<http://минобрнауки.рф/документы/3409>).

подлежит расторжению. Это налагает особую ответственность на декана факультета. Однако без поддержки трудового коллектива, всех преподавателей и сотрудников поставленные задачи не могут быть выполнены. Это требует повышения качества управления и совершенствования организационной структуры факультета (см. приложение 1).

Следует отметить, что в целом Южный федеральный университет характеризуется сложной, но в то же время открытой организационной культурой, которую можно назвать адхократической (культурой профессионалов). Она основана на сочетании принципов коллегиальности, демократизма и вовлеченности сотрудников в принятие решений, как по горизонтали, так и по вертикали. Действуют восходящие и нисходящие каналы коммуникации, обеспечивается обратная связь. Эти же принципы должны быть реализованы и в процессе совершенствования системы управления экономическим факультетом.

В перспективе эффективные контракты должны быть заключены с заведующими кафедрами, а также топ-учеными факультета, например, профессором Вольчиком В. В. Со всеми другими преподавателями факультета будут заключены базовые контракты, в приложениях к которым устанавливаются показатели, полученные в процессе декомпозиции показателей стратегии развития факультета первоначально в контрактах заведующих кафедрами, а затем и персонифицированные для каждого преподавателя. Тем самым квалификационная комиссия факультета каждые полгода будет осуществлять мониторинг выполнения контрактов и принимать решения об их продлении или разрыве.

Реализация пятилетнего эффективного контракта обеспечит не только развитие экономического факультета, но и достижение долгосрочных социально-экономических эффектов на уровне города, региона в образовательной, научно-исследовательской и инновационной сферах, в частности:

В образовательной сфере

- высокая профессиональная мобильность выпускников экономического факультета, готовность к обучению экономистов и управленцев новой генерации;
- повышение доли населения, получающего непрерывное образование по программам обучения факультета;
- повышение доступности образовательных услуг и научных продуктов в регионе через эффективное использование новых систем и технологий обучения, электронных образовательных ресурсов нового поколения;
- повышение доли актуальных направлений, специальностей и программ подготовки всех уровней образования;
- повышение активности работодателей в оценке образовательных услуг факультета, развитие интеграционных процессов образования, науки и производства;
- развитие имиджа профессии экономиста, менеджера, аналитика, информатика-экономиста;
- положительное влияние модернизации образовательного процесса на уровень трудоустроенных выпускников в регионе;
- увеличение числа иностранных студентов;
- повышение показателей образовательной мобильности студентов и преподавателей.

В научно-исследовательской сфере

- увеличение доли научных исследований по актуальным проблемам для города, региона и страны;
- увеличение доли топ-ученых;
- повышение доли аспирантов и докторантов, защитившихся в срок и в течение года после окончания обучения;
- повышение числа НИР, имеющих ученую степень доктора наук или кандидата наук, снижение среднего возраста кандидатов и докторов наук;

- повышение показателей образовательной и научной мобильности студентов и преподавателей;
- повышение публикационной активности в научной периодике, индексируемой иностранными и российскими организациями (Web of Science, Scopus, Российский индекс цитирования);
- повышение качества организации и проведения школьных олимпиад в области экономики, обществознания, менеджмента;
- повышение числа визит-профессоров.

В инновационной сфере

- увеличение дохода от научно-исследовательской и инновационной деятельности;
- развитие студенческого бизнес-инкубатора;
- развитие системы повышения квалификации руководителей структурных подразделений – деканата, кафедр, а также преподавателей;
- развитие инновационной инфраструктуры факультета;
- повышение числа аспирантов и НПП, прошедших стажировки в ведущих научных и университетских центрах.

Таким образом, экономический факультет в рамках ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» к 2018 г. будет отличаться следующими принципиальными особенностями:

- оптимальной структурой управления;
- эффективным использованием кадрового, научного и образовательного потенциала;
- неразрывным единством образовательной, научной и инновационной деятельности;
- устойчивой системой фундаментального экономического образования;
- развитыми механизмами интеграционного взаимодействия с учреждениями образования, науки, культуры, бизнес-сообществом, производством и др.

В целом, оценка перспектив развития российской системы образования в 2014 г. показывает, что основным трендом станет институциональная модернизация в контексте основных направлений реализации Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», хотя на начало октября 2013 г. в базу Госдумы было внесено 24 законопроекта о внесении изменений в этот закон. Существенную роль в реализации основных новаций закона, продвигающих российскую систему образования по пути прогрессивного развития, призван сыграть эффективный контракт научно-педагогических работников, экспериментальной площадкой по отработке которого выступает ЮФУ. Как показывает проведенный анализ первого опыта реализации эффективного контракта на экономическом факультете, он, действительно, активизирует деятельность как руководителей подразделений, так и всего научно-педагогического корпуса.

Наш журнал регулярно публикует научные материалы, раскрывающие проблематику развития экономического образования и флуктуации внутреннего рынка труда вузов, а также государственного регулирования рынка труда и смежных с ним теоретических, исторических и прикладных вопросов стратегического ориентирования российской системы образования. Однако острота проблемы анализа последствий реализации ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» не снимается. Приглашаем специалистов к участию в дискуссии по этой животрепещущей проблеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боровская М. А., Масыч М. А. и Шевченко И. К. (2013). Эффективный контракт в системе стимулирования научно-педагогических работников // *Высшее образование в России*, № 5.

Государственная Программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы. 2013. (<http://минобрнауки.рф/документы/3409>).

Заварыкина Л. В., Лопатина А. С. и Перфильева О. В. (2012). Сравнительный анализ международных методологий ранжирования высших учебных заведений // *Вестник международных организаций*, № 1.

Кларк Б. Р. (2011). Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / Пер. с англ. А. Смирнова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Романовская И. А. (2013). Развитие инновационной позиции преподавателя высшей школы в процессе организационного обучения // *Современные проблемы науки и образования*, № 2.

Роль исследовательской деятельности в университете. Круглый стол. Июль 2007 // *Вопросы образования*, № 4.

Рощина Я. М. и Юдкевич М. М. (2009). Факторы исследовательской деятельности преподавателей вузов: политика администрации, контрактная неполнота или влияние среды? // *Вопросы образования*, № 3.

Якобсон Л. И. (2008). Государственное финансирование высшего профессионального образования. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

REFERENCES

Borovskaya M. A., Masych M. A. and Shevchenko I. K. (2013). Effective contract in promoting system of scientific and pedagogical workers. *Higher Education in Russia*, no. 5. (in Russian).

State Program of the Russian Federation "Development of Education" for 2013-2020. 2013. (<http://минобрнауки.рф/документы/3409>). (in Russian).

Zavarykina L. V., Lopatin A. S. and Perfilieva O. V. (2012). Comparative analysis of international methodologies of higher education institutions ranking. *Bulletin of international organizations*, no. 1. (in Russian).

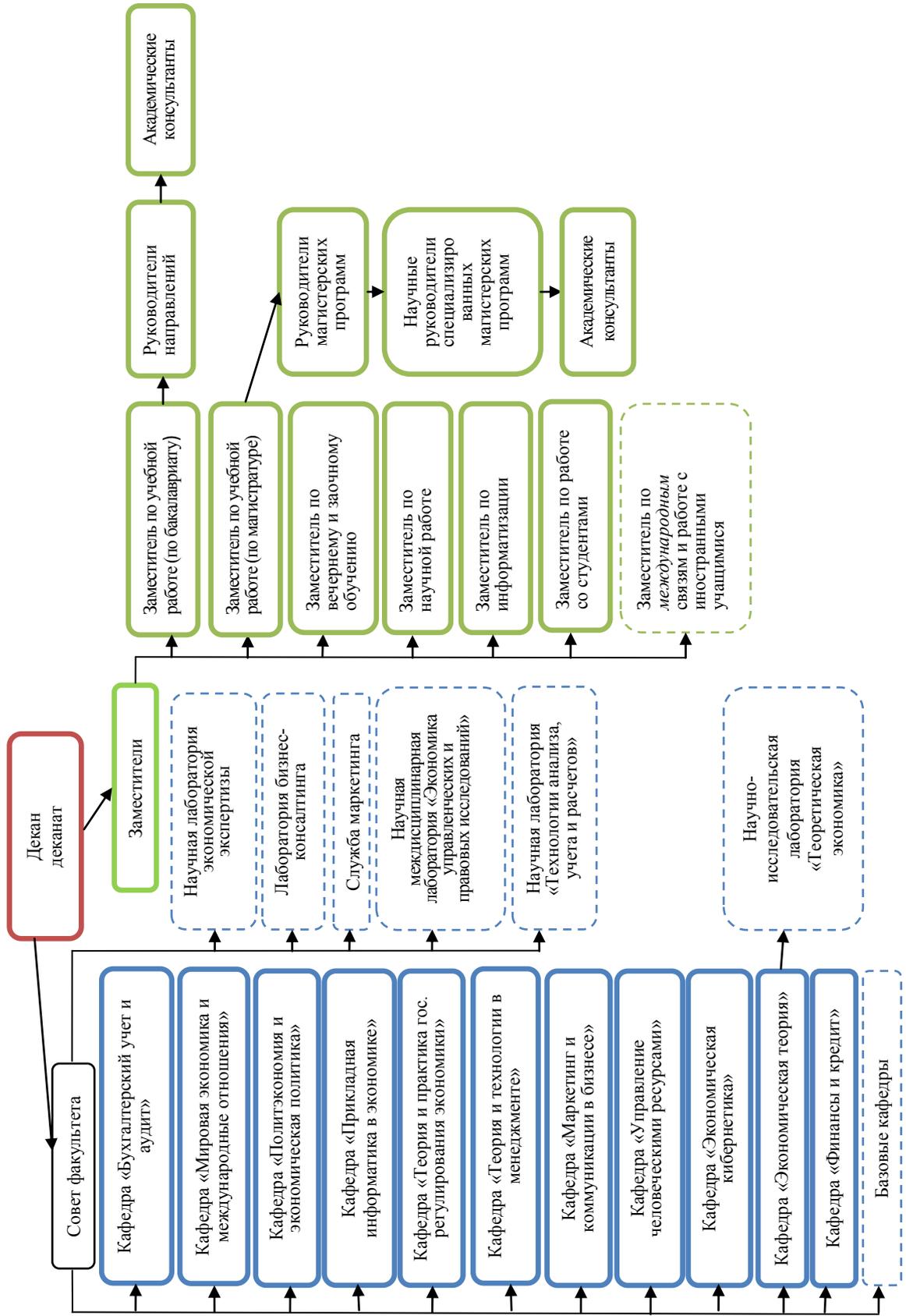
Clark B. R. (2011). Creating entrepreneurial universities: organizational directions of transformation / Transl. from English by A. Smirnov. M.: Publ. House of the Higher School of Economics. (in Russian).

Romanovskaya I. A. (2013). Development of innovative lecturer position in high school in the organizational learning. *Modern problems of science and education*, no. 2. (in Russian).

Role of research in the university. Round table. July 2007. *Education Matters*. no 4. (in Russian).

Roshchina J. M. and Yudkevich M. M. (2009). Factors of researching by university lecturers: policy administration, contract incompleteness, or environmental influence? *Problems of Education*. no 3. (in Russian).

Jacobson L. I. (2008). Public funding of higher education. M.: Publ. House of the Higher School of Economics. (in Russian).

НЕФОРМАЛЬНОЕ СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СНИЖЕНИИ РИСКОВ БЕДНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ УЯЗВИМОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

БЕЛОКРЫЛОВА ОЛЬГА СПИРИДОНОВНА,

декан экономического факультета,
доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: belokrylova@mail.ru

ФИЛОНЕНКО ЮЛИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории,
Южный федеральный университет,
e-mail: uafiloni@mail.ru

ФУРСА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории,
Южный федеральный университет,
e-mail: efoursa@mail.ru

В статье рассматривается потенциал сетевого обмена и сетевой взаимопомощи в сглаживании последствий бедности и снижении рисков социальной уязвимости и изоляции. Авторы констатируют низкую оценку респондентами роли государства и общественных организаций в преодолении проблем бедности и социальных рисков и высокий социальный капитал родственных отношений. Приведенные в статье данные, выводы и рекомендации базируются на основе данных глубинного интервьюирования 109 респондентов - представителей различных социально-демографических групп г. Ростова-на-Дону и Ростовской области.

Ключевые слова: бедность; социальная уязвимость; неформальные сетевые обмены; дары; измерение бедности.

INFORMAL NETWORK INTERACTION IN REDUCING THE RISK OF POVERTY AND SOCIAL VULNERABILITY (ON THE EXAMPLE OF ROSTOV REGION)

BELOKRYLOVA OLGA, S.,

Dean of Economic Faculty,
Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University,
e-mail: belokrylova@mail.ru

FILONENKO JULIA, V.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department «Economic Theory»,
Southern Federal University,
e-mail: uafiloni@mail.ru

¹ Статья выполнена в рамках Международного конкурса РГНФ – фонд «Дом Наук о Человеке» (ФДНЧ, Франция), 2012 «Формы бедности и социальной уязвимости населения России и Франции» (грант 12-22-08001).

FURSA ELENA, V.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department «Economic Theory»,
Southern Federal University,
e-mail: efursa@mail.ru

The potential of a network exchange and network mutual aid in smoothing of consequences of poverty and decrease in risks of social vulnerability and isolation is considered in the paper. Authors state a low mark respondents of a role of the state and public organizations in overcoming of poverty problems and social risks and the high social capital of the related relations. The data provided in the paper, conclusions and recommendations are based on a basis of 110 respondents given of deep interviewing - representatives of various social and demographic groups in Rostov-on-Don and the Rostov region.

Keywords: poverty; social vulnerability; informal network exchanges; gifts; poverty measure.

JEL: I32.

Острота проблемы бедности в России, несмотря на реализацию государством ряда мер по сокращению бедности, повышению уровня социальной поддержки семей с детьми и уровня оплаты труда работников бюджетной сферы, не утрачена и требует совершенствования методологической и информационной базы исследования малообеспеченности и бедности в целом.

Официальные и прогнозные данные свидетельствуют об общем снижении уровня бедности — реальные располагаемые денежные доходы, по данным ФСГС РФ, в октябре 2013 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года увеличились на 4,9%, в январе-октябре 2013 г. - на 3,9%. По данным Всемирного банка, в России наблюдается снижение доли населения с доходами ниже национальной черты бедности с 11,7% в 2012 г. до 11,2% в 2014 г., что означает снижение числа бедных с 16,9 млн. человек в 2012 г. до 15,9 млн. человек в 2014 г.² Минэкономразвития России в инновационном варианте долгосрочного социально-экономического развития дает положительную оценку по сокращению числа бедного населения (см. рис. 1):

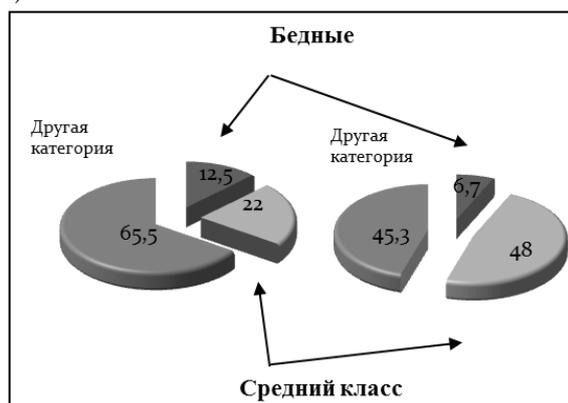

Рис. 1. Социальная структура общества (инновационный вариант)
Источник: Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. 2013, С. 94.

Уровень бедности, по оценкам МЭР России, снизится до 10% к 2020 г., а в 2030 г. не превысит 7%, и даже в консервативном варианте, предполагающем замедленное сокращение доли бедного населения, его доля составит менее 8%

² См.: Доклад Всемирного банка об экономике России, 2013, с. 24. (<http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/RER29-RUS.pdf>).

в 2030 г. Однако, в то время как прогнозируется дальнейшее снижение уровня бедности, а именно доли населения, имеющей доходы ниже прожиточного минимума, растут неравенство и острота восприятия бедности, малообеспеченности, риски социальной исключенности и уязвимости.

Это требует учета не только отдельных макроэкономических факторов в формировании масштабов бедности, но и научного поиска методологических решений, учитывающих измерение немонетарных форм проявления бедности. Это является важным дополнением традиционной монетарной оценки и углубляет ее за счет включения понятий социальной уязвимости и социальной изоляции. Очевидно, что в современных условиях постиндустриального информационного общества феномен бедности приобретает новые качественные составляющие. В этом смысле инструментальный анализ бедности призван позволять оценивать глубину этой социально-экономической проблемы не только во взаимосвязи с макроэкономическими показателями, но и с иными показателями бедности, учитывающими иные, отличные от количественных, формы проявления малообеспеченности, социальной уязвимости и изоляции. Это требует проведения точечных социально-экономических исследований и применения более сложных исследовательских методов. В качестве такового научным коллективом, выполняющим сравнительное исследование форм бедности и социальной уязвимости населения России и Франции, был выбран метод качественного исследования – глубинное интервью, позволяющее получить полную и глубокую информацию о мотивах, установках, мнениях респондентов, а также сделать выводы об искренности респондента и учесть невербальные реакции. Проведение глубинного интервью позволило получить неформализованную информацию о факторах бедности, социальной уязвимости и изоляции респондентов – представителей основных групп риска бедности.

В ходе исследования в период с февраля по сентябрь 2013 г. было проведено 109 глубинных интервью в различных социально-демографических группах г. Ростова-на-Дону и Ростовской области, в разной степени подверженных социальной уязвимости и социальной изоляции, или имеющих риски отнесения к уязвимым группам – пожилых одиноко проживающих (одинокие или супружеские пары), неработающих пенсионеров, семей с детьми до 16-18 лет, живущих без родственников, в том числе неполные и многодетные семьи (см. табл. 1).

Таблица 1

Размещение выборочной совокупности респондентов глубинного интервью

Социально-демографические группы	Всего		
	мужчины	женщины	итого
Семьи с детьми возраста до 16 лет:	6	45	51
имеющие одного ребенка, из них:	-	27	27
- неполные	-	15	
имеющие двух детей, из них:	6	14	20
- неполные	-	2	
имеющие трех детей и более, из них:	-	4	4
- неполные	-	-	
Пенсионеры	10	48	58
- проживающие отдельно	5	36	41
- проживающие совместно с супругом (супругой)	5	12	17
Итого	16	93	109

При формировании выборки использовались сочетания вероятностных методов – «удобной выборки», предполагающей установление контактов с «удобными» для исследователя единицами выборки - лицами или группами лиц,

отобранными для участия в исследовании; и невероятных – метода «снежного кома», когда респондент делится контактами его друзей, коллег, знакомых, подходящих под условия отбора и имеющих возможность принять участие в опросе. Использование метода «снежного кома» было обусловлено деликатностью поставленных в исследовании проблем и тем объективным обстоятельством, что множество респондентов относились к проведению опроса очень настороженно, даже если он проводился через официальные органы с последующим вручением небольшого подарка. Нивелирование отрицательной реакции, преодоление настороженности и недоверия респондентов стало возможным при использовании метода «снежного кома», когда интервьюер следовал нескольким цепочкам личных коммуникаций респондентов.

Выбор социально-демографических групп обусловлен тем объективным обстоятельством, что пенсионеры относятся к категории «традиционно бедных» по уровню своего материального положения, низкого размера пенсий и сокращению степени доступа к услугам здравоохранения, социальным льготам. Однако статистический анализ и ряд исследований профиля бедности, проведенных Институтом социологии РАН, НИСП, ИСЭПН и других³ (Овчарова, 2011; Корчагина, 2012) показывают большие риски бедности и социальной уязвимости семей с детьми. Если традиционно в России к беднейшим слоям населения относились пенсионеры, то тенденции последних лет изменили структуру бедности и вывели на первый план семьи с детьми, которые лидируют по распространенности факторов изоляции, особенно многодетные семьи вследствие высокой иждивенческой нагрузки. Тем не менее, даже если доля неработающих пенсионеров, по данным ФСГС РФ, среди малоимущего населения последовательно сокращается (с 14,3% в 2008 г до 11,6% в 2011 г.), то острота социальной уязвимости не снижается – в ситуации общего ухудшения экономической ситуации и ожидания последствий новой пенсионной реформы одиноко проживающие и неработающие пенсионеры являются особо уязвимой социально-демографической группой в силу отсутствия эффекта экономии от масштаба, возникающего в крупных домохозяйствах и с учетом того объективного факта, что у одиноких пенсионеров не будет возможности разделить расходы и социально-экономические риски с другими участниками домохозяйства.

Однако в сложных, кризисных социально-экономических ситуациях российские домохозяйства демонстрировали высокий адаптационный потенциал за счет расширения семейных взаимобменнов – так называемых частных трансфертов. Анализ таких «нерыночных» составляющих совокупного дохода домохозяйств, как продукты сетевой неформальной взаимопомощи, имеет актуальное значение для исследования проблем бедности и социальной уязвимости. При этом поддержка, получаемая и оказываемая домохозяйствами, имеет экономический, социальный, психологический, информационный, инструментальный контекст и анализируется в спектре междисциплинарных исследований Т. Парсонса, Дж. Скотта, К. Полањи, М. Годелье, Т. Шанина, П. Фести, М. Грановеттера, В. Радаева, Е. Реутова, С. Барсуковой, Т. Заславской, В. Ильина, Л. Прокофьевой, И. Штейнберга и др.

Так, И. Штейнберг называет феномен неэквивалентного обмена в сетях социальной поддержки семьи особым родом неформального социального института, спонтанно возникшего на основе кровного родства и дружеских связей членов семей, их взаимного интереса и личного выбора (Штейнберг, 2004). Этот альтернативный внутренний ресурс называют реципрокным – сопряженным (Барсукова, 2004; Molm, 2010). Его потенциал активно используется в социально-экономической деятельности домохозяйств в процессе его выживания, особенно в кризисных условиях, для снижения степени социальной уязвимости. Активизация неформального сетевого обмена денежными ресурсами, потребительскими товарами и социальными благами между домохозяйствами, предполагающая экономическую взаимопомощь, кооперацию совместного потенциала и ресурсов домохозяйств, имеющих родственные или дружеские связи также усиливается в условиях, когда

³ См.: Доклад Всемирного банка об экономике России, 2013. (<http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/RER29-RUS.pdf>).

государство фактически не выполняет функцию перераспределения дохода и богатства. В таком случае макроэкономический эффект неформальных сетевых взаимодействий реализуется в результате перенаправления ресурсов домохозяйств и сглаживания глубины обеднения по шкале «нищета-бедность-малообеспеченность-среднеобеспеченность» от более обеспеченных к менее обеспеченным, что несколько снижает уровень бедности и социальной уязвимости.

Возможности и объемы неформальной сетевой взаимопомощи не поддаются точной калькуляции, так как учет потребительских ресурсов и иных благ в бюджетах домохозяйств не осуществляется, не носит регулярный характер, не подчиняется стоимостной логике, и обусловлены не столько максимизацией прибыли, сколько социокультурными, отношенческими, субъективными аспектами, религиозными и этическими ценностями. Качественная составляющая таких обменов выявляется при проведении глубинных интервью, позволяющих получить полную и глубокую информацию о мотивах, установках, мнениях респондентов, а также сделать выводы об искренности респондента и учесть невербальные реакции.

Респондентам были предложены следующие варианты (или их сочетания) взаимных обменов, взаимопомощи родных, близких, друзей за последний год с уточнением направления обмена (получала и/или оказывала):

- 1) регулярная помощь деньгами;
- 2) регулярная помощь продуктами;
- 3) нерегулярная или эпизодическая помощь деньгами, вещами, продуктами;
- 4) единовременная помощь (при покупке дома, квартиры, дачи, машины или дорогостоящими подарками, в виде оплаты отдыха, учебы, лечения);
- 5) уход за детьми, больными, престарелыми;
- 6) помощь по дому, в огороде, по ремонту, строительству и т.д.;
- 7) помощь в трудоустройстве, поиске дополнительной работы;
- 8) другое (например, совет, моральная поддержка);
- 9) отсутствие помощи или обменов.

Полученные в результате глубинных интервью данные показали высокую частоту и плотность неформальной сетевой взаимопомощи. 89% респондентов из обеих рассматриваемых социально-демографических групп указали на наличие взаимных обменов по предложенным направлениям и получение или отдачу тех или иных ресурсов в своем непосредственном окружении в течение последнего года, причем пенсионеры чаще осуществляют такие взаимнообмены - 93%, тогда как семьи с детьми отметили сетевые неформальные обмены в 84% случаев. При этом, следует отметить, что один из респондентов, отметивший отсутствие каких-либо взаимодействий и помощи, в ходе проведения интервью на вопрос об устройстве ребенка в детский сад и о том, повлиял ли затрудненный доступ в детское дошкольное учреждение на ее трудоустройство, ответила: «Я попала в такую ситуацию, но могла позволить себе работать, потому что ребенком занималась мама». Действительно, следует отметить факт некоторых противоречий в ряде исследований с начала 2000-х гг., которые показывают различные (от 15 до 50%) вариации доли респондентов, которые указывали на наличие помощи родственников и друзей в структуре совокупных доходов. В то же время более детальные исследования с помощью «индекса помощи» и «индекса плотности обмена» показывали, что не было ни одной семьи, которая не была бы связана отношениями обмена или помощи с другими домохозяйствами (Барсукова, 2003. С. 100-101). Это свидетельствует скорее о том, что взаимнообмены ресурсами и услугами между родственниками, друзьями, коллегами стали органичной, рутинной процедурой и реальной значимой подобными взаимодействиями зачастую не воспринимаются респондентом и не всегда адекватно отражает фактический вклад неформального ресурса в адаптационный потенциал домохозяйства. В то же время, как отмечает П. Фести и Л. Прокофьева (Фести и Прокофьева, 2008. С. 17), в последние годы в России происходит интенсификация обменов услугами и усиление практики межсемейной солидарности. Этот вывод подтверждается в исследовании

Института РАН «Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя» - семьи, относящиеся к «бедным» несколько чаще, чем ранее, отмечали значение помощи, получаемой от родственников, друзей, соседей как источника не просто поддержки, а даже основного дохода семьи⁴. Согласно данным Ростовского регионального отделения Центра социальной политики и мониторинга сельского развития ГНУ ВНИИЭСХ, в структуре стоимости натуральных поступлений в сельские домохозяйства доля подарков и других поступлений постепенно растет, достигнув в 2011 г. 12%⁵.

Исследование, проведенное авторами, подтвердило широкие масштабы сетевых взаимодействий: 89% обменивались услугами, что выражалось в упомянутых выше вариантах обмена - уходе за детьми, больными, престарелыми; помощи в хозяйственных делах, в трудоустройстве, моральной помощи; 71% участвовали в нерегулярном материально-вещественном обмене (занимали и одалживали деньги, помогали или получали продукты, вещи). Респонденты, которые сочли возможным оценить вклад семейных трансфертов в их ежемесячный доход, называли следующее соотношение: 70-80% - доля основных видов доходов (зарплата, пенсии), 20-30% - семейные (частные трансферты).

Анализ видов поддержки и доминирующих благ и услуг, получаемых домохозяйствами со стороны неформальных сетей взаимопомощи, позволил выявить ее характер. Наибольшую частоту взаимобменов респонденты фиксировали в ресурсах родственных коммуникаций (моральной поддержке, помощи, советах, общении), на втором месте по частоте - взаимопомощь по уходу за детьми, больными, престарелыми, помощи по дому, в огороде, по ремонту, строительству и т.д. Важное значение для семей с детьми имеет обмен и взаимопомощь детской одеждой и детскими товарами. На наличие помощи одеждой и обувью указывали и пенсионеры.

Существенное значение имеют межпоколенческие обмены продуктами, денежными ресурсами, услугами, а также традиционный обмен продуктами и промышленными товарами между родственными домохозяйствами, представляющими разветвленное сетевое сообщество, для которого всегда были характерны бартерные отношения, безвозмездная помощь. Так, респондент (женщина, 31 год, неполная семья с одним ребенком) признается, что «если бы не помощь родителей, многие проблемы остались бы нерешенными и накапливались бы». Женщина, 32 года, полная семья с одним ребенком, говорит о бремени ипотечных выплат и о неценимой помощи родителей, проживающих в сельской местности, в обеспечении продуктами. Пенсионерка (88 лет, проживающая одна) говорит о внуках, которые сделали ремонт в ее квартире. При этом каждое домохозяйство выступает, согласно терминам, предложенным С. Барсуковой, как и донором, так и реципиентом реципрочного обмена (Барсукова, 2004).

Действительный масштаб сетевой взаимопомощи является важным дополнительным источником поддержания качества жизни и ресурсом снижения социальной уязвимости, которая выступает как социальное явление, в рамках которого индивидуумы (домохозяйства) испытывают ограничения в доступе к жизненно важным ресурсам (доходы, образование и здравоохранение и др.). Формы уязвимости, по мнению Л. Ниворожкиной, Л. Овчаровой и Д. Поповой, проявляются как формы ограничения доступа к ресурсам⁶. Но в трудной жизненной ситуации или в крайней ситуации домохозяйства используют потенциал сетевого взаимодействия. Респондентам глубинного интервью был предложен вопрос о том, к кому они обратятся в трудной жизненной ситуации и кто реально помогает:

- в МУСЗН по месту жительства;

⁴ См.: Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад, 2013. С. 40. (http://www.isras.ru/analytical_report_bednost_i_neravenstva.html).

⁵ См.: Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга - науч. изд. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», вып. 14-й, 2013. С. 118.

⁶ См.: Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность. Колл. монография / Рук. Л. Н. Овчарова; НИСП. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 21.

- в местную администрацию;
- на предприятие по месту работы;
- к родным, друзьям, знакомым;
- к губернатору, в его администрацию;
- в церковь;
- в общественные и благотворительные организации;
- современные коммуникации – СМИ, Интернет, социальные сети;
- не к кому обращаться;
- другое.

Большинство респондентов (90%) в крайней ситуации обратятся к родственникам, близким - именно их называли респонденты всех опрошенных групп. Более того, респонденты говорили о важности помощи, возможности дарить подарки, наличия самой сети при оценке понимания богатства и бедности: «богатство – это возможность помогать родным и близким на постоянной основе, быть включенным в их жизнь» (пенсионер, 67 лет, проживающий одиноко); «бедные – неприкаемые, никому не нужные. Наверное, признак бедности – ненужность, значит, нет семьи у человека, близких (или они не интересуются им), нет коллектива, работы».

Группа пенсионеров демонстрирует больший, чем семьи с детьми, социальный патернализм, надеясь на помощь церкви (28%), МУСЗН (30%), куда большинство из них обращались за субсидиями на оплату жилищно-коммунального хозяйства, но не надеясь на помощь государства. Респонденты высказывали мнение о слабом участии или даже отстраненности государства, а тем более областной и местной администрации от проблем малообеспеченных семей. Однако при этом респонденты, наиболее критично настроенные относительно деятельности государства в целом, и в его лице – деятельности местных органов власти, признавались, что никогда не обращались в местную или областную администрацию и непосредственно не имели собственного отрицательного опыта взаимодействия с этими органами.

Это обстоятельство объясняется в рамках теории социального капитала Т. Шульца, Г. Беккера, Д. Коулмана, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы, основой которого являются «формальные и, особенно, неформальные нормы взаимоотношений индивидов, повышающие производительность труда и доход» (Коулман, 2001, С. 124). В его интерпретации «в отличие от иных форм капитала (имея в виду капитал как совокупность вещественных ресурсов), социальный капитал свойственен структуре связей между акторами и среди них» (Коулман, 2001), при этом основным компонентом социального капитала выступают отношения доверия (Сасаки, Латов, Ромашкина и Давыденко, 2010. С. 87). Анализируя два аспекта доверия - обобщенное (межличностное доверие, доверие к «людям вообще») и институциональное доверие, т. е. доверие к тем организациям (правительству, бизнесу, СМИ, профсоюзам, организациям), которые играют ключевую роль в генерировании и выполнении общественных «правил игры», Ю. Латов приходит к выводу о низком уровне институционального доверия: «уровень доверия практически ко всем социальным организациям в современной России достаточно низок... Эти результаты следует интерпретировать как свидетельство высокого уровня отчужденности россиян от власти» (Латов, 2010). В рамках нашего исследования этот вывод вполне подтвердился. И еще реже, нежели государство на его разных уровнях (региональном, местном), респонденты в ответе на вопрос о том, к кому они могли бы обратиться в трудной ситуации, упоминали некоммерческие, общественные и благотворительные организации, не будучи осведомленными об деятельности или называя их деятельность обманом, мошенничеством.

Подобные результаты получили Реутов Е. В., Колпина Л. В., Реутова М. Н., Бояринова И. В., проанализировав в 2010 г. 1000 респондентов Белгородской области. Исследователи выявили «причудливое сочетание архаизированных и модернизированных характеристик, выражающееся, с одной стороны, в

индивидуализме и расчете исключительно на собственные ресурсы и возможности, с другой, - в апелляции в случае жизненных трудностей к неформальным связям и отношениям, прежде всего, к кровнородственным», а также крайне низкий уровень надежды на помощь формальных институтов — как государственных (муниципальных) органов и учреждений, так и руководства организаций, в которых работают респонденты (Реутов, 2011. С. 82). Неспособность воздействия группы, объединенной социальным капиталом, на повышение качества формальных институтов, при наличии такого потенциала, объясняет В. Вольчик: «в России наблюдается довольно парадоксальный факт: при наличии коллективистских настроений... не существуют традиции солидарного поведения и построения общественных отношений на основе взаимности» (Вольчик, 2012. С. 15). Это обуславливает ограниченный характер таких сетей: «сами сети достаточно редко выходят за пределы традиционных родственных и дружеских, реже - соседских отношений... Доминирование личностного, «человеческого» подхода к выстраиванию неформальных связей определяет тот факт, что из постоянных участников сетевого взаимодействия, как правило, исключаются (по крайней мере, не упоминаются), например, руководство организаций, представители властных структур, а низкий уровень гражданского участия не позволяет взаимодействовать в рамках общественных структур» (Реутов, 2012. С. 36).

Таким образом, опрошенные нами в 2013 г. респонденты не надеются на помощь государства и низко оценивают роль общественных организаций в преодолении проблем бедности и социальных рисков, а также настроены весьма скептически по поводу улучшения или изменения такой ситуации. То, что большинство респондентов полагаются полностью на родственников, свидетельствует о высоком социальном капитале родственных отношений и низком доверии к общественным институтам. В такой ситуации социальные сети являются вынужденным, компенсационным механизмом, формирующимся в условиях неэффективности государства и других социальных институтов (Реутов, 2011. С. 80), а межсемейная солидарность - важным средством противостояния экономическим трудностям (Фести и Прокофьева, 2008. С. 16). Данные нашего исследования показывают, что российская неформальная институциональная специфика, уклад хозяйственной и семейной жизни обусловили использование «нерыночных» инструментов — неформальных сетевых взаимодействий — и свидетельствуют о социальном потенциале неформальных обменов и связей с учетом включенности домохозяйства в социальные сети и взаимопомощи участников межсемейных, поколенческих или дружественных сетевых сообществ для поддержания уровня жизни и сглаживания проблем малообеспеченности и социальной уязвимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсукова С. (2003). Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // *Мир России*, № 2, с. 81-90.
- Барсукова С. (2006). Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами. Ч. I. Теория реципрокности. Сущность и функции реципрокных обменов. (<http://ecsocman.hse.ru/text/16212570>).
- Барсукова С. (2012). Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // *Социологические исследования*, с. 31-39.
- Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад, 2013. (http://www.isras.ru/analytical_report_bednost_ineravenstva.html).
- Вольчик В. (2012). Проблема доверия и модернизация институтов // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 10, № 2, с. 12-18.
- Годелье М. (2007). Загадка дара. М.: Восточная литература, 295 с.
- Доклад Всемирного банка об экономике России, 2013. (<http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/RER29-RUS.pdf>).
- Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность. Колл. монография / Рук. Л. Н. Овчарова; НИСП. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.

Корчагина И. (2012). Измерение человеческого потенциала в аспекте ограничения доступа к ресурсам его развития // *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES*, Т. 4, № 1, с. 68-78.

Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*, № 3, с. 121-139.

Латов Ю. (2010). Каков социальный капитал современной России? (сравнительный анализ межличностного и институционального доверия) // *Леонтьевские чтения (эл. журнал)*. № 7, с. 216-230. (<http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/leontief/2010/Latov.pdf>).

Овчарова Л. (2011). Бедность в современной России: приоритеты политики и мониторинга. (<http://2020strategy.ru/g9/documents/32642062.html>).

Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г., 2013. (http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06).

Реутов Е., Колпина Л. и Реутова М. (2012). Социальные сети и повседневные практики населения Белгородской области // *Социологические исследования*, № 1, с. 34-41.

Реутов Е., Колпина Л., Реутова М. и Бояринова И. (2011). Эффективность социальных сетей в региональном сообществе // *Социологические исследования*, № 1, с. 81-89.

Сасаки М., Латов Ю., Ромашкина Г. и Давыденко В. (2010). Доверие в современной России // *Вопросы экономики*, № 2, с. 83-102.

Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга - науч. изд. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», вып. 14-й, 2013. С. 118.

Фести П. и Прокофьева Л. М. (2008). Семейная солидарность уже не такая, как прежде: игра воображения или реальность / Измерение, формы и факторы бедности: сравнительный подход / Под ред. П. Фести и Л. Прокофьевой. Париж: INED, с. 197-206.

Штейнберг И. (2004). Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей // *Вестник общественного мнения*, № 6 (74) ноябрь-декабрь, с. 52-57.

Molm L. D. (2010). The structure of reciprocity // *Social psychology*, vol. 73, no. 2, pp. 119-131.

REFERENCES

Barsukova S. (2003). The network mutual aid of the Russian households: economy of gifts theory and practice. *World Russia*, no. 2, pp. 81-90. (in Russian).

Barsukova S. (2006). Non-market exchanges between the Russian households. P. I. Reciprocated theory. Essence and functions reciprocated exchanges. (<http://ecsocman.hse.ru/text/16212570>). (in Russian).

Barsukova S. (2012). The informal economy: concept, studying history, research approaches. *Sociological researches*, pp. 31-39. (in Russian).

Poverty and inequality in modern Russia: 10 years later. Analytical report, 2013. (http://www.isras.ru/analytical_report_bednost_i_neravenstva.html). (in Russian).

Volchik V. (2012) Trust problems and modernization of institutions. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 2, pp. 12-18. (in Russian).

Godelye M. (2007). Gift riddle. M.: East literature, 295 p. (in Russian).

World bank's report about Russian economy, 2013. (<http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/RER29-RUS.pdf>). (in Russian).

Income and social services: inequality, vulnerability, poverty / L. N. Ovcharova; NISP. M.: HSE, 2005. (in Russian).

Korchagina I. (2012). The human development measurement in the aspect of limiting access to its development resources. *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES*, vol. 4, no. 1, pp. 68-78. (in Russian).

Coleman J. (2001). Social and human capital. *Social sciences and modernity*, no. 3, pp. 121-139. (in Russian).

Latov Yu. (2010). What is social capital of modern Russia? (comparative analysis of interpersonal and institutional trust). *Leontyevsky readings (e-magazine)*, no. 7, pp. 216-230. (in Russian).

Ovcharova L. (2011). Poverty in modern Russia: policy and monitoring priorities. (<http://2020strategy.ru/g9/documents/32642062.html>). (in Russian).

The forecast of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period till 2030, 2013. (http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/proгноз/doc20130325_06). (in Russian).

Reutov E., Kolpina L. and Reutova M. (2012). Social networks and daily practices of the population in the Belgorod region. *Sociological researches*, no. 1, pp. 34-41. (in Russian).

Reutov E., Kolpina L. Reutova M. and Boyarinova I. (2011). The social networks efficiency in regional community. *Sociological researches*, no. 1, pp. 81-89. (in Russian).

Sasaki M., Latov Yu., Romashkina G. and Davydenko V. (2010). Trust in modern Russia. *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 2, pp. 83-102. (in Russian).

The social and labor spheres conditions in the village and offers on its regulation. The annual report by monitoring results. M.: «Rosinformagrotekh», 2013, vol. 14, pp. 118. (in Russian).

Festi P. and Prokofieva L. M. (2008). Family solidarity isn't as before: freak of the imagination or reality / Measurement, forms and poverty factors: comparative approach / Ed. by P. Festi and L. Prokofieva. Paris: INED, pp. 197-206. (in Russian).

Steinberg I. (2004). Psychology of nonequivalent exchanges in networks of social support of city and rural families. *The public opinions messenger*, no. 6. (74) November-December, pp. 52-57. (in Russian).

Molm L. D. (2010). The structure of reciprocity. *Social psychology*, vol. 73, no. 2, pp. 119-131.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРИФЕРИЙНЫХ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ¹

МАМЕДОВ ОКТАЙ ЮСУФОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

ИЩЕНКО-ПАДУКОВА ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
e-mail: ishchenko-oa@mail.ru

МОВЧАН ИРИНА ВИКТОРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
e-mail: movchani@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы специфики экономики южно-российских периферийных регионов в аспекте активизации базового фактора социально-экономической трансформации страны – регионального предпринимательства.

Ключевые слова: периферийные регионы; экономика Юга России; региональное предпринимательство; механизм институционализации бизнес-деятельности.

ECONOMIC SPECIFICS OF PERIPHERAL REGIONS OF THE SOUTHERN RUSSIA

MAMEDOV OKTAI, Y.,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

ISHCHENKO-PADUKOVA OKSANA, A.,

Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Southern Federal University,
e-mail: ishchenko-oa@mail.ru

MOVCHAN IRINA, V.,

Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Southern Federal University,
e-mail: movchani@mail.ru

The problems of the specifics of the economy of the South Russian peripheral regions in terms of enhancing the basic factor of social-economic transformation of the country - regional entrepreneurship are considered in the paper.

Keywords: peripheral regions; the economy of the South of Russia; regional entrepreneurship; mechanism institutionalization of business activity.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета № 213-01-24/2013-173.

JEL: B52, R11.

В настоящее время российская экономика во многом продолжает оставаться противоречивым, не имеющим мирового аналога, конгломератом различных по уровню и направленности экономического развития регионов, административно объединяемых рамками требований законов федерального уровня.

В практическом отношении конгломератная структура российской экономики означает необходимость и неизбежность регионально-дифференцируемой экономической политики по стимулированию рыночной трансформации определённой группы регионов. От степени такой дифференциации прямо зависит успешность системного рыночного преобразования экономики России в целом.

В теоретическом же отношении конгломератная структура российской экономики означает, что невозможна исчерпывающая трактовка происходящих в ней процессов в рамках одного концептуального подхода, – для каждого экономического типа регионов должна быть построена специфическая теоретическая модель рыночной трансформации, учитывающая не только общий (конечный) для всех регионов пункт движения, но и различающий их исходный (стартовый) пункт такого движения.

При этом следует учитывать, что в специфических условиях России категория «регион» приобретает скорее экономическое, чем географическое, содержание, характеризуя локализованный тип приоритетных экономических форм и, тем самым, обнаруживая своеобразную «чересполосицу» экономического строения общественного производства России в транзитивный период.

Необходимость структурной и институциональной модернизации регионов Юга России обусловлена тем, что производственная, отраслевая и институциональная дифференциация российских регионов демонстрирует опережающее развитие центральных округов и периферийный статус регионов Юга России. Это проявляется, в первую очередь, в том, что удельный вес Южного и Северо-Кавказского федеральных округов в общем объеме ВРП составляет лишь 6,2% и 2% соответственно (см. рис. 1).

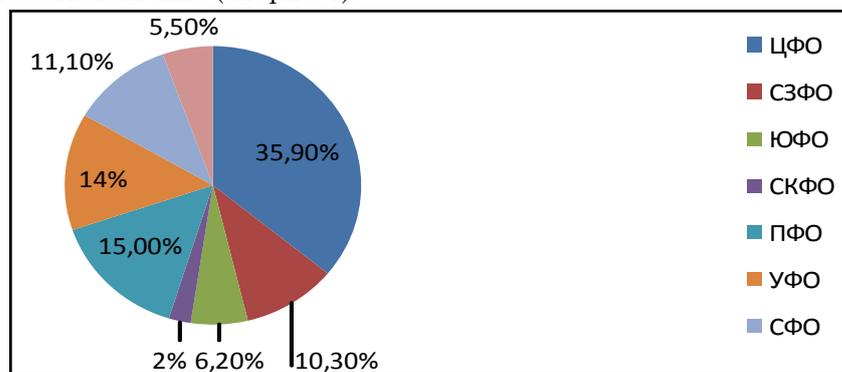

Рис. 1. Удельный вес федеральных округов в производстве валового регионального продукта
Составлено по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел: Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2012: Стат.сб./Росстат. М., 2012. С. 28.

Подобная поляризация наблюдается и по ряду других показателей. Так, среднегодовая численность занятых в Южном федеральном округе составляет 9,1%, в Северо-Кавказском – 5% (см. рис. 2). А. З. Борукаев отмечает, что «сложившаяся ситуация в северокавказских регионах естественным образом способствовала формированию высокого уровня безработицы. Реальная численность безработного населения среди населения в трудоспособном возрасте в Северо-Кавказских регионах с учетом высокой доли молодежи и большей продолжительности жизни находится на уровне 15-20%» (Борукаев, 2011. С. 171).

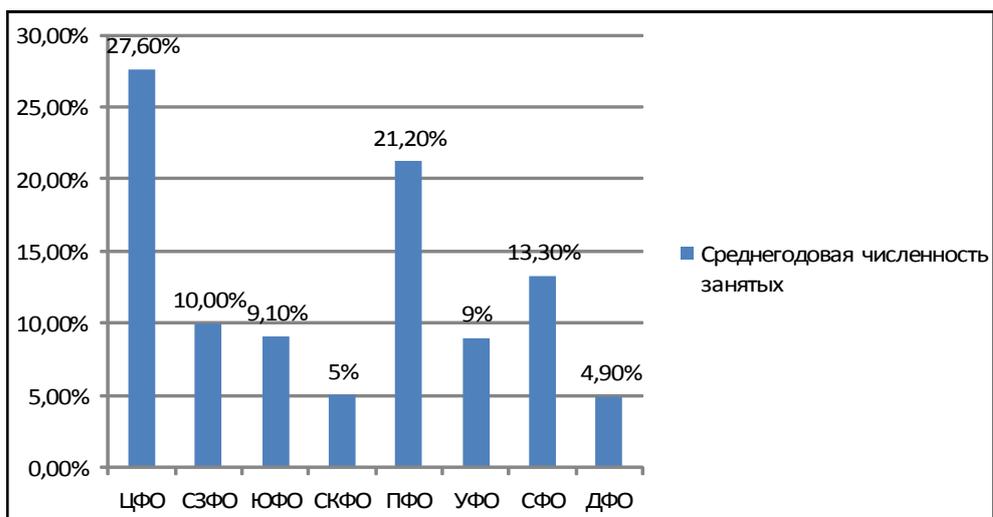

Рис. 2. Среднегодовая численность занятых по федеральным округам Российской Федерации
 Составлено по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел: Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2012: Стат.сб./Росстат. М., 2012. С. 28.

Современное состояние сферы предпринимательства в регионах Юга России требует поиска новых механизмов институционализации бизнес-деятельности. Это связано с тем, что регионы Южного и Северо-Кавказского федеральных округов демонстрируют самые низкие показатели развития сферы малого предпринимательства среди федеральных округов Российской Федерации (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели развития малого предпринимательства по федеральным округам РФ в 2011 году

	Число малых предприятий (на конец года), тыс.	Число малых предприятий на 10000 человек населения	Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей), тыс. человек	Оборот малых предприятий, млрд. руб.
Российская Федерация	1836,4	128	10422,0	22613,1
Центральный федеральный округ	545,5	142	3165,3	9327,0
Северо-Западный федеральный округ	259,9	190	1252,5	2388,4
Южный федеральный округ	147,4	106	836,6	1628,8
Северо-Кавказский федеральный округ	47,6	50	273,0	515,0
Приволжский федеральный округ	336,2	113	2234,2	3649,2
Уральский федеральный округ	173,5	143	909,8	1984,4
Сибирский федеральный округ	245,1	127	1309,4	2269,0
Дальневосточный федеральный округ	81,3	130	441,1	851,4

Составлено по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. Раздел: Предприятия и организации: Стат.сб./Росстат. М., 2012. С. 442.

Как видно из данных, приведенных в таблице, в Южном федеральном округе число малых предприятий на 10000 человек населения составляет 106 организаций, в Северо-Кавказском федеральном округе – 50. Отставание от других федеральных округов характерно также и по показателям занятости в сфере малого предпринимательства и обороту малых предприятий.

Все это свидетельствует о недостаточной развитости институтов малого предпринимательства и необходимости их ускоренной модернизации. Однако следует согласиться с мнением Н. Зубаревич, что «пространственное неравенство в России велико, но не более, чем в других крупных по территории странах догоняющего развития. Сравнить себя с Евросоюзом бессмысленно: освоенность территории совершенно иная, не говоря уже об уровне развития. Проблема не в самом неравенстве, а в его негативном влиянии на модернизацию условий и образа жизни населения. Сильный отрыв немногих лидеров от огромной «срединной зоны» замедляет трансляцию инноваций в пространстве, ведь только четверть россиян живет там, где есть ресурсы для модернизации» (Зубаревич, 2009. С. 161).

Поэтому выявление ресурсов для ускоренной модернизации является также актуальной проблемой системной институционализации регионального предпринимательства. Многие регионы Юга России в настоящее время являются неблагоприятными по социально-экономическим показателям и непривлекательными для частных инвестиций. Однако в большинстве регионов есть определенные преимущества, создающие предпосылки для модернизации и внедрения институтов предпринимательства (см. табл. 2).

При анализе специфики институциональной модернизации следует учитывать, что в регионах Юга России институты предпринимательства обусловлены усложнением производственной системы региона в условиях его глобализации, а также необходимостью перехода к набору стандартов новейшей социальной и экономической технологии предпринимательства.

Специфика институциональной модернизации предпринимательства в регионах с многоукладной экономикой порождает то обстоятельство, что рыночные институты лишь частично определяют действия экономических субъектов, что входит в известное противоречие с неоклассической концепцией индивидуальной аксиологии, для которой характерна трактовка экономических процессов с точки зрения рыночных интересов.

В многоукладной региональной экономике институты являются частью производственного пространства, которое предопределяет цели, средства и механизм реализации граничных условий свободы выбора, включая специфику институциональной модернизации предпринимательства в его различных формах и видах.

Институциональный подход к формализации производственной системы в регионах с многоукладной экономикой позволяет определить соотношение в ее структуре формальных и неформальных институтов, а также максимальную степень их корреляции с показателями реального сектора региональной экономики.

Отдельные компоненты институционального порядка могут быть адресованы различным сферам экономической активности в качестве компенсации за приоритет того или иного уклада в данном регионе.

Таким образом, логика реализации специфики институциональной модернизации предпринимательства в регионах с многоукладной экономикой может отличаться от логики реализации специфики институциональной модернизации предпринимательства в регионах с одноукладной экономикой. Из этого следует, что отмеченная специфика способствует разрыву в развитии регионов, которые отражают степень взаимодействия рыночного процесса с государственными регулирующими действиями.

Анализ влияния институциональной модернизации предпринимательства в многоукладной экономике осложняется тем, что формирование институтов предпринимательства осуществляется не только в результате действий экономических субъектов, руководствующихся преимущественно собственными интересами, но и в аспекте такой специфической потребности, как социальное признание.

Таблица 2

Возможности и направления модернизации институтов предпринимательства в регионах Юга России

	Юг России	
	Южный федеральный округ	Северо-Кавказский федеральный округ
Условия и ресурсы для институциональной модернизации	связующее транспортно-географическое положение; высокий транспортно-транзитный потенциал; благоприятные климатические и природно-географические условия для проживания; благоприятные условия для развития сельского хозяйства; развитый промышленно-производственный комплекс; формирующийся спортивно-рекреационный комплекс	благоприятные условия для развития сельскохозяйственных производств, добывающей и обрабатывающей промышленности, рекреационной сферы и туризма; возможность реализации транспортно-транзитных функций; высокие показатели естественного прироста населения
Направления институциональной модернизации	развитие кластерных форм предпринимательства в агропромышленном комплексе с включением мелкотоварных производств; развитие технологий и внедрение инноваций, повышение доли инновационно активных организаций в сфере малого предпринимательства; развитие сервисного сектора и рекреационной инфраструктуры, а также формирование условий для малого предпринимательства в данной сфере; диверсификация производства за счет модернизации отраслей перерабатывающей промышленности и строительства;	развитие предпринимательства в сфере мелкотоварного производства экологически чистой продовольственной продукции, племенных животных, минеральной воды и зерновых культур; модернизация производства строительных материалов; модернизация производства легкой промышленности (обработка шерсти, производство кожаных и меховых изделий)
Проблемы институциональной модернизации	слабая диверсификация отраслевой структуры; низкий уровень производительности труда; низкая инновационная активность и незначительность высокотехнологических производств; отсутствие инновационных кластеров и неэффективность институтов кластерной политики; дифференциация между субъектами округа по уровню экономической активности и социальным показателям; недостаточная развитость инженерной инфраструктуры; высокий уровень теневой экономики, нелегальной миграции, близость к районам с нестабильной обстановкой	низкое качество рекреационной инфраструктуры; низкий уровень сервиса и туристско-транспортной сети; негативный имидж и низкий уровень обеспечения безопасности туристов; высокая дотационность; высокий уровень безработицы; миграционный отток трудоспособного населения

Динамика институциональной модернизации предпринимательства в регионах с многоукладной экономикой может быть также результатом поведения организованных групп участников производства с использованием инсайдерской информации, которая дает им конкурентное преимущество. Это означает, что экономическая эффективность содержит не только переменную институционального порядка, но и косвенное влияние институтов на реальные экономические процессы в регионе.

Регионы Юга России деполаризованы по уровню экономического развития. В Южном федеральном округе, Краснодарский край и Ростовская область, а в Северо-Кавказском федеральном округе – Ставропольский край, выступают локомотивами

экономического роста, тогда как другие регионы являются фактически «анклавами», поскольку существуют в окружении в той или иной степени рыночно-развитых регионов. Поэтому по отношению к регионам с преобладанием «анклавных» форм экономики невозможно проведение политики внедрения рыночно-развитых институтов, поскольку ей должен предшествовать латентный период рыночной модернизации.

Недооценка специфики нерыночного функционирования регионов с преобладанием «анклавной» экономики чревато исключительными социальными издержками, где внедрение рыночных институтов и монетарная направленность макроэкономического развития России вступает в объективное противоречие с традиционными формами хозяйствования данного региона.

Поэтому процесс формирования рыночных институтов внутри традиционных форм организации экономики – главная практическая задача отечественной экономической науки, тем более, что рыночные преобразования на начальной ступени связаны с экономическим обособлением участников традиционной экономики, превращением их в первичных экономических субъектов, и только затем уже захватывают сферу внешних связей между производителями в рамках анклавной экономики региона.

Отражение многоуровневой системы институционального проявления названных выше процессов позволяет выработать научно обоснованную экономическую политику государства как целенаправленного инструмента ускоренной институциональной модернизации регионального предпринимательства, как фактор, способствующий развитию в субъектах Юга России негосударственных рыночных структур, ориентирующихся на демократические ценности гражданского общества, конкурентную экономику и правовое государство. Отсюда следует актуальность выделения российских анклавов традиционной экономики – как в качестве самостоятельного объекта современной экономической теории, так и в подходе к ним в аспекте механизма рыночной трансформации анклавных элементов российской макроэкономики.

Стратегия институциональной модернизации предпринимательства в регионах Юга России включает систему направлений, финансируемых из федерального бюджета. Среди этих направлений сегодня необходимо предусмотреть такое новое направление, как предоставление финансирования имеющим на это право органам местного самоуправления для решения проблем в развитии локального сообщества, в том числе – предпринимательской и социальной инфраструктуры как наиболее значимых элементов экономического развития регионов. Основными целями при этом являются поддержка мероприятий по созданию новых и дополнительных рабочих мест на базе реализации возможностей для местного бизнеса с низким и средним уровнем доходов. Однако в общем плане институциональное развитие предпринимательства выступает основной движущей силой инноваций, конкурентоспособности и роста экономики депрессивных регионов.

В институциональном аспекте важно обеспечить реальную экономическую возможность тем, кто имеет желание заняться предпринимательством, но не имеет доступа к предпринимательским ресурсам, обеспечить такой доступ – в виде кредита, физического капитала, обучения или технической поддержки. Эти люди часто имеют ограниченные источники дохода и, по статистике, имеют гендерные особенности (преобладают женщины, а также социальные меньшинства, например, мигранты или реэмигранты). Помощь в организации предпринимательства особенно важна в тех районах региона, где наблюдается скопление масс уволенных в результате экономического кризиса работников.

К перспективным направлениям стратегии институциональной модернизации регионов Юга России следует отнести и ряд других мер:

- оказание финансовой помощи местной сети некоммерческих организаций (посредством заказов от органов муниципальной власти, через оплату по

результатам работы в соответствии с заключенными соглашениями, а также заключение договоров в объеме малых грантов);

- поддержка местных поставщиков услуг в виде гарантии их финансовой дееспособности, что позволяет им использовать и другие частные и федеральные ресурсы для использования ссудного капитала (тем более что муниципальные предприниматели, как правило, имеют очень ограниченные потребности в капитале);

- уменьшение административных и иных барьеров для вступления нового бизнеса на региональные рынки (через программу консультаций, помощи кредитами и технической помощи),

- оказание целевой помощи в организации малого предпринимательства маргинальным социальным группам.

В целях дальнейшего укрепления и модернизации институтов предпринимательства в регионах Юга России рекомендуется обратить особое внимание организации и технической поддержке так называемых «микропредприятий» на финансовой базе микрокредитования, поскольку именно они могут стать способом реализации новаторских бизнес-идей, локомотивом роста регионального рынка и устойчивого развития национальной экономики (*Мовчан и Ищенко-Падукова, 2013*).

Поддержка микробизнеса как модернизационного института предпринимательства должна обеспечиваться в виде комплексной государственной программы, реализуемой на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

Цель государственных программ поддержки мелких предпринимателей состоит в стимулировании предпринимательской активности домашних хозяйств, молодежи и низкообеспеченных слоев населения. Особое значение государственные программы имеют для молодежного сегмента, поскольку могут дать шанс молодым инициативным людям, имеющим бизнес-идеи, самостоятельно реализовать способности в предпринимательской деятельности.

Государственные программы решают следующие задачи: развитие человеческого капитала; борьба с бедностью; стабилизация доходов домохозяйств; самозанятость; переход от мелкого к малому бизнесу; формирование нового слоя предпринимателей; расширение частного сектора экономики.

Государственные программы, поддерживающие предпринимательство помимо экономической, выполняют важную социальную функцию, выражающуюся в формировании предпринимательского духа, готовности вести производительную деятельность, стремлении к успеху.

Институционально рынок микрокредитования представлен тремя сегментами: формальные, полужформальные и неформальные субъекты.

Формальный сегмент рынка включает в себя коммерческие банки, специализированные банковские и небанковские учреждения, государственные и частные фонды микрокредитования. Данный сегмент характеризуется высокой степенью регулирования и контроля.

К полужформальным субъектам микрокредитного рынка относят ломбарды, сберегательные и кредитные кооперативы, кредитные союзы. Данный сегмент не регулируется, но контролируется государством.

Неформальный сегмент включает в себя ростовщиков, предпринимателей, друзей, семью. Неформальный сегмент характеризуется отсутствием какого-либо контроля и надзора со стороны государства.

Индикаторы оценки эффективности микрокредитования: изменение доходов домохозяйств; активизация потребления; расширение бизнес-единицы; увеличение уровня сбережений; повышение инновационности региональной экономики.

Еще одним актуальным направлением стратегии институциональной модернизации регионального предпринимательства является внедрение форм франчайзинга в систему регионального бизнеса.

Франчайзинг как наиболее эффективная форма организации

предпринимательской деятельности и развития бизнеса с наименьшими рисками, приобретает особую актуальность в условиях модернизации регионального предпринимательства на Юге России, поскольку «в условиях ограниченности ресурсов франчайзинг предоставляет возможность расширить бизнес в максимально короткие сроки, с минимальными рисками и потерями» (Федорова, 2010. С. 184).

Одной из наиболее перспективных форм институциональной модернизации малого предпринимательства в регионах Юга России является внедрение института франчайзинга как бизнес-системы, уже доказавшей свою высокую эффективность в зарубежной и отечественной деловой среде. М. С. Матусевич справедливо отмечает, что «многолетняя практика применения франчайзинга в развитых странах убедительно доказала его чрезвычайную деловую эффективность, которая связана с идеей тиражирования по определенной технологии проверенных практикой концепций бизнеса. Для компаний франчайзинг - это способ распро-странения бизнеса. Для предпринимателей - один из способов стать владельцем бизнеса. На растущих рынках франчайзинг является самым быстрым способом обучения предпринимателей практическим стандартам, которые необходимы, чтобы вести прибыльный бизнес» (Матусевич, 2011. С. 72).

Франчайзинг позволит обеспечить массовую занятость населения в трудоизбыточных регионах Юга России, стимулировать развитие региональной деловой среды, привлечь в регионы, используемые франчайзерами бизнес-технологии и мировые стандарты ведения бизнеса. Кроме того, франчайзинг способствует укреплению несырьевых секторов региональной экономики, развитию непромышленной инфраструктуры, насыщению региональных рынков и росту качества потребления.

Стратегия развития франчайзинга как института предпринимательства предполагает принятие комплекса мер на федеральном и региональном уровнях, направленных на формирование механизма эффективной координации деятельности участников франчайзинговых схем.

Для эффективного развития регионального франчайзинга необходимо устранить дискриминацию в отношении договоров коммерческой концессии; принять общегосударственную и региональные программы его внедрения; устранить административные барьеры; снизить финансовый порог для предпринимателей при покупке франшизы за счет предоставления государственных субсидий, льготных кредитов, внедрения системы микрокредитования; обеспечить равный доступ к инфраструктуре в регионах для всех участников франчайзинговых сделок.

Предпринимательство является важным компонентом социального развития как базовый фактор ускорения экономической динамики регионов страны. В регионах Юга России развитию предпринимательства препятствуют специфические институциональные барьеры, преодоление которых образует основное направление политики поддержки здесь малого и среднего бизнеса. Это означает, что активное содействие предпринимательству возможно только на основе знания и анализа системы препятствий в экономике регионов.

Практика показала, что определение препятствий и устранение соответствующих барьеров для создания нового бизнеса является исходным институциональным условием превращения предпринимательств в доступную для всех социальных групп активную деятельность.

Прежде всего, следует отметить, что барьеры не являются одинаковыми для всех категорий лиц и организаций, выходящих в сферу предпринимательства (в этом аспекте можно выделить следующие социальные группы со специфическими барьерами - женщины, молодежь, люди с ограниченной трудоспособностью, этнические меньшинства, безработные, люди, живущие в сельской местности или в районах бедствия).

Общие барьеры можно сгруппировать по четырём направлениям: в трудоустройстве рабочей силы, в развитии предпринимательства, в адаптивности предприятий и работников, в поддержке гендерного равенства. И если в развитых

регионах особое значение приобретает то или иное направление, то в депрессивных регионах обычно угрозу предпринимательству представляют все названные аспекты.

Опыт развитых стран показывает, что преодоление институциональных барьеров на пути развития регионального предпринимательства требует реализации следующих принципов:

- принятие превентивных мер для упрощения регламента трудоустройства,
- создание новых рабочих мест и новых сфер предпринимательства,
- адресное содействие адаптации и мобильности на рынке труда,
- содействие развитию человеческого капитала и непрерывного обучения,
- рост объёма предложения труда и содействие активной старости,
- обеспечение гендерного равенства,
- борьба с дискриминацией в отношении определённых социальных групп на рынке труда,
- стимулирующая оплата труда для повышения его привлекательности,
- преобразование теневой занятости в легальную работу².

Эти меры должны дополняться планом действий по поощрению предпринимательства и конкурентоспособности – расширение доступа к источникам финансирования, к инновациям и исследованиям, адаптация исследований и технологических программ к потребностям предприятий, более эффективное использование патентов малым и средним бизнесом. В литературе подчеркивается, что «малые инновационные предприятия играют значительную роль в современной экономике. По разным оценкам, в них появляется до 40 % мировых идей и прототипов новых продуктов и технологий. Российский малый бизнес в целом создает 12 % валового внутреннего продукта, в нем занято 19 % экономически активного населения. Однако уровень инновационной активности малого бизнеса в России является низким» (*Фияксель, 2011, С. 82*).

Поэтому особую важность имеет осуществление перехода к «информационному обществу», создание в стране единого (и регионального) инновационно-предпринимательского пространства как формирование благоприятных условий для стартапов и развития инновационных предприятий, особенно в виде малого и среднего бизнеса, а также упрощение и совершенствование административной и нормативно-правовой базы для ведения бизнеса. Кроме того, важно предоставление бизнесу доступа к вспомогательным службам, программам и сетям муниципальной службы.

Администрации следует осознавать, что создание предприятия является очень трудной задачей, поскольку это требует знания законодательства, рыночной среды. Отсутствие информации об имеющихся учреждениях также является барьером для создания предприятий, потому что предприниматели не имеют достаточной информации о роли, услуг и миссии учреждений, обеспечивающих поддержку создания предприятия. Ограниченный доступ к социальным и бизнес-сетям и учреждениям также могут образовывать невидимые барьеры для создания предприятия.

Что касается адресной поддержки предпринимательства в регионах Юга России, то для них определённый интерес должны представлять следующие наблюдения.

1. Участие женщин в предпринимательстве важно тем, что, хотя ими создается относительно меньшее число предприятий, зато среди этих предприятий гораздо больше устойчивых и жизнеспособных. Между тем для периферийных регионов характерно то, что большинство организаторов бизнеса представлено менеджерами-мужчинами. Переориентация на женщин в этой роли – важный аспект институциональной модернизации предпринимательства в депрессивных регионах. При соответствующей поддержке темпы вовлечения женщин в сектор предпринимательства опережают темпы вовлечения мужчин. Гендерный аспект

² См.: Tackling the barriers to entrepreneurship in a deprived neighbourhood. (<http://www.academia.edu/640239/>).

важен ещё и потому, что женщины реже пребывают на руководящих и управленческих должностях и по-прежнему более уязвимы, особенно в сфере оплаты труда. Между тем происходящие в общественной жизни изменения актуализируют рассматриваемый аспект развития предпринимательства. Развитие числа гражданских браков приводит к тому, что «мужская модель семьи» (мужчина-кормилец с двумя иждивенцами) меняется на «женскую модель семьи» (молодые женщины с невысоким профессиональным образованием должны имитировать полную семью, сочетая для этого выполнение семейных обязанностей с полной занятостью).

2. Многие предприниматели из числа этнических меньшинств утверждают, что их происхождение является существенным препятствием к успеху. Для южнороссийских регионов, и в особенности для Северного Кавказа, с его многонациональной «чересполосицей» это важный факт, требующий теоретического и практического решения. Представители этнических меньшинств на данной территории находятся в невыгодном положении, потому что маркируются как «чужой бизнес», однако бизнес не имеет расы, пола или цвета. Ряд проблем, с которыми сталкиваются этнические меньшинства (языковые барьеры, дискриминация, уязвимость, изоляция, отсутствие информации и доверия к государственным услугам, минимальная поддержка со стороны местного бизнес-сообщества, особенно затрудненный доступ к финансированию для создания бизнеса) являются одинаковыми во всех сферах малого бизнеса. Следует отметить, что этнические группы бизнес-меньшинств на Северном Кавказе весьма разнообразны в социальном, культурном, образовательном, политическом и экономическом аспектах. И важно их не рассматривать как однородную группу, а учитывать реальную дифференциацию. Существуют также различия между новыми иммигрантами и долгосрочными резидентами этнических меньшинств. Всё это актуализирует индивидуальный подход в сфере услуг и поддержки предпринимателей из этнических меньшинств.

3. Люди с ограниченными возможностями входят в сферу предпринимательства, потому что наталкиваются на слишком много препятствий при поиске традиционной работы. Обычно такими препятствиями становятся отсутствие возможности физической адаптации на рабочем месте и невозможность гибкого графика работы. Как это ни парадоксально, но соответствующие социальные группы (людей с ограниченными возможностями) потенциально могут иметь более высокий уровень самостоятельной занятости, чем люди без инвалидности. Для Северного Кавказа, в силу ряда причин, внимание к этой группе предпринимателей имеет широкий социальный и политический резонанс. Но, конечно, люди с ограниченными возможностями сталкиваются с дополнительными препятствиями при создании собственного бизнеса.

4. Предпринимательство в сельской местности ограничивается тремя основными группами препятствий - малые размеры и низкая плотность сельского населения, социальный и экономический состав сельских общин, характер внутренних и внешних связей. К другим признакам специфики сельского бизнеса следует отнести – тенденцию к снижению доходов от сельскохозяйственной деятельности, большие расстояния до рынков и сфер производства, ограниченная связь с внешним миром и городскими рынками. Кроме того, усугубляют трудности сельского бизнеса ограниченные размеры внутреннего спроса (как следствие малочисленности и низкой плотности сельского населения), сложности в получении достаточного капитала, отсутствие экономического разнообразия и промышленных кластеров, сложность в получении квалифицированной рабочей силы.

Стратегической целью модернизации институтов регионального предпринимательства на Юге России является устойчивое развитие на базе преодоления застойной безработицы путём создания инновационно-эффективных производств. Это позволит обеспечить высокий уровень жизни населения на основе формирования экономики, созданной на инновационных технологиях, с

интенсивными внутрирегиональными и международными связями, а также низкой дотационностью бюджета. В целом же стратегия развития экономики регионов Юга России должна выстроить систему предпосылок для перехода субъектов на инновационную модель развития экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борукаев А. З. (2011). Приоритеты развития региональной экономики Северо-Кавказского федерального округа // *Экономические науки*, № 5, с. 171.

Зубаревич Н. В. (2009). Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста // *Журнал новой экономической ассоциации*, № 1-2, с. 161.

Ищенко-Падукова О. А. и Мовчан И. В. (2013). Институты предпринимательства: специфика и инструменты модернизации в регионах Юга России // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 11, № 3.2.

Матусевич М. С. (2011). Возможности финансовой поддержки франчайзи в условиях рынка // *Вопросы экономики и права*, № 6, с. 72.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. Раздел: Предприятия и организации: Стат. сб. / Росстат. М., 2012, с. 442.

Федорова В. В. (2010). Формирование стратегии развития промышленного предприятия на основе франчайзинга // *Экономические науки*, № 7(68), с. 184.

Фиаксель Р. Э. (2011). Малые инновационные предприятия на ранних стадиях развития: инвестиционная привлекательность и возможности взаимодействия с региональными институтами // *Экономические науки*, № 8, с. 82.

Tackling the barriers to entrepreneurship in a deprived neighbourhood. (<http://www.academia.edu/640239/>).

REFERENCES

Borukaev A. Z. (2011). Priorities for regional economic development of the North Caucasus Federal District. *Economic Sciences*, no. 5, p. 171. (in Russian).

Zubarevich N. V. (2009). Regional development and regional policy in the decade of economic growth. *Journal of the New Economic Association*, no. 1-2, p. 161. (in Russian).

Movchan I. V. and Ishchenko-Padukova O. A. (2013). The institutions of entrepreneurship: peculiarities and modernization tools in the South Russian regions. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 3.2. (in Russian).

Matusevich M. S. (2011). The possibilities of franchisee financial support in market conditions. *Voprosy ekonomiki i prava*, no. 6, p. 72. (in Russian).

Regions of Russia. Social-economic indicators. 2012. Category: Companies and organizations: Stat. coll. / Rosstat. M., 2012, p. 442. (in Russian).

Fedorova V. V. (2010). Industrial development strategy on a franchise basis. *Economic Sciences*, no. 7(68), p. 184. (in Russian).

Fiyaixel R. E. (2011). Small innovative companies in the early stages of development: investment attractiveness Hazards and interaction with regional institutions. *Economic Sciences*, no. 8, p. 82. (in Russian).

Tackling the barriers to entrepreneurship in a deprived neighbourhood. (<http://www.academia.edu/640239/>).

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МЕЖФИРМЕННОГО ПАРТНЕРСТВА ДЛЯ РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ¹

НИКИТАЕВА АНАСТАСИЯ ЮРЬЕВНА,

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры прикладной информатики в экономике,
Южный федеральный университет,
e-mail: a_nikitaeva@list.ru

АЛЕШИН АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

кандидат экономических наук,
доцент кафедры прикладной информатики в экономике,
Южный федеральный университет,
e-mail: pirostov@mail.ru

В статье определены основные проблемы развития регионов России и препятствия модернизации мезоэкономики. Обосновано, что решение данных проблем возможно посредством развития межфирменного партнерства в различных формах. Предложена концептуальная модель развития межфирменного партнерства в регионах Южного федерального округа, учитывающая приоритеты их развития, роль региональных органов государственной власти и бизнес-структур в активизации взаимодействия коммерческих компаний.

Ключевые слова: межфирменное партнерство; модель развития межфирменного партнерства; региональное развитие; модернизация экономики Юга России.

CONCEPTUAL MODEL OF INTERFIRM PARTNERSHIP FOR THE ACTUAL PROBLEMS SOLVING AND MODERNIZATION OF RUSSIAN SOUTHERN REGIONS

NIKITAIEVA ANASTASIYA, Y.,

Doctor of Economics (DSc), Associate Professor,
Professor of the Department "Applied Informatics in Economics",
Southern Federal University,
e-mail: a_nikitaeva@list.ru

ALESHIN ALEXEY, V.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department "Applied Informatics in Economics",
Southern Federal University,
e-mail: pirostov@mail.ru

The paper focuses on the main problems of regional economy development in Russia and limits of the mesoeconomic modernization. It is substantiated in the paper, that these problems can be solved by developing the intercompany partnership. Conceptual model of intercompany partnership

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта ЮФУ № 213-01-24/2013-173.

development in the Russian southern regions are suggested, taking into account priorities of regional development and roles of business and local government in this process.

Keywords: *intercompany partnership; model of intercompany partnership development; regional development; modernization of the economy of South of Russia.*

JEL: O41, P13.

В настоящее время экономика России, завершив восстановительный рост после кризиса 2008 года, оказалась в явно неблагоприятной ситуации. Замедляющийся рост ВВП, нулевой рост в промышленном производстве (обеспечиваемый только добывающими отраслями при отрицательной динамике в обрабатывающих), спад в сфере инвестиций, ухудшение финансовых результатов деятельности предприятий и организаций – вот неполный перечень факторов, подтверждающих данное утверждение. Наиболее проблемная обстановка складывается в экономике периферийных несырьевых регионов, к числу которых относятся регионы Юга России. Решить ключевые проблемы экономического развития данных регионов без существенного изменения уровня производительности труда и эффективности производства, снижения издержек, повышения инновационных характеристик деятельности хозяйствующих субъектов не представляется возможным. Это актуализирует поиск новых моделей и механизмов развития региональных воспроизводственных систем, обеспечивающих решение перечисленных задач в южном макрорегионе страны.

Экономика Юга России обладает рядом специфических особенностей. Развитие данного макрорегиона ученые характеризуют как запаздывающее, «арьергардное» или «развитие на периферии общероссийских полюсов роста» (Дружинин, 2009. С. 49). Важнейшим элементом экономики Юга России остается первичный сектор. Структура экономики южных регионов страны по типам технического уклада состоит на 50 % из доиндустриального сегмента (полунатуральное, мелкотоварное производство), на 45 % - из индустриального и только на 5 % - из инновационного сегмента (Колесников и Дармилова). Отличительной характеристикой развития экономики Юга России также является особая роль в этом процессе торговли. В силу географического положения и менталитета жителей торговля в данной части страны всегда была основой хозяйственной деятельности. Первоначальное накопление капитала в южных регионах произошло именно в крупных торговых структурах, а не в банковской или промышленной сфере. Большинство организаций макрорегиона сконцентрировано в сфере оптовой и розничной торговли (более 30% крупных компаний, около 40 % малых и средних предприятий, более 50 % индивидуальных предпринимателей²). Ни в одном округе страны торговля не занимает столь значительной доли в общем объеме выручки крупнейших компаний, что является одним из признаков сервисной ориентации южной экономики.

При этом показатели социально-экономического развития регионов Юга России сильно дифференцированы и являются достаточно высокими в ряде относительно благополучных субъектов (например, Ростовской области, Краснодарском крае) и низкими – в устойчиво депрессивных территориях, включая республику Северного Кавказа, где слабая экономическая активность сопровождается высоким уровнем безработицы. Более того, даже регионы в рамках только Южного федерального округа (ЮФО) отличаются очень высоким разбросом показателей инвестиционной привлекательности. Так, Краснодарский край в рейтинге инвестиционной привлекательности регионов России в 2011 году занимал первое место по инвестиционным рискам в стране, Волгоградская область – сорок третье, а Республика Калмыкия – восьмидесятое³.

² См.: Регионы России. Социально-экономические показатели 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. С. 412.

³ См.: Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2010-2011 годов. Эксперт РА. 16 декабря 2011 года. Бюллетень.

Наряду с такими конкурентными преимуществами, как благоприятные климатические условия, высокий агропромышленный потенциал, уникальные природные ресурсы и высокая обеспеченность трудовыми ресурсами, на юге страны наблюдается относительно низкий уровень квалификации трудовых ресурсов, слабая инфраструктурная обеспеченность, угроза терроризма (Уварова, 2010). По официальным статистическим данным, по уровню износа основных производственных фондов Южный и Северо-Кавказский федеральный округа занимают пятое и шестое место в стране соответственно, ВРП и инвестиции в основной капитал на душу населения в данных округах существенно ниже средних показателей по России⁴. Фактически Юг России является территорией, характеризующейся существенным разрывом между накопленным экономическим потенциалом и результатами его использования.

В целом, в модернизации в южных регионах страны нуждается очень многое: инфраструктурные объекты, основные фонды предприятий и организаций, системы менеджмента, институциональная и отраслевая структура и т.д. Однако значимые результаты в данном направлении отсутствуют, что обусловлено целым комплексом проблем регионального развития, основными из которых являются⁵ (Колесников, 2011; Клейнер, 2003; Чернова, 2010):

1. Сильный институциональный дефицит в регионах Юга России, невыстроенность институциональных связей между региональными субъектами и структурами. Высокая разреженность институциональной среды не позволяет в полной мере активизировать модернизационные процессы в регионе.
2. Отсутствие у региональных органов власти и субъектов малого предпринимательства достаточных ресурсов для модернизации региональной экономики (бюджеты регионов Юга России являются дотационными).
3. Противоречие интересов крупных инорегиональных бизнес-структур с интересами региональной экономики. Глобализация экономики привела к приходу в регионы крупных корпоративных структур, деятельность которых оказалась в значительной степени за пределами регионального влияния как в части изменения видов деятельности, финансовых потоков, так и перемещения производственных мощностей, использования регионального кадрового потенциала, ресурсов региона и т.д. Интересы таких структур в большинстве случаев «оторваны» от региональных интересов. В сочетании с монопольным положением крупных компаний на региональных рынках происходит вытеснение субъектов малого и среднего предпринимательства, резко сокращается разнообразие хозяйствующих субъектов, развитие региона идет в направлении, противоречащем его интересам.
4. Доминирование жестких, зачастую недобросовестных, конкурентных отношений между хозяйствующими субъектами в регионе, которые являются наследием переходного периода и не соответствуют современным тенденциям и потребностям развития региональной экономики.
5. Разбалансированность регионального развития, изолированность отдельных территорий от инновационных процессов, рост меж- и внутрирегиональной дифференциации социально-экономических показателей.
6. Проблема качества управления региональным развитием органами государственной власти территории (инерционная доминанта в стратегических документах, несогласованность муниципальных и региональных стратегий, ориентация на решение оперативных проблем, качество подготовки управленческих кадров, проблемы использования административного ресурса и коррупционной составляющей в принятии решений и т.д.).

Таким образом, ключевые проблемы регионального развития, препятствующие

⁴ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. С. 385, 419-420, 930.

⁵ См.: Мезоэкономика развития. Под ред. чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнера; Центральный экономико-математический ин-т РАН. М.: Наука, 2011; Фацевский Н. и Ольшанская А. Проблемы развития экономики регионов в современных условиях. Сборник материалов IX международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы управления экономикой региона». (<http://www.freu-conference.engec.ru/arkhiv-sbornikov-materialov>).

модернизационным процессам на Юге России, в наибольшей степени сопряжены с системными особенностями, внутренними связями и отношениями в мезоэкономике. Следовательно, один из ключевых вопросов состоит в том, как перейти от неконструктивных для региональной системы форм отношений хозяйствующих субъектов к экономически целесообразным формам отношений, использование которых генерирует позитивные результаты для субъектов хозяйствования и способствует модернизации экономики региона в целом.

Как показывает мировой опыт, в современных экономических условиях для успешного регионального развития требуется формирование целого комплекса отношений взаимодействия и сотрудничества между хозяйствующими субъектами, явно выходящего за пределы традиционных рыночных форм отношений конкуренции и присутствующего в региональной экономике наряду с последними (*Amin, 1999; Ingstrup, Freytag and Damgaard, 2009; Moulaert and Sekia, 2003*). Развитие динамических конкурентных преимуществ региона требует постоянных инноваций (*continual innovation*), поддерживаемых кластеризацией (*clustering*), развитием сетей (*networking*) и межфирменной кооперацией (*inter-firm co-operation*) (*Валетко, 2004*). Именно партнерские отношения в бизнес-среде способствуют снижению издержек, росту инновационной активности компаний и результативности их инновационной и инвестиционной деятельности, привлечению дополнительных ресурсов, распространению позитивных импульсов от точек роста к менее развитым территориям за счет интеграции институциональных ресурсов хозяйствующих субъектов.

Построение межфирменных партнерских отношений возможно в разных формах, в числе которых кластеры, предпринимательские сети и альянсы, бизнес-инкубаторы, промышленные парки, субконтрактация, аутсорсинг, франчайзинг и т.д. Для модернизации экономики Юга России целесообразно развитие всего комплекса форм межфирменного партнерства. При этом приоритетность сфер и форм реализации партнерских отношений во многом определяется спецификой конкретных воспроизводственных систем мезоуровня, а эффективность их распространения и развития – результативностью применяемых органами государственной власти региона мерами стимулирования межфирменного сотрудничества. Необходимым условием развития межфирменного партнерства на Юге России является наличие соответствующих институциональных условий (*Алешин и Никитаева, 2012*).

В соответствии с вышесказанным предлагается концептуальная модель развития межфирменного партнерства, разработанная с учетом характеристик социально-экономического развития регионов Южного федерального округа (см. рис. 1). Основная идея модели состоит в том, что развитие межфирменного сотрудничества требует активной роли в данном процессе как самих субъектов бизнеса, так и органов государственной власти регионального уровня, которые с помощью прямых и косвенных средств воздействия создают благоприятные условия и побудительные мотивы к сотрудничеству. Учитывая, что сложность управленческих решений при взаимодействии хозяйствующих субъектов и организации согласованной совместной деятельности возрастает, важное место в модели отводится информационно-коммуникационным средствам и модельно-аналитическому аппарату поддержки принятия решений, в том числе системам поддержки принятия управленческих решений (СППР).

Определение приоритетных сфер и форм межфирменного партнерства в регионах ЮФО происходило на основе анализа целевых ориентиров регионального развития и потенциала мезоэкономик в сопряжении с выделением из всего многообразия форм взаимодействия субъектов бизнеса тех, которые в наибольшей степени подходят для активизации развития в различных сферах экономической деятельности. Например, сервисный характер экономики Юга России позволяет активно развивать сбытовые и маркетинговые сети и выстраивать партнерские отношения ритейлеров с местными производителями малого и среднего размера.

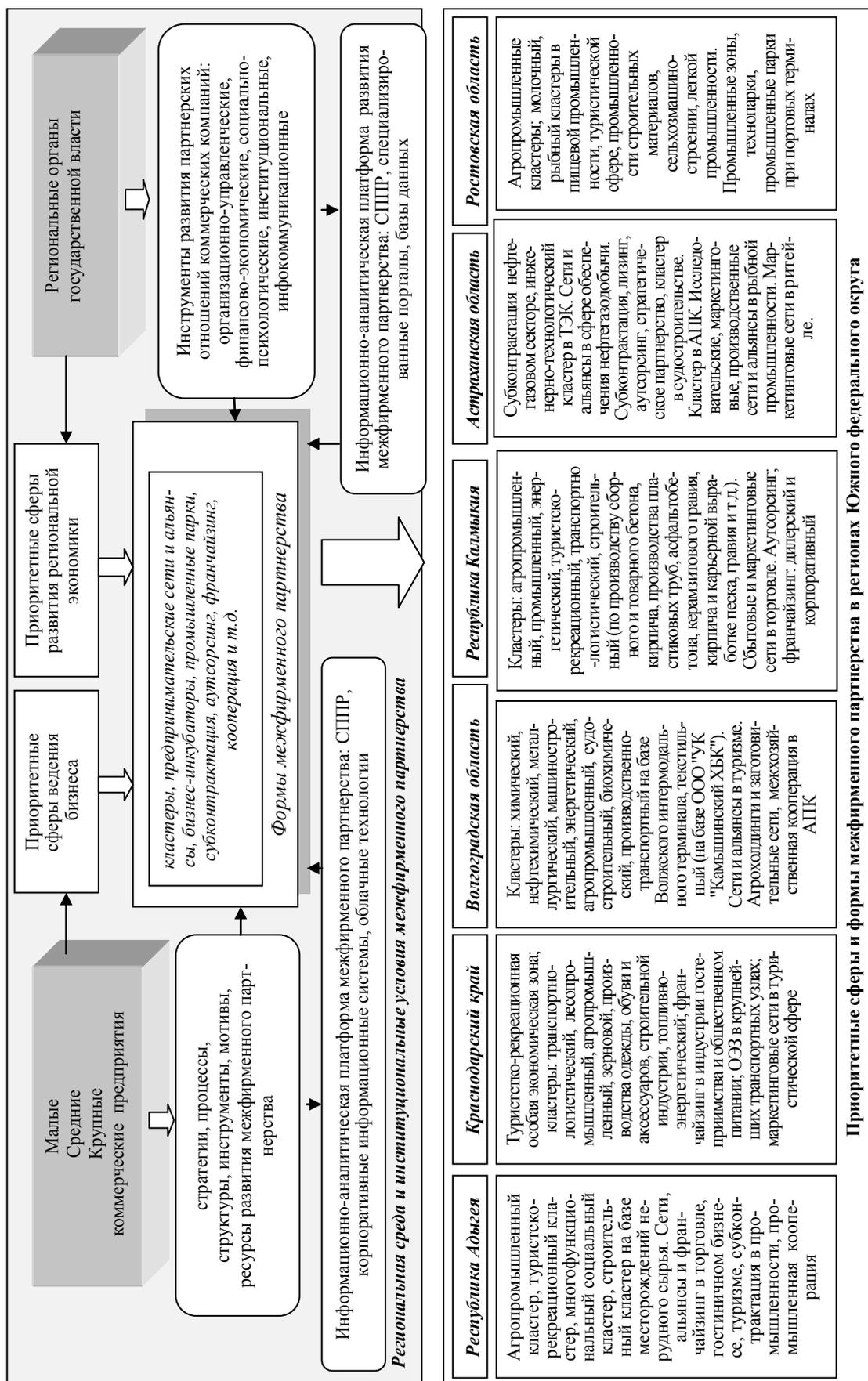

Рис. 1. Концептуальная модель межфирменного партнерства в регионах Южного федерального округа

Таким образом, приоритетным направлением и важным институциональным условием модернизации экономики регионов Юга России в настоящее время является интенсивное развитие межфирменного партнерства. Построение отношений взаимовыгодного сотрудничества позволит не только получить позитивные эффекты и повысить конкурентоспособность коммерческих компаний, но и окажет положительное системное влияние на региональные экономики макрорегиона в целом. Для практической реализации партнерских отношений в бизнес-секторах важную роль играет активизация регулирующей роли региональных органов власти в данном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешин А. В. и Никитаева А. Ю. (2012). Институциональная платформа инновационного развития регионов России // *Вестник ЮРГТУ (НПИ). Социально-экономические науки*, № 2.

Валетко В. (2004). Промышленные кластеры как институциональные структуры инновационного развития. Центр системного анализа и стратегических исследований НАНБ. (http://www.ekonomika.by/downloads/valetka2004_clusters_innovations.pdf).

Дружинин А. Г. (2009). Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ.

Клейнер Г. Б. (2003). Мезоэкономические проблемы российской экономики // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т. 1, № 2.

Колесников Ю. С. (2011). Инновационное развитие Юга России как объект стратегического планирования / Проблемы модернизации России. Вестник РМИОН, 2011. Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета.

Колесников Ю. Л. и Дармилова Ж. Д. Ресурсы модернизации многоукладной экономики Юга России // *Экономический портал*. (<http://institutiones.com/general/1372-resursy-modernizacii-ekonomiki.html>).

Мезоэкономика развития. Под ред. чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнера; Центральный экономико-математический ин-т РАН. М.: Наука, 2011.

Регионы России. Социально-экономические показатели 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012.

Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2010-2011 годов. Эксперт РА. 16 декабря 2011 года. Бюллетень.

Уварова Г. Г. (2010). Приоритетные направления развития экономики регионов Юга России в посткризисный период // *Экономические науки*, № 7 (68), с. 114-117.

Фацевский Н. и Ольшанская А. Проблемы развития экономики регионов в современных условиях. Сборник материалов IX международной научно-практической конференция «Актуальные проблемы управления экономикой региона». (<http://www.freu-conference.engec.ru/arkhiv-sbornikov-materialov>).

Чернова О. А. (2010). Методология и инструментарий формирования инновационно ориентированной стратегии сбалансированного регионального развития. Таганрог: Изд-во: ТТИ ЮФУ.

Amin A. (1999). An Institutionalist Perspective on Regional Economic Development // *International Journal of Urban and Regional Research*, № 23: no. 2, pp. 365-378.

Ingstrup M. B., Freytag P. V. and Damgaard T. (2009). Cluster initiation and development: A critical view from a network perspective! Competitive paper. Submitted for the IMP 2009 Conference at Euromed Management, France.

Moulaert F. and Sekia F. (2003). Territorial innovation models: a critical survey // *Regional Studies*, vol. 37(3), pp. 289-302.

REFERENCES

Aleshin A. V. and Nikitaeva A. Y. (2012). Institutional platform for Russian regions'

innovative development. *Herald of SSTU (NPI). Social-economic sciences*, no. 2. (in Russian).

Valetko V. (2004). Industrial clusters as institutional structures of innovative development. Center of the system analysis and strategic researches NASB. (http://www.ekonomika.by/downloads/valetka2004_clusters_innovations.pdf). (in Russian).

Druginin A. G. (2009). Global positioning of the South of Russia: factors, particularities, strategies. Rostov-on-Don: Publ. House of SFU. (in Russian).

Kleiner G. B. (2003). Meso-economic problems of Russian economy. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 1, no. 2. (in Russian).

Kolesnikov Y. S. and Darmilova J. D. Resources of the modernizations of heterogeneous economy of the South of Russia. Economic portal. (<http://institutions.com/general/1372-resursy-modernizacii-ekonomiki.html>). (in Russian).

Kolesnikov Y. S. (2011). Innovative development of South of Russia as the object of strategic planning / Problems of Russian modernization. *Herald of RIRON*, 2011. Rostov-on-Don: Publ. House of SFU. (in Russian).

Meso-economics of development / Ed. by G. B. Kleiner. M.: Nauka, 2011.

Russian regions. Social-economic indicators 2012: Stat. bul. / Rosstat. M., 2012. (in Russian).

Investment Rating of Russian regions in 2010-2011. *Expert RA*. 16/12/2011. Bulletin. (in Russian).

Uvarova G. G. (2010). Priorities of Russian Southern regions development in post crisis period. *Economic sciences*. no. 7 (68), pp. 114-117. (in Russian).

Fashchevskiy N. and Olshanskaya A. Economy of regions and problems of their development under current conditions. IX All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation «Contemporary problems of regional economy management». (<http://www.freu-conference.engec.ru/arkhiv-sbornikov-materialov>). (in Russian).

Chernova O. A. (2010). Methodology and tools of formation of the innovative strategy of balanced regional development. Taganrog: TI SFEDU. (in Russian).

Amin A. (1999). An Institutional Perspective on Regional Economic Development. *International Journal of Urban and Regional Research*, № 23: no. 2, pp. 365-378.

Ingstrup M. B., Freytag P. V. and Damgaard T. (2009). Cluster initiation and development: A critical view from a network perspective! Competitive paper. Submitted for the IMP 2009 Conference at Euromed Management, France.

Moulaert F. and Sekia F. (2003). Territorial innovation models: a critical survey. *Regional Studies*, vol. 37(3), pp. 289-302.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН И МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ ДЕПРЕССИВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ¹

ВОЛЬЧИК ВЯЧЕСЛАВ ВИТАЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: volchik@sfedu.ru,

ШАФИРОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат социологических наук,
магистр делового администрирования (MBA),
докторант SKEMA Business School (Lille, France) и
программы DBA Финансового Университета
при Правительстве РФ,
e-mail: shafirov@mail.ru,

ОГАНЕСЯН АННА АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Южный федеральный университет,
e-mail: aaoganesyan@sfedu.ru

При исследовании процессов институционального дизайна в статье использован синтез подходов новой (в нортонской традиции) и оригинальной (старой) институциональной экономической теории. Противоречие между спонтанными эволюционными процессами и сознательным изменением институтов в ходе институционального дизайна рассматривается в контексте взаимодействия институтов и механизмов регулирования. Важным условием для эффективной организации административной и хозяйственной деятельности на той или иной территории является комплементарность институтов, отсутствие которой может обусловить возникновение институциональных дисфункций. Воздействие на кредитное поведение посредством институционального дизайна, направленного на повышение социально-экономической эффективности кредитования населения, возможно посредством конструирования элементов институциональной политики, нацеленной на достижение комплементарности между составляющими институциональной структуры кредитного рынка и складывающимися обычаями делового оборота. Разработка и реализация органами власти региональных и муниципальных программ, способствующих оздоровлению депрессивной территории, предполагают решение проблемы закредитованности домохозяйств, снижение риска невозврата заемных средств и обеспечение финансовой устойчивости домохозяйств в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: институциональный дизайн; механизмы регулирования; депрессивные территории; потребительское кредитование; институциональные дисфункции.

¹ Работа выполнена в рамках договора на выполнение научно-исследовательских работ № 213.01-14/2013-16 от 01 октября 2013 г., тема: «Конструирование элементов региональной и муниципальной политики для активизации рациональных финансовых стратегий участников рынка потребительского кредитования в депрессивных территориях (с использованием институционального подхода)».

INSTITUTIONAL DESIGN AND MECHANISMS OF REGULATION OF THE CONSUMER CREDIT MARKET IN DEPRESSED TERRITORIES

VOLCHIK VYACHESLAV, V.,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University,
e-mail: volchik@sfedu.ru,

SHAFIROV LEONID, A.,

Candidate of Sociology (PhD), MBA (St. Gallen University),
Executive DBA Candidate
at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Executive PhD
Student at SKEMA Business School (Lille, France),
e-mail: shafirov@mail.ru,

OGANESYAN ANNA, A.,

Candidate of Economic Sciences (PhD), Principal Researcher,
Southern Federal University,
e-mail: aaoganesyan@sfedu.ru

The paper deals with the study of institutional design within the frameworks of new institutional economic theory (namely, Douglas North's approach) and original (old) one. Contradiction between spontaneous evolutionary processes and conscious institutional change during institutional design is considered in the context of interaction between the institutions and mechanisms of regulation. The complementarity of institutions is viewed as important prerequisite for efficient organization of administrative and economic activities in a given territory: the lack of complementarity can cause emergence of institutional dysfunctions. It is possible to influence upon credit behavior through institutional design aimed at development of socially-oriented consumer lending. Complementarity between the components of the institutional structure of the consumer credit market and business working rules is to be achieved in the process of institutional policy construction. Local authorities developing and implementing programs that promote to improve socioeconomic status of the depressed territory, it'll be feasible to reduce households' debt load and credit risks, ensuring at the same time financial sustainability of households in the long term.

Keywords: *institutional design; mechanisms of regulation; depressive territories; consumer credit; institutional dysfunctions.*

JEL: B52, G28, R28.

1. Институциональный дизайн и механизмы регулирования рынка потребительского кредитования: постановка проблемы

В современной институциональной экономической теории проблема институционального дизайна является одной из центральных. Однако в рамках различных течений институционализма подходы к решению данной проблемы сильно различаются. В рамках данной работы мы используем теоретический синтез концепций оригинального (старого) институционализма и новой институциональной экономики в традиции Д. Норта.

Роль институтов в экономике, прежде всего, заключается в упорядочивании или структурировании повторяющихся взаимодействий между людьми (Норт, 1993). В оригинальном институционализме при исследовании институтов основной акцент

делается на изучении правил, привычек, укорененных в эволюционно формирующейся институциональной системе общества (Hodgson, 2003; Веблен, 1984). Важнейшим аспектом функционирования институтов, в данной научной традиции, является их взаимосвязь с поведенческими паттернами, которые, в свою очередь, базируются на социальных ценностях (Bush, 1987; Веблен, 1984), составляющих структуру социального капитала, который может быть использован в качестве фактора территориального развития².

Первоначально в новой институциональной экономической теории при исследовании институтов последние рассматривались как ограничения, которые должны учитываться при анализе поведения акторов. В этом контексте предполагается, что в основе поведения акторов лежит предпосылка ограниченной рациональности (Саймон, 1993). Однако в процессе развития неинституционального подхода произошел дрейф в сторону объяснения институтов в терминах интенциональности акторов (Норт, 2010. С. 69).

Исследование интенциональности человека в связи с институциональным дизайном должно осуществляться в рамках конструктивистского подхода, акцентирующегося на необходимости выработки, в целях развития местных сообществ, таких вариантов решений, которые способствовали бы посредством дискурсивной этики соблюдению интересов всех вовлеченных сторон, а не ограничивались бы «односторонней» рациональностью акторов, каждый из которых стремится к достижению собственной выгоды безотносительно интересов того сообщества, с которым он себя идентифицирует. Именно использование данного подхода в качественных экономических исследованиях позволяет объяснить, в том числе, каким образом репутация, доверие, а также нормы поведения, способствующие сотрудничеству и традиционно рассматриваемые как несовместимые с достижением оптимального результата в рамках модели максимизирующего поведения, могут способствовать социально-экономическому развитию местных сообществ.

Согласно подходу Дж. Серля, «интенциональность имеет отношение к тому аспекту психических состояний человека, благодаря которому они направлены на положения дел в мире, находящемся вне их» (Серль, 2002. С. 52); наши интенции могут не всегда соответствовать тем или иным случаям выбора в связи с изначально неверной установкой предпосылок (Серль, 2002. С. 40). Так, когда речь заходит о кредитном рынке, проблема здесь заключается в том, что зачастую под влиянием определенных закрепившихся социальных норм потенциальные заемщики могут изменять поведение таким образом, что конечное принимаемое ими решение в отношении использования заемных средств может оказаться диаметрально противоположным изначально кажущейся более рациональной альтернативе.

В долгосрочной перспективе это может обусловить дисфункции институтов рынка потребительского кредитования, проявляющиеся в том, что соответствующий институт не выполняет своего основного назначения, изначально с ним ассоциируемого: потребительское кредитование, воспринимаемое заемщиками в первую очередь как способ улучшения собственного благосостояния, вследствие неверных интенций превращается в фактор, оказывающий негативное влияние на социально-экономическое положение территории в целом.

В данной работе предполагается, что в качестве основного направления институционального дизайна рынка потребительского кредитования депрессивных территорий должно рассматриваться воздействие на поведение участников кредитного рынка с целью переориентирования направлений использования заемных средств в интересах экономического развития соответствующих регионов и муниципалитетов.

Однако такого рода воздействие может осуществляться как экзогенно – посредством изменения внутренних правил функционирования кредитного рынка,

² В научной литературе социальный капитал связывают с тремя важнейшими компонентами: доверием, нормами поведения, способствующими сотрудничеству, и социальными сетями (Полшук и Меньшиев, 2011).

определяемых соответствующими контролирующими субъектами, так и эндогенно – посредством разработки определенных механизмов регулирования, результатом внедрения которых могли бы стать такие кредитные продукты, которые, способствуя улучшению социально-экономического положения отдельного домохозяйства в долгосрочной перспективе, одновременно оказывали бы положительное влияние на местное развитие, оздоровление депрессивной территории в целом.

Если первый вариант направлен, в основном, на преодоление последствий определенных негативных эффектов потребительского кредитования (в частности, через влияние на цену кредитования путем изменения формальных норм и ужесточения ограничительных мер), то во втором случае – воздействуя на качественную составляющую – интенции – поведения участников кредитного рынка, возможно оказать влияние на сами причины возникновения этих негативных эффектов: путем создания комплекса стимулов для такого кредитного поведения заемщиков, которое бы способствовало формированию более благоприятных альтернатив на этапе выбора кредитного продукта, а также созданию механизмов включения в систему индивидуальных интенций норм поведения, способствующих сотрудничеству, и иных социально-ориентированных поведенческих паттернов, наряду со стремлением к максимизации личной выгоды).

Для индуцирования эндогенных изменений поведения участников кредитного рынка предлагается привлечение органов региональной власти и местного самоуправления, а также местных сообществ, обладающих потенциалом взаимной поддержки и взаимопомощи, в качестве фактора социально-экономического развития депрессивных территорий.

Вместе с тем, предвзятое исследование, необходимо отметить, что при изучении проблемы институционального дизайна важно понимать фундаментальное различие между институтами и механизмами регулирования. Институты представляют собой, прежде всего, универсальные правила, структурирующие повторяющиеся социальные взаимодействия. В свою очередь, механизмы регулирования, которые представляют собой систему властных связей и отношений, возникающих в результате упорядочения хозяйственных процессов в рамках существующих организаций (государства, корпораций и т.д.), имеют властную природу и направлены, прежде всего, на достижение конкретных целей.

Таким образом, гармоничное экономическое развитие, позволяющее преодолеть противоречие между спонтанными эволюционными процессами и сознательным изменением институтов в ходе институционального дизайна и рассматриваемое в контексте взаимодействия институтов и механизмов регулирования, должно опираться на необходимые процедуры, которые преобразуют механизмы регулирования, например, в процессе правоприменения, в универсальные правила, на которых основываются институты.

2. Институциональные характеристики российского рынка потребительского кредитования

Институциональная среда экономики, включающая преимущественно неформальные институты, формирует регулярности, необходимые для хозяйствующих субъектов в сферах производства, обмена и потребления. В свою очередь, институциональная структура представляет собой преимущественно формальные институциональные ограничения, определяющие возможные организационные формы и варианты экономических взаимодействий в тех или иных конкретных сферах и отраслях экономики. Именно институциональная структура определяет конкретные правила и механизмы осуществления экономических взаимодействий, учитывая отраслевые и иные особенности ведения хозяйственной деятельности (*Вольчик и Бережной, 2009. С. 67*).

Так, выявление институциональной структуры кредитного рынка основывается на том, что деятельность акторов кредитного рынка регулируется определенными формальными институтами, кроме того, их поведение определяется

неформальными практиками и обычаями делового оборота, формирующимися под воздействием существующих действующих формальных правил.

С позиций институционального подхода, кредитный рынок представляет собой «совокупность кредитно-финансовых организаций, валютно-фондовых бирж, осуществляющих посредничество при движении временно свободных средств от продавцов к покупателям» (Белоглазова и Кроливецкая. С. 109) – в роли которых выступают, соответственно, кредиторы и заемщики. Однако в целом система кредитования населения определенной территории предполагает расширенную структура акторов, представленную на рис. 1.

Рис. 1. Группы акторов системы кредитования населения региона.

Регулирование процессов взаимодействия интересов кредиторов и заемщиков осуществляется при участии Центрального банка РФ (как регулятора отношений между кредитными организациями), Правительства РФ (в частности, Министерства финансов, в сфере компетенции которого – регулирование деятельности микрофинансовых организаций); помимо этого, субъектами косвенного регулирования кредитного рынка выступают Президент РФ, Федеральное собрание РФ которые, наряду с прочими федеральными и региональными органами власти, способны влиять на темпы развития кредитного рынка и его пропорции посредством законотворчества и принятия подзаконных нормативных документов (Бровкина, 2012).

В целом, цели банковского регулирования определяются Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», конкретизируются в стратегиях развития банковского сектора, в частности в «Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 г.», «Стратегии – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика», «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики...» и прочих нормативных документах.

Среди методов регулирования, которые Банк России применяет как орган непосредственного регулирования кредитного рынка, российские исследователи выделяют:

- методы прямого ограничения (лицензионного регулирования);
- методы нормативно-правового регулирования;

- методы функционального регулирования;
- административные методы регулирования (*Бровкина, 2012*).

Инструментами регулирования кредитного рынка при этом выступают: процентные ставки по операциям Банка России; нормативы, установленные Банком России; условия рефинансирования кредитных организаций; прямые количественные ограничения.

Важным условием для эффективной организации административной и хозяйственной деятельности на той или иной территории является комплементарность институтов, под которой мы понимаем ситуацию, когда институты создают правила и стимулы для поведения, которые не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими (*Вольчик и Бережной, 2009. С. 68*). Некомплементарность институтов может обусловить возникновение институциональных дисфункций, проявляющихся в том, что определенный институт или несколько институтов перестают выполнять роль, изначально им отведенную.

В качестве разновидности экономической деятельности, кредитование граждан способно не только удовлетворять текущие потребности населения в товарах и услугах, но и оказывать благоприятное или негативное воздействие на уровень жизни и экономическое положение соответствующей территории в целом. Негативный или позитивный эффект кредитования определяется мотивами домохозяйства к вовлечению в данный вид финансовой активности, порядком и целями использования заемных средств, а также – условиями получения, обслуживания кредита, транзакционными издержками при получении, использовании, возврате и обслуживании заемных средств (*Шафиров, 2013б*).

Однако состояние современного российского кредитного рынка, переживающего бум потребительского кредитования³, демонстрирует ситуацию когда банками, с одной стороны, проводится агрессивная реклама, направленная на продвижение собственных кредитных продуктов, никак не способствующая предотвращению закредитованности граждан, а население, с другой стороны, – охотно продолжает брать кредиты.

Так, по данным ЦБ РФ, за январь–октябрь 2013 г. объем кредитов, выданных российскими банками физлицам, вырос на 24,3%, – до 9 трлн. 613,9 млрд. руб., что составило на 1.11.2013 г. 24,3% совокупного кредитного портфеля банков. Объем просроченной задолженности на 1 ноября составил 435,5 млрд. руб., увеличившись за 10 месяцев на 39,1%⁴.

К концу 2013 г., по прогнозам, задолженность населения по банковским кредитам достигнет 10 трлн. руб., причем более половины этой суммы будет приходиться на наиболее рискованные необеспеченные потребительские ссуды, которые демонстрируют рост в полтора раза быстрее – до 5,6 трлн. руб. на 1.11.2013 г., или 36% в годовом выражении (*Биянова и Казьмин, 2013*). Между тем, именно за счет этих дорогих необеспеченных кредитов растет закредитованность самых необеспеченных категорий заемщиков.

На рис. 2 и 3 представлена динамика объемов не обеспеченных залогом потребительских кредитов, срок платежа по которым наступил в отчетном периоде, с 1.07.2008 г. по 1.09.2013 г.

Так, наблюдавшийся с середины 2010 г. рост объемов не обеспеченных залогом потребительских ссуд с наступившими сроками платежа, приблизительно через год начал сопровождаться стабильным возрастанием объемов тех из них, по которым наблюдалось непогашение в срок. В последнее же время возрастающие темпы роста объемов не погашенных в срок не обеспеченных залогом потребительских кредитов превысили темпы роста объемов кредитов с наступившими сроками платежа, что свидетельствует о нарастающей напряженности в данной сфере.

³ См.: ИА «Финмаркет» (2013б). Чем закончится потребительский бум в России? // ИА «Финмаркет», 28 ноября. (<http://www.finmarket.ru/main/article/3563321>).

⁴ Рассчитано по данным: (Центральный банк..., 2013б. С. 13).

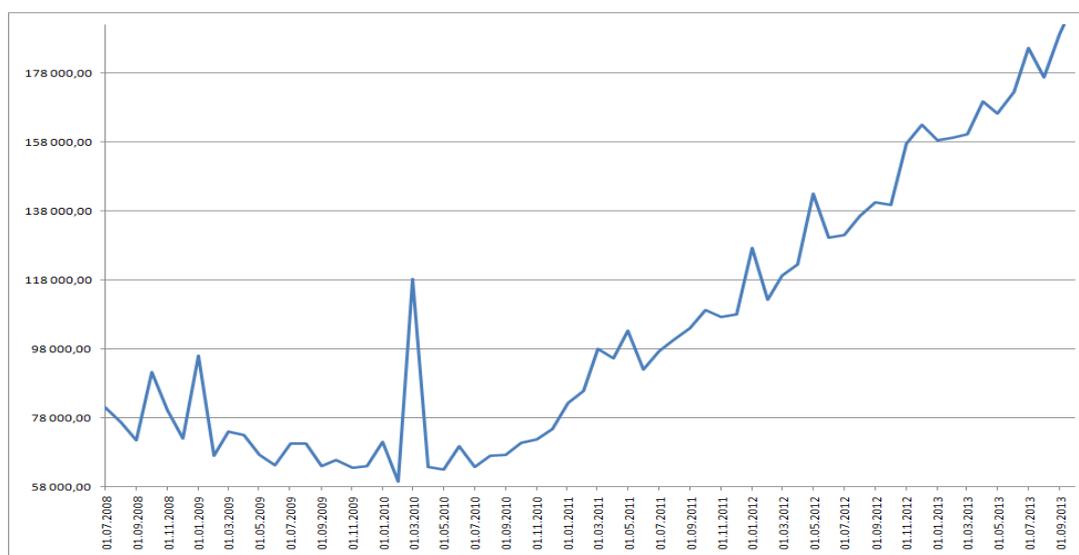

Рис. 2. Динамика объема предоставленных физическим лицам не обеспеченных залогом потребительских ссуд, по которым срок платежа наступил в отчетном периоде, 2008–2013 гг. (млн. руб.)

Построено по данным: (Центральный банк..., 2008; Центральный банк..., 2009; Центральный банк..., 2010; Центральный банк..., 2011; Центральный банк..., 2012; Центральный банк..., 2013а).

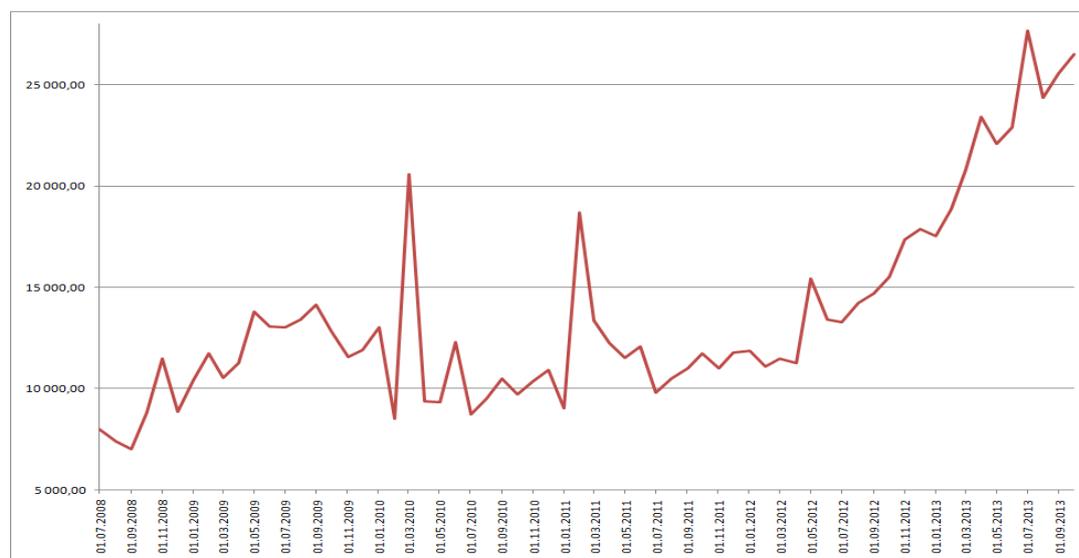

Рис. 3. Динамика объема предоставленных физическим лицам не погашенных в срок не обеспеченных залогом потребительских ссуд, по которым срок платежа наступил в отчетном периоде, 2008–2013 гг. (млн. руб.)

Построено по данным: (Центральный банк..., 2008; Центральный банк..., 2009; Центральный банк..., 2010; Центральный банк..., 2011; Центральный банк..., 2012; Центральный банк..., 2013а).

В основе проявляющихся в данном процессе институциональных дисфункций — отмечаемое российскими экспертами фундаментальное несоответствие размеров финансового сектора уровню его институционального развития (Мау и Кузьминов, 2013. С. 232).

Однако дискурс субъектов регулирования кредитного рынка сегодня, как и на протяжении последних нескольких месяцев, охватывает, в основном, количественные меры контроля и ограничения, направленные на исправление уже

сложившейся ситуации в потребительском кредитовании, но не воздействующие на причины этой ситуации.

В частности, в соответствии со «Стратегией – 2020», решать задачи повышения устойчивости финансового сектора в рамках правительственных программ предполагается за счет изменения системы и моделей микро- и макропруденциального регулирования и надзора (включая установление дополнительных требований к достаточности капитала кредитных организаций, ограничение совокупного леввереджа кредитных организаций, оптимизацию структуры надзорных органов и т.д.), дифференцирования требований по капиталу финансовых посредников и стимулированием развития институтов финансового консультирования, наряду с перспективой создания системы защиты прав потребителей финансовых услуг (Мау и Кузьминов, 2013. С. 237–246).

Реализация указанных мер во многом рассматривается сквозь призму такой важной характеристики институциональной среды, как невысокий индекс доверия населения к финансовому сектору (Мау и Кузьминов, 2013. С. 231), что подтверждает отмечаемую отечественными исследователями актуальность проблемы повышения уровня доверия населения финансовым институтам (Кузина и Ибрагимова, 2010), а также возможное влияние излишней закредитованности как дополнительного фактора роста социальной напряженности (Авдеева и Мирошниченко, 2013. С. 18). Уровень доверия соотносится также качественными характеристиками социального капитала. И здесь важно рассматривать не только чисто экономические факторы, но и социальные, например, связанные с повышением финансовой грамотности и формированием устойчивых сетевых взаимодействий акторов, основанных на добровольном сотрудничестве.

Иными словами, в условиях, когда региональная и муниципальная политика в отношении кредитования населения практически не реализуется, вместо предложений качественного изменения ситуации регулирование кредитного рынка предлагается свести к мерам, предполагающим количественное сокращение объемов необеспеченных кредитов населению посредством увеличения требований к капиталу (собственным средствам) банков, предоставляющих такие кредиты⁵, а также борьбу с ростовщическим процентом посредством ограничения максимальных ставок по кредитам физических лиц⁶.

Однако при таком сценарии возникает опасность того, что соответствующие меры негативно отразятся на доступности банковских кредитов для наименее обеспеченных категорий заемщиков, что приведет к росту спроса на займы микрофинансовых организаций, или других неофициальных кредиторов, в еще большей степени рисков для домохозяйств (Шафиров, 2013в).

Между тем, в контексте современной интерпретации старого (традиционного) институционализма, представляется актуальным в сложившейся ситуации обратить внимание, во-первых, на мотивы и цели, лежащие в основе поведения заемщиков, а, во-вторых, – на степень асимметричности информации при взаимодействии заемщиков и кредиторов.

Необходимость поддерживать уровень «демонстративного потребления», соответствующий принятому в социальной среде, обуславливает расходование кредитных ресурсов главным образом на цели, связанные с формированием определенного социального статуса, но не имеющие отношения к удовлетворению базовых потребностей домохозяйств. Высокая доля демонстративного потребления как побудительного мотива использования кредитных ресурсов российскими

⁵ См.: КонсультантПлюс (2012). Инструкция Банка России от 03.12.2012 № 139-И «Об обязательных нормативах банков» (Зарегистрировано в Минюсте России 13.12.2012 № 26104). (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139494/); КонсультантПлюс (2013). Положение о порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, по ссудной и приравненной к ней задолженности (утв. Банком России 26.03.2004 № 254-П) (ред. от 06.09.2013) (Зарегистрировано в Минюсте России 26.04.2004 № 5774). (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152449/).

⁶ См.: ИА «Финмаркет» (2013а). Набиуллина: «просрочка» граждан по кредитам достигла 435 млрд рублей // ИА «Финмаркет», 4 декабря. (<http://www.finmarket.ru/finances/article/3568021>).

заемщиками, подтверждаемая отечественными исследователями (См., например: (Смирнов, 2009)), обуславливает то, что рост российской экономики сегодня обеспечивается, главным образом, за счет расширения сегмента розничной торговли импортными товарами (Авдеева и Мирошниченко, 2013. С. 18).

Несмотря на то, что с позиций индивидуального заемщика такое поведение кажется ему рациональным исходя из его собственной оценки ожидаемых выгод и калькулирования предполагаемых издержек, институциональный подход позволяет предположить, что, в контексте теории демонстративного потребления Веблена (Веблен, 1984), последствия действий – важная составляющая их интерпретации, косвенно указывающая на то, что «способность обслуживать потребность» в действительности может сочетаться с бесполезностью трат (Майровски, 2013).

Однако очевидно, что императивом устойчивого развития в современном обществе должно стать сочетание экономической эффективности с социальной эффективностью, что позволяет говорить о том, что для целей развития местных сообществ – в частности, для реализации перспектив развития определенных территорий, – первоочередное значение имеет гармонизация целей использования кредитных ресурсов индивидуальными заемщиками с целями местного социально-экономического развития.

Следовательно, особую важность представляет поиск решения, в результате которого предотвращение излишней закредитованности граждан не сказалось бы негативно на экономическом росте (Лейбов, 2013) и одновременно обеспечивало бы соблюдение интересов как заемщиков, так и кредиторов.

Вместе с тем, актуализирующаяся вследствие той или иной степени асимметричности информации при взаимодействии акторов системы кредитования населения проблема высоких транзакционных издержек, обуславливающая рост рисков соответствующих сторон, во многом усугубляется недостаточным уровнем обеспечения финансовой грамотности населения, проявляющемся в: отсутствии навыков чтения кредитного договора и компетенций финансового планирования; установке на экономический патернализм; неспособности адекватно оценить все аспекты агрессивной политики кредитных организаций по увеличению кредитного портфеля, убеждающей физических лиц в простоте получения кредита и не акцентирующей внимания на принимаемой заемщиками ответственности (Алифанова и Евлахова, 2012).

Перечисленные факторы во многом определяют то, что беззалоговое кредитование домохозяйств под высокие процентные ставки на цели, не способствующие улучшению экономического положения этих домохозяйств в долгосрочном периоде, постепенно превращается в угрозу финансового благополучия страны в целом. С одной стороны, высокий уровень закредитованности населения при растущей задолженности вынуждает банки минимизировать риски невозвратов и роста просрочки, с другой стороны – наблюдается вовлечение в соответствующие процессы людей, не всегда способных рассчитывать долговую нагрузку и, как следствие, с трудом обслуживающих свои обязательства, что, так или иначе, приводит к росту просроченной задолженности.

Так, поскольку, с точки зрения институционального анализа, понятие рациональности неизбежно подразумевает включенность экономических акторов в соответствующую институциональную среду, корректно организованное взаимодействие органов власти местного, регионального и национального уровня с банковским сообществом, основанное на четком структурировании соответствующих прав и обязанностей (Коммонс, 2012), может способствовать переориентации участников кредитной системы на социально ответственное кредитование.

Если на уровне институциональной среды институциональные изменения являются спонтанными и выражаются преимущественно в медленной эволюции неформальных институтов, то на уровне институциональной структуры преобладающей формой институциональных изменений является рациональное изменение институтов, которые имеют формальный характер (Вольчик и Бережной,

2009. С. 68).

В свою очередь, направленность на обеспечение интересов сообщества позволяет говорить о концепции институционализированной рациональности.

В данном аспекте, проявление интенциональности поведения акторов кредитной системы предполагает изменение механизмов, оказывающих влияние на кредитное поведение, посредством институционального дизайна, направленного на повышение социально-экономической эффективности кредитования населения⁷. С помощью конструирования элементов институциональной политики как на государственном, так и на региональном и муниципальном уровнях, возможна корректировка нерациональных поведенческих схем участников рынка потребительского кредитования посредством переориентирования целей использования заемных средств (*Шафиров, 2013в*).

Социально-эффективное кредитование способствует, с одной стороны, увеличению доли социально-эффективного потребления в структуре совокупного спроса, наряду со стимулированием развития производственных технологий для снижения капиталоемкости производства товаров и услуг, а, с другой стороны – росту дополнительных доходов домохозяйств или снижению их расходов в будущем (*Шафиров, 2013г. С. 38*).

Таким образом, разработка механизмов регулирования кредитного рынка в контексте концепции институционализированной рациональности должна подразумевать достижение комплементарности между составляющими институциональной структуры кредитного рынка и складывающимися обычаями делового оборота.

3. Роль органов регионального и местного самоуправления в реализации механизмов регулирования рынка потребительского кредитования депрессивных территорий

Различные аспекты воздействия региональной и муниципальной политики на социально-экономическое развитие депрессивных территорий неоднократно становились объектом научных исследований.

Для России эта проблема стоит особенно остро, учитывая разнородность локальных институциональных структур в пределах российской экономики, обуславливающее сегментацию поведенческих стратегий акторов (*Курбатова, 2010*). При этом, локальная институциональная структура в депрессивных территориях, как отмечается, предполагает ориентацию на выживание, на отъезд в другие регионы, что порождает дискуссии о целесообразности развития специальных программ расселения⁸ (*Клисторин, 2009*), а также – о развитии малого бизнеса и альтернативной занятости в монопрофильных населенных пунктах России (*Климанов, 2013*).

Однако отмечаемая отечественными учеными необходимость исследования межрегиональных и внутрирегиональных различий – при неудовлетворительности требуемой информационной базы, – как правило, не сопровождается серьезной разработкой методов и инструментария их выполнения и анализом (оценкой) соответствующих ресурсов, предполагающихся для их реализации (*Клисторин, 2009*).

Выявление необходимости поиска решений рационализации региональной экономической политики в связи с отсутствием самодостаточности производственно-ресурсной основы депрессивных регионов для обеспечения выполнения этими субъектами федерации их функций (*Топсахалова и Кириленко, 2009*), в основном,

⁷ Подробнее о социально-эффективном кредитовании см.: (*Шафиров, 2013а*).

⁸ См.: Министерство регионального развития Российской Федерации (2013б). Решение коллегии «Об итогах деятельности Министерства регионального развития Российской Федерации по стратегическому и территориальному планированию в Российской Федерации за 2012 год и задачах на 2013 год». 20 февраля 2013 г. // (<http://www.minregion.ru/upload/documents/2013/03/190313-prot-r.pdf> - Дата обращения: 11.10.2013); РБК (2013). Оставшимся без работы моногорожанам дадут денег на переезд // РБК, 13 ноября. (<http://top.rbc.ru/economics/13/11/2013/888326.shtml> - Дата обращения: 13.11.2013).

оценивается сквозь призму взаимоотношений соответствующего субъекта с федеральным центром, однако, с другой стороны, проблемы местного уровня часто усугубляются зависимостью бюджета субъекта от внешних источников финансирования⁹, что актуализирует важность поиска внебюджетных источников финансирования местного экономического развития.

В частности, в Ростовской области несбалансированность и неравномерность внутриобластного социально-экономического развития проявляется неравномерностью социально-экономического развития городских округов и других муниципальных образований, являясь в особенности актуальной проблемой в отношении депрессивных территорий, к которым относятся в основном малые монопрофильные города¹⁰, детерминирующей рост рисков финансовой устойчивости бюджета муниципального образования¹¹, его уязвимость – в долгосрочном периоде – при изменении экономических условий.

Острота проблемы межрегионального и внутрирегионального неравенства в России проявляется, в свою очередь, в значительной дифференциации населения по уровню кредитоспособности, обусловливаемой уровнем распределения доходов (в 2012 г. децильный коэффициент фондов составил 16,4¹²).

Таблица 1

Кредитование физических лиц в Ростовской области

	2012	2013			
	октябрь	июль	август	сентябрь	октябрь
Объем кредитов по состоянию на начало месяца, тыс. руб.	135 063 642	103 011 855	124 253 050	140 232 075	165 373 519
Задолженность по кредитам по состоянию на начало месяца, тыс. руб.	182 876 272	223 038 188	229 765 376	234 528 790	241 095 871
Задолженность по просроченным кредитам, предоставленным физическим лицам по состоянию на начало месяца, тыс. руб.	8 138 878	9 979 844	10 468 914	10 799 885	11 330 365

Источник: (Министерство экономического развития Ростовской области (2013).

Мониторинг социально-экономического развития Ростовской области по состоянию на 1 ноября 2013 года. С. 34. (http://www.mineconomikiro.ru/monit/ro/giac_monit_soc_econ_01.11.2013.pdf - Дата обращения: 01.12.2013).

В табл. 1 и на рис. 4 представлена динамика объема выданных в Ростовской области кредитов и задолженности физлиц в период с июля по октябрь 2013 г., в сравнении с октябрём 2012 г. Однако информация как о степени закредитованности населения с учетом займов, полученных от кредиторов, не включенных в банковскую систему, так и об аналогичных показателях в разрезе различных социальных групп, городов и муниципальных образований, в России отсутствует. Вместе с тем, отдельные исследования демонстрируют гораздо более высокую долю заемщиков с высокой нагрузкой (50% и выше от текущих денежных доходов) по

⁹ См.: Официальный портал Правительства Ростовской области (2013). Стратегия социально-экономического развития Ростовской области до 2020 года. (<http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=85416> - Дата обращения: 01.11.2013).

¹⁰ Согласно сформированному по состоянию на 26 июня 2013 г. Министерством регионального развития Российской Федерации перечню, к моногородам Ростовской области относятся города Донецк (численностью 49500 чел. – по состоянию на 01.01.2013 г.), Зверево (23025 чел.), Гуково (65800 чел.) (Министерство регионального развития..., 2013а. С. 14).

¹¹ См.: Официальный портал Правительства Ростовской области (2013). Стратегия социально-экономического развития Ростовской области до 2020 года. (<http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=85416> - Дата обращения: 01.11.2013).

¹² Федеральная служба государственной статистики РФ (2013). Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Р32. М.: Росстат. С. 176.

обслуживанию кредитов именно среди жителей малых населенных пунктов, что обусловлено во многом преобладанием в структуре потребительских займов, выданных кредитов жителям российской провинции, более дорогих и краткосрочных кредитов (Кузина, 2013).

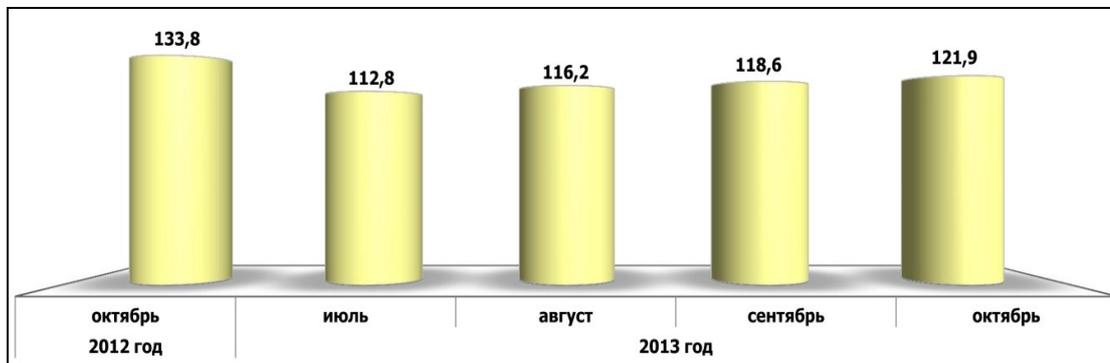

Рис. 4. Обеспечение устойчивости финансовой и банковской сферы Ростовской области

Источник: (Министерство экономического развития Ростовской области (2013). Мониторинг социально-экономического развития Ростовской области по состоянию на 1 ноября 2013 года. (http://www.mineconomikiro.ru/monit/ro/giac_monit_coc_econ_01.11.2013.pdf - Дата обращения: 01.12.2013)).

Логично предположить, что в таких условиях социально неэффективное кредитование населения депрессивных территорий, проявляющееся в расходовании заемных средств преимущественно для «демонстративного потребления», повышая риски и создавая угрозу местному социально-экономическому развитию в длительной перспективе, во многом объясняется высоким уровнем преобладания церемониальных ценностей в структуре социального капитала депрессивных территорий. С другой стороны, потенциал в данных территориях механизмов социальной экономики, взаимопомощи, взаимной поддержки домохозяйств по каналам существующих социальных сетей (Стародубровская, 2013) может быть использован в качестве фактора территориального развития.

Разработка и реализация, при участии органов региональной власти и местного самоуправления, в качестве механизмов регулирования рынка потребительского кредитования населения депрессивных территорий таких социально-экономических программ, которые могли бы способствовать внедрению банками кредитных продуктов, позволяющих использовать кредитный потенциал домохозяйств-заемщиков для целей территориального развития, предполагает следующие направления:

- решение проблемы закредитованности домохозяйств;
- снижение риска невозврата заемных средств;
- обеспечение финансовой устойчивости домохозяйств в долгосрочной перспективе;
- оздоровление депрессивной территории в целом.

Немаловажно учитывать, что в данном аспекте проблемой является не только отсутствие таких закрепленных на институциональном уровне программ, но и, в значительной степени, – низкий уровень их внедрения в связи с низкой финансовой грамотностью населения, порождаемой асимметричностью информации при взаимодействии заемщиков с кредиторами.

Институциональное закрепление соответствующих программ на уровне муниципалитета или региона предполагает вовлечение органов региональной власти или местного самоуправления в состав акторов кредитной системы соответствующей территории – в качестве инициатора создания устойчивых локальных организационных форм и реализации соответствующих механизмов регулирования, что проиллюстрировано на рис. 5.

Рис. 5. Влияние механизмов регулирования на развитие депрессивной территории

Так, снизить уровень закредитованности домохозяйств возможно при реализации мер по выравниванию условий кредитования населения, повышению финансовой грамотности, оказанию консультационных услуг и правовой помощи населению; уменьшению риска невозврата заемных средств может способствовать представление органами местного самоуправления интересов жителей при взаимодействии с кредиторами, социальное давление на недобросовестных заемщиков со стороны поручителей, родственников и коллег по работе; обеспечение финансовой устойчивости домохозяйств в долгосрочной перспективе потенциально достигается путем предоставления образовательных кредитов, кредитов на развитие предпринимательства, неформальной занятости, на улучшение жилищных условий¹³ и оплату медицинских услуг (Шафиров, 2013г).

Социально-экономическое оздоровление депрессивной территории, выступающее в качестве результата подобных мер и сопровождающееся повышением уровня доверия к органам местного самоуправления со стороны населения, таким образом, становится важным фактором преодоления институциональных дисфункций, порождаемых неэффективностью функционирования системы кредитования населения депрессивных территорий как механизма перераспределения финансовых ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеева Д. и Мирошниченко Д. (2013). Жить в кредит – жить не по средствам? // *Банки: статистика & экономика*, № 38, с. 11–18. (http://www.hse.ru/data/2013/11/06/1282283346/bse_38.pdf).

Алифанова Е. Н. и Евлахова Ю. С. (2012). Влияние финансовой грамотности населения на развитие финансовых институтов и ключевых сегментов финансового рынка // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 10, № 3, с. 115–120.

Белоглазова Г. и Кроливецкая Л. (ред.) (2013). *Финансовые рынки и финансово-кредитные институты*. СПб.: Питер, 384 с.

¹³ Согласно исследованию ВЦИОМ (ВЦИОМ, 2013), только 14% россиян не волнуют проблемы ЖКХ.

Биянова Н. и Казьмин Д. (2013). Общий долг россиян перед банками к концу года достигнет 10 трлн руб. // *Vedomosti.ru*, 29 ноября 2013. (<http://www.vedomosti.ru/finance/news/19395511/obschij-dolg-rossiyan-pered-bankami-dostignet-10-trln-rub>).

Бровкина Н. Е. (2012). Каталлактический подход к регулированию кредитного рынка // *Эффективное антикризисное управление*, № 1 (70). (http://www.e-c-m.ru/magazine/70/eau_70_138.htm).

Веблен Т. (1984). Теория праздного класса: экономическое исследование институций. М.: Прогресс.

Вольчик В. В. и Бережной И. В. (2009). Иерархия и комплементарность институтов в рамках хозяйственного порядка // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 7, № 2, с. 65–73. (<http://sfedu.ru/evjur/data/2009/journal7.2.pdf>).

ВЦИОМ (2013). Министерство строительства и ЖКХ: приоритеты и общественный запрос. Пресс-выпуск № 2464 (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114621> - Дата обращения: 28.11.2013).

Галеева Л. Е. и Максимчук Е. И. (2012). Развитие институциональной среды банковского кредитования малого бизнеса // *Фундаментальные исследования*, № 11, часть 6, с. 1534–1538. (<http://www.rae.ru/fs/pdf/2012/11-6/30835.pdf>).

ИА «Финмаркет» (2013а). Набиуллина: «просрочка» граждан по кредитам достигла 435 млрд рублей // *ИА «Финмаркет»*, 4 декабря. (<http://www.finmarket.ru/finances/article/3568021>).

ИА «Финмаркет» (2013б). Чем закончится потребительский бум в России? // *ИА «Финмаркет»*, 28 ноября. (<http://www.finmarket.ru/main/article/3563321>).

Климанов В. (2013). Моно не больно // *Российская Газета*, № 923 (45), 19 ноября. (<http://www.rg.ru/2013/11/19/monogorod.html> - Дата обращения: 19.11.2013).

Клисторин В. И. (2009). Российский федерализм: региональная политика, направленная на поддержку муниципальных образований // *Регион: экономика и социология*, № 3, с. 41–54.

Коммонс Дж. (2012). Институциональная экономика // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 10, № 3.

Консультант Плюс (2012). Инструкция Банка России от 03.12.2012 № 139-И «Об обязательных нормативах банков» (Зарегистрировано в Минюсте России 13.12.2012 № 26104). (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139494/).

Консультант Плюс (2013). Положение о порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, по ссудной и приравненной к ней задолженности (утв. Банком России 26.03.2004 № 254-П) (ред. от 06.09.2013) (Зарегистрировано в Минюсте России 26.04.2004 № 5774). (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152449/).

Кузина О. Е. (2013). Анализ динамики пользования банковскими кредитами и долговой нагрузки россиян // *Деньги и кредит*, № 11, с. 30–36. (http://www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/kuzina_11_13.pdf).

Кузина О. Е. и Ибрагимова Д. Х. (2010). Доверие финансовым институтам: опыт эмпирического исследования // *Мониторинг общественного мнения*, № 4 (98). ([http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/98_1/2010_4\(98\)_3_Kuzina_Ibragimova.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/98_1/2010_4(98)_3_Kuzina_Ibragimova.pdf)).

Курбатова М. В. (2010). Проблемы формирования институциональной среды постиндустриальной экономики в современной России // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 2, № 1. (<http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/05/1214826895/jis2.1-4.pdf> - Дата обращения: 15.11.2013).

Лейбов В. (2013). Потребкредиты теснят корпоративное кредитование // *Finam.info*, 12 ноября. (<http://finam.info/news/potrebkrediti-tesnyat-korporativnoe-kreditovanie/>).

Майровски Ф. (2013). Философские основания институционалистской экономики (Часть II) // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 11, № 3.

Мау В. А. и Кузьминов Я. И. (ред.) (2013). Стратегия – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на

период до 2020 года. Книга 1. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 430 с. (http://2020strategy.ru/data/2013/11/08/1214321112/Стратегия-2020_Книга%201.pdf).

Министерство регионального развития Российской Федерации (2013а). Перечень моногородов (по состоянию на 26 июля 2013 г.). (<http://www.minregion.ru/documents/2931?locale=ru> - Дата обращения: 15.11.2013).

Министерство регионального развития Российской Федерации (2013б). Решение коллегии «Об итогах деятельности Министерства регионального развития Российской Федерации по стратегическому и территориальному планированию в Российской Федерации за 2012 год и задачах на 2013 год». 20 февраля 2013 г. (<http://www.minregion.ru/upload/documents/2013/03/190313-prot-r.pdf> - Дата обращения: 11.10.2013).

Министерство экономического развития Ростовской области (2013). Мониторинг социально-экономического развития Ростовской области по состоянию на 1 ноября 2013 года. (http://www.mineconomikiro.ru/monit/ro/r1ac_monit_soc_econ_01.11.2013.pdf - Дата обращения: 01.12.2013).

Норт Д. (1993). Институты и экономический рост: историческое введение // *THESIS*, Т. 1, вып. 2.

Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ.

Официальный портал Правительства Ростовской области (2013). Стратегия социально-экономического развития Ростовской области до 2020 года. (<http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=85416> - Дата обращения: 01.11.2013).

Полищук Л. и Меняшев Р. (2011). Экономическое значение социального капитала // *Вопросы экономики*, № 12.

РБК (2013). Оставшимся без работы моногорожанам дадут денег на переезд // *РБК*, 13 ноября. (<http://top.rbc.ru/economics/13/11/2013/888326.shtml> - Дата обращения: 13.11.2013).

Саймон Г. А. (1993). Рациональность как процесс и продукт мышления // *THESIS*, Вып. 3, с. 16–38. (http://ecsocman.hse.ru/data/629/779/1217/3_1_2simon.pdf).

Серль Дж. (2002). Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция.

Смирнов С. В. (2009). Институционализация экономических отношений домашних хозяйств на рынке потребительского кредитования / Автореф. дисс. ... к.э.н. Кострома, 26 с.

Стародубровская И. (2013). Предоставление социальных услуг на территориях интенсивной депопуляции: есть ли решение? // *Вопросы экономики*, № 11, с. 89–111.

Топсахалова Ф. М.-Г. и Кириленко К. В. (2009). Инновационные механизмы экономического развития АПК депрессивного региона. М.: «Академия Естествознания». (<http://www.monographies.ru/58>).

Федеральная служба государственной статистики РФ (2013). Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Р32. М.: Росстат, 990 с.

Центральный банк Российской Федерации (2008). Информация о рисках кредитования физических лиц в 2008 году. (http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_08.htm&pid=pdko_sub&sid=ITM_60627).

Центральный банк Российской Федерации (2009). Информация о рисках кредитования физических лиц в 2009 году. (http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_09.htm&pid=pdko_sub&sid=ITM_60627).

Центральный банк Российской Федерации (2010). Информация о рисках кредитования физических лиц в 2010 году. (http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_10.htm&pid=pdko_sub&sid=ITM_60627).

Центральный банк Российской Федерации (2011). Информация о рисках кредитования физических лиц в 2011 году. (http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_11.htm&pid=pdko_sub&sid=ITM_60627).

Центральный банк Российской Федерации (2012). Информация о рисках кредитования физических лиц в 2012 году. (<http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?>

file=bank_system/risk_12.htm).

Центральный банк Российской Федерации (2013а). Информация о рисках кредитования физических лиц в 2013 году. (http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_13.htm&pid=pdko&sid=ITM_60627).

Центральный банк Российской Федерации (2013б). Обзор банковского сектора Российской Федерации. Аналитические показатели // *Департамент банковского надзора Банка России*, № 134. (http://cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1312.pdf?pid=bnksyst&sid=ITM_43323).

Шафиров Л. А. (2013а). Повышение социальной эффективности кредитования населения как императив устойчивого развития // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, Т. 4, № 1, с. 124–134. (<http://hjournal.ru/journals/jer4.1.pdf>).

Шафиров Л. А. (2013б). Концепция оценки наличия потенциала рационального кредитования населения малых монопрофильных городов РФ (на примере кредитования домохозяйств для улучшения их жилищных условий) // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 11, № 3, Ч. 3.

Шафиров Л. А. (2013в). Кредитование населения как фактор устойчивого развития депрессивных монопромышленных городов (концепция и рабочие гипотезы исследования) // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 11, № 3, Ч. 2.

Шафиров Л. А. (2013г). Роль органов местного самоуправления в реализации стратегии кредитования населения Ростовской области в интересах предпринимательского сообщества региона // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 11, № 4.

Шафиров Л. А. (2013д). Современный бум потребительского кредитования в РФ: повышение социальной эффективности кредитования населения как мера антициклического регулирования // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 11, № 1, Ч. 2, с. 34–42. (<http://sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11.1.2.pdf>).

Bush P. D. (1987). The Theory of Institutional Change // *Journal of Economic Issues*, vol. XXI, no. 3, pp. 1075–1116.

Hodgson G.M. (2003). The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory // *Cambridge Journal of Economics*, vol. 27.

REFERENCES

Avdeeva D. and Miroshnichenko D. (2013). Does living on credit mean living beyond means? *Banks: Statistics & Economics*, no. 38, pp. 11–18. (http://www.hse.ru/data/2013/11/06/1282283346/bse_38.pdf). (in Russian).

Aliphanova E. N. and Evlakhova Yu. S. (2012). An impact of financial competence of population on development of financial institutions and key segments of financial market. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 3, pp. 115–120. (in Russian).

Beloglazova G. and Krolivetskaya L. (eds.) (2013). Financial markets and financial and credit institutions. Saint-Petersburg: Piter Publ., 384 p. (in Russian.)

Biyanova N. and Kazmin D. (2013). Russian Bank Debt to Reach 10 Trillion Rubles in 2013. *Vedomosti.ru*, November 29. (<http://www.vedomosti.ru/finance/news/19395511/obschij-dolg-rossiyan-pered-bankami-dostignet-10-trln-rub>). (in Russian.)

Brovkina N. E. (2012). Catallactic approach to credit market regulation. *Effective Crisis Management*, no. 1 (70). (http://www.e-c-m.ru/magazine/70/eau_70_138.htm). (in Russian).

Veblen T. (1984). The Theory of Leisure Class. An Economic Study of Institutions. M.: Progress Publ. (in Russian).

Volchik V. V. and Berezhnoy I. V. (2009). Hierarchy and complementarity of institutions within the economic order. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 7, no. 2, pp. 65–73. (<http://sfedu.ru/evjur/data/2009/journal7.2.pdf>). (in Russian).

Galyaeva L. E. and Maximchuk E. I. (2012). Development of the institutional environment of bank small business financing. *Fundamental Research*, no. 11, part 6, pp. 1534–1538. (<http://www.rae.ru/fs/pdf/2012/11-6/30835.pdf>). (in Russian).

Finmarket Information Agency (2013a). Nabiullina: "delay" of citizens on loans reached RUR 435 billion. *Finmarket Information Agency*, December 4. (<http://www.finmarket.ru/finances/article/3568021>). (in Russian).

Finmarket Information Agency (2013b). How will the consumer boom in Russia end? *Finmarket Information Agency*, November 28. (<http://www.finmarket.ru/main/article/3563321>). (in Russian).

Klimanov V. (2013). Mono-towns do not suffer. *Rossiyskaya Gazeta*, no. 923 (45), November 19. (<http://www.rg.ru/2013/11/19/monogorod.html> - Access date: 19.11.2013).

Klistorin V. I. (2009). Russian federalism: regional policy of supporting municipal units. *Region: Economics and Sociology*, no. 3, pp. 41–54.

Commons J. R. (2012). Institutional economics. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 3. (in Russian).

ConsultantPlus (2012). Instructions of the Central bank of the Russian Federation about obligatory standards of banks of December 3, 2012 no. 139-I. (Registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on December 13, 2012 no. 26104). (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139494/). (in Russian.)

Consultant Plus (2013). Direction «On the formation lending organization allowance for possible loan losses, loan and similar debt» (ratified by the Central Bank of the Russian Federation on March 26, 2004 no. 254-P) (ed. on September 06, 2013) (Registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on April 26, 2004 no. 5774). (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152449/). (in Russian).

Kuzina O. E. (2013). Analysis of the Dynamics of Russians' Bank Loans and Debt Burden. *Money and Credit*, no. 11, pp. 30–36. (http://www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/kuzina_11_13.pdf). (in Russian).

Kuzina O. E. and *Ibragimova D. Kh.* (2010). Trust to financial institutions: an empirical study. *The monitoring of public opinion*, no. 4 (98). ([http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/98_1/2010_4\(98\)_3_Kuzina_Ibragimova.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/98_1/2010_4(98)_3_Kuzina_Ibragimova.pdf)). (in Russian).

Kurbatova M. V. (2010). Post-industrial economy institutional environment formation problems in modern Russia. *Journal of Institutional Studies*, vol. 2, no. 1. (<http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/05/1214826895/jis2.1-4.pdf> - Access date: 15.11.2013). (in Russian).

Leibov V. (2013). Consumer loans displace corporate lending. *Finam.info*, November 12. (<http://finam.info/news/potrebkredit-tesnyat-korporativnoe-kreditovanie/>). (in Russian).

Mirowski Ph. (1987). The philosophical bases of institutionalist economics. *Journal of Economic Issues*, vol. 21, pp. 1001–1038. (in Russian).

Mau V. A. and *Kuzminov Ya. I.* (eds.) (2013). Strategy–2020: New model of growth – the new social policy. The final report on the results of expert work on urgent problems of the socio-economic strategy of Russia up to 2020. Book 1. M.: «Delo» Publishing House, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 430 p. (http://2020strategy.ru/data/2013/11/08/1214321112/Стратегия-2020_Книга%201.pdf). (in Russian).

Ministry of regional development of the Russian Federation (2013a). List of single-industry towns (as of July 26, 2013). (<http://www.minregion.ru/documents/2931?locale=ru> - Access date: 15.11.2013). (in Russian).

Ministry of regional development of the Russian Federation (2013b). Board decision «On the performance of the Ministry of regional development of the Russian Federation on strategic and spatial planning in the Russian Federation in 2012 and tasks for 2013». February 20. (<http://www.minregion.ru/upload/documents/2013/03/190313-prot-r.pdf>. Accessed on: 11.10.2013). (in Russian).

Ministry of economic development of the Rostov Region (2013). Monitoring of socio-economic development of the Rostov region as of November 1 2013. (http://www.minekonomikiro.ru/monit/ro/riac_monit_coc_econ_01.11.2013.pdf - Access date: 01.12.2013). (in Russian).

North D. (1993). Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction.

THESIS, vol. 1, issue 2. (in Russian).

North D. (2010). Understanding the Process of Economic Change. M.: State University Higher School of Economics Publishing. (in Russian).

Official website of the government of the Rostov region (2013). Strategy for socio-economic development of the Rostov region by 2020. (<http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=85416> - Access date: 01.11.2013). (in Russian).

Polischuk L. and Menyashv R. (2011). Economic value of social capital. *Voprosy Ekonomiki*, no. 12. (in Russian).

RBC (2013). Unemployed mono-towns inhabitants will be paid for the move. RBC, November 13. (<http://top.rbc.ru/economics/13/11/2013/888326.shtml> - Access date: 13.11.2013). (in Russian).

Russian Public Opinion Research Center (OAO «VCIOM») (2013). The Ministry of Construction and Housing: priorities and public inquiry. Press release no. 2464. (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114621> - Access date: 28.11.2013). (in Russian).

Simon H. A. (1978). Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture. *American Economic Review*, vol. 68, no. 2, pp. 1–16. (Rus. ed.: Simon H.A. (1993). Rationality as Process and as Product of Thought. *THESIS*, issue 3, pp. 16–38. (http://ecsocman.hse.ru/data/629/779/1217/3_1_2simon.pdf.) (in Russian).

Searle J. R. (2002). Rationality in Action. Moscow: Progress-Traditsiya Publ. (in Russian).

Smirnov S. V. (2009). Institutionalization of economic relations between households on the consumer credit market. Kostroma, 26 p. (in Russian).

Starodubrovskaya I. (2013). Delivery of Public Services on Intensively Depopulated Territories: Is There Any Solution? *Voprosy Ekonomiki*, no. 11, pp. 89–111. (in Russian).

Topsakhalova F. M.-G. and Kirilenko K. V. (2009). Innovative mechanisms of economic development of the agroindustrial complex of the depressive region. Moscow: The Russian Academy of Natural History. (<http://www.monographies.ru/58>). (in Russian).

Federal State Statistics Service of the Russian Federation (Rosstat) (2013). Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2013: R32. M.: Rosstat, 990 p. (in Russian).

The Central Bank of the Russian Federation (2008). Information about the risks of lending to individuals in 2008. (http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_08.htm&pid=pdko_sub&sid=ITM_60627). (in Russian).

The Central Bank of the Russian Federation (2009). Information about the risks of lending to individuals in 2009. (http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_09.htm&pid=pdko_sub&sid=ITM_60627). (in Russian).

The Central Bank of the Russian Federation (2010). Information about the risks of lending to individuals in 2010. (http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_10.htm&pid=pdko_sub&sid=ITM_60627). (in Russian).

The Central Bank of the Russian Federation (2011). Information about the risks of lending to individuals in 2011. (http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_11.htm&pid=pdko_sub&sid=ITM_60627). (in Russian).

The Central Bank of the Russian Federation (2012). Information about the risks of lending to individuals in 2012. (http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_12.htm). (in Russian).

The Central Bank of the Russian Federation (2013a). Information about the risks of lending to individuals in 2013. (http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_13.htm&pid=pdko&sid=ITM_60627). (in Russian).

The Central Bank of the Russian Federation (2013b). Review of the Banking Sector of the Russian Federation. Analytical Data. *Banking Supervision Department of the Central Bank of the Russian Federation*. No. 134. (http://www.cbr.ru/eng/analytics/bank_system/obs_eng_1312.pdf?pid=bnksyst&sid=ITM_39161). (in Russian).

Shafirov L. A. (2013a). Improving the social efficiency of lending to individuals as sustainable development imperative. *Journal of Economic Regulation*, vol. 4, no. 1,

pp. 124–134. (<http://hjournal.ru/journals/jer4.1.pdf>). (in Russian).

Shafirov L. A. (2013b). The concept of assessing the availability of capacity for sustainable lending to households living in Russian monotowns (purpose-loans to households to improve their housing conditions case). *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 3, part 3. (in Russian).

Shafirov L. A. (2013c). The lending to individuals as a factor for sustainable development of the depressed mono-towns (research concept and working hypotheses). *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 3, part 2. (in Russian).

Shafirov L. A. (2013d). The role of local authorities in the lending to individuals strategy realization for regional entrepreneurial community. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 4. (in Russian).

Shafirov L. A. (2013e). Contemporary boom of Russia consumer lending: improving the efficiency of social lending as a measure of countercyclical regulation. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 1, part 2, pp. 34–42. (<http://sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11.1.2.pdf>). (in Russian).

Bush P. D. (1987). The Theory of Institutional Change. *Journal of Economic Issues*, vol. XXI, no. 3, pp. 1075–1116.

Hodgson G. M. (2003). The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 27.

ОДНОРОДНОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КРИВАЯ СПРОСА?

ОРЕХОВСКИЙ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

заведующий кафедрой экономики и управления,
доктор экономических наук, профессор,
Международная академия современного знания,
e-mail: orekhovskypa@mail.ru

Функции спроса и соответствующий анализ зависимостей между спросом и ценой – важнейшая часть современного мейнстрима. Их существование обычно не подвергается сомнению. Однако в их основе лежит предпосылка наличия однородности потребительских предпочтений. Именно однородность (и монотонность) позволяет изображать эти функции с помощью кривых или прямых с отрицательным наклоном. Но насколько реалистична посылка однородности? Существует ли – и если существует, то для каких благ – функциональная зависимость между изменениями цены и объёмом спроса на товар? В работе рассматривается действие закона спроса сначала применительно к частным, а потом – к квазиобщественным (смешанным) благам.

Ключевые слова: однородность потребительских предпочтений; функция спроса; частные блага; общественные блага; антиблага.

UNIFORMITY OF CONSUMER PREFERENCES: THERE IS A DEMAND CURVE?

OREHOVSKY PETR, A.,

Head of the Department "Economics and Management",
Doctor of Economics (DSc),
Professor,
International Academy of Modern Knowledge,
e-mail: orekhovskypa@mail.ru

Demand function and the corresponding analysis of the dependence between the demand and the price are the most important part of the modern mainstream. Their existence is usually not questioned. However, they are based on the premise of having uniformity in consumer preferences. That uniformity (and monotony) allows to represent these functions by means of curves or straight lines with a negative slope. But how realistic is the homogeneity premise? Is there - and if so, for what benefits - functional dependence between price changes and volume of demand for the goods? The law of demand realization in relation to private goods at first, and then - to quasi-public (mixed) goods is considered in the paper.

Keywords: homogeneity in consumer preferences; demand function; private goods; public goods; anti-goods.

JEL: D11, D82.

Существование функциональной зависимости между ценами и спросом – своеобразный «символ веры» российских «микроэкономистов». Отрицание наличия такой зависимости для многих рынков (что, в общем, имеет под собой давнюю

© Ореховский П. А., 2013

традицию, восходящую ещё к Т. Веблену), а заодно и обоснованное сомнение в полезности множества изопренных математических моделей равновесия, основанных на анализе эластичности кривой спроса, часто воспринимается «в штыхки».

Данный материал был сначала предложен для публикации в авторитетном отечественном журнале «Вопросы экономики». Однако первый рецензент не нашел в тексте ни актуальности, ни оригинальности, ни ясности изложения, ни какого-либо интереса для читателей. Отзыв второго рецензента почти совпал с отзывом первого (оригинальность и интерес для читателей были здесь оценены в 2 балла по 5-балльной шкале, у первого все оценки равнялись единице). Оба отзыва (анонимные) были любезно предоставлены мне редактором «Вопросов экономики» И. А. Болдыревым.

Любой журнал вправе осуществлять свою редакционную политику и выбирать тех рецензентов, которых посчитает нужным. Предъявлять претензии к редакции «Вопросов экономики» у меня нет оснований, тем более что в последние годы в этом издании у меня вышло в общей сложности шесть публикаций. Однако оценки и замечания анонимных рецензентов – по-видимому, микроэкономистов – оказались настолько удивительными, что я позволил себе привести часть из них в подстрочных замечаниях. Возможно, мой пример для кого-то покажется поучительным.

Статья написана «на стыке» ряда экономических дисциплин, включая институциональный анализ, и адресуется широкому читателю. Поэтому пояснения, несмотря на их «апелляцию к учебникам», видимо, будут не лишними.

1. ЗАКОН СПРОСА: ЧАСТНЫЕ БЛАГА

Кроме однородности, необходимой предпосылкой существования функций спроса является монотонность¹. Это более слабое условие по сравнению с однородностью, но оно позволяет получать «ломаные кривые спроса», эластичность которых резко меняется в определённых точках. Однородность при этом нарушается. С помощью таких функций моделируют спрос на товары (ресурсы), удовлетворяющие разнообразным потребностям. Хрестоматийным примером такой функции спроса является спрос на воду (для питья и приготовления пищи, личной гигиены, уборки помещений, нужд промышленности, потребностей сельского хозяйства и т.д.).

Собственно, математическое определение свойства однородности выглядит следующим образом:

$$f(a \cdot x) = a^\lambda \cdot f(x); \quad (1)$$

¹ Замечание второго рецензента: «Весь первый абзац состоит из некорректных утверждений. Во-первых, однородность не является предпосылкой существования спроса. Спрос происходит из задачи максимизации полезности потребителя при бюджетном ограничении, и однородность — это свойство маршалловского спроса, а не предпосылка. Это относится и к фразе в аннотации: «Однако в их основе лежит предпосылка наличия однородности потребительских предпочтений», - она некорректна».

Вообще говоря, под спросом понимается потребность человека в том или ином благе, выраженная в деньгах – такое определение восходит и к классикам, и к А. Маршаллу, выводить «спрос из задачи максимизации полезности» корректно только при определённых дополнительных оговорках, но дело не в этом. И в первом абзаце, и в аннотации работы идёт речь не о спросе как таковом, а о функции спроса, то есть наличии зависимости между ценой блага и объёмом покупок. Однородность или неоднородность, непрерывность или дискретность, монотонность или немонотонность – математические характеристики класса функций, с помощью которых описывается спрос. Можно назвать их свойствами, можно – предпосылками, так как исследователь, изображающий график спроса, должен предварительно сказать, почему он изображает этот график именно так, а не иначе. Обычное изображение спроса неявно исходит из монотонности функции, это настолько привычно, что даже специально не оговаривается.

Однородность потребительских предпочтений не означает их одинаковость. Это лишь означает, что потребители, делая свой выбор, руководствуются одинаковыми правилами. Последнее, собственно, и порождает функциональную зависимость между ценой и объёмом спроса.

² Замечание первого рецензента: «Странное представление об однородности функций спроса. На самом деле любая линейная функция спроса ($Q = -aP + b$, где $a, b > 0$) неоднородна, а ее эластичность меняется в самом широком диапазоне». По-видимому, этот рецензент имеет в виду так называемую точечную или дуговую эластичность функции спроса,

$$e_0 = \frac{(Q_1 - Q_0) \div Q_0}{(P_1 - P_0) \div P_0}; \quad e_1 = \frac{(Q_1 - Q_0) \div (Q_1 + Q_0)}{(P_1 - P_0) \div (P_1 + P_0)}$$

которые изображаются с помощью формул: соответственно. Естественно, что значение эластичности здесь будет меняться, причём при одинаковых приростах цены и спроса, в зависимости от начальных координат P_0 и Q_0 . Однако куда более распространённым определением эластичности является

$$e_2 = \frac{df(P)}{dP} \div \frac{f(P)}{P}; \quad \text{где } f(P) = Q$$

Именно этим понятием эластичности оперирует и А. Маршалл, и большинство современных учебников экономики, включая, например, П. Самуэльсона.

где λ – показатель степени однородности. Так, например, в случае постоянной «отдачи от масштаба» $\lambda=1$, в случае падающей отдачи $\lambda<1$, (причём может быть и $\lambda<0$), в случае возрастающей отдачи $\lambda>1$. Математическая характеристика монотонности – это функция, приращение которой не меняет знака, оно положительное или отрицательное³. Для функций спроса данные определения можно проиллюстрировать следующими графиками:

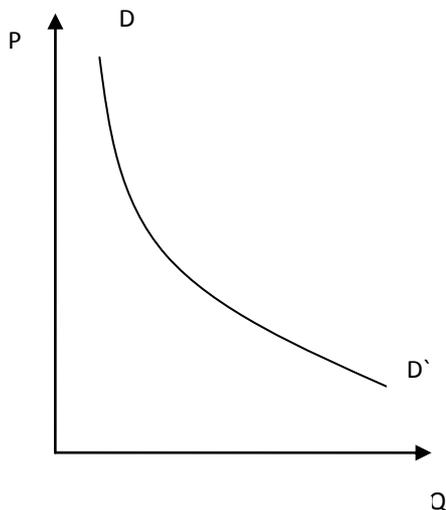

Рис. 1. Однородность, монотонность

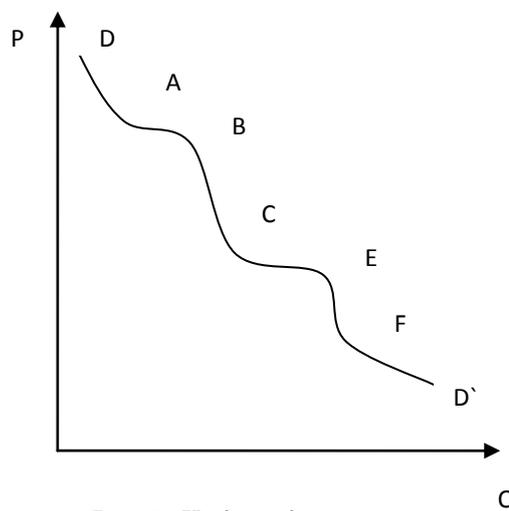

Рис. 2. Неоднородность, монотонность

DD' – кривые спроса. На первом рисунке – обычная кривая, на втором – ломаная. А, В, С, Е, F – точки перегиба при переходе к участкам кривой с различной эластичностью. Применительно к примеру с водой, которую потребители покупают для разных нужд, участки второй кривой спроса (D; А), (А; В), (С; Е), (Е; F), (F; D') интерпретируются как *разные* рынки. Их можно изображать отдельно, с помощью графиков, подобных приведённому на рис. 1.

В данном случае при переходе от одного рынка к другому меняется, в первую очередь, *эластичность* спроса. Выглядит логичным, что товары, удовлетворяющие одну потребность (один рынок), могут меняться на товары, удовлетворяющие другую потребность (другой рынок). То, в какой мере потребитель склонен заменять дополнительный прирост одного блага на другое, характеризуется с помощью «нормы замены». При условии, что полезность, получаемая потребителем от некоторого набора благ, остаётся постоянной, можно построить «кривую безразличия», характеризующую значение такой нормы замены⁴.

³ Замечания второго рецензента: «Во-вторых, монотонность тоже не является необходимой предпосылкой. Или имеются в виду именно кривые с отрицательным наклоном? Для случая антиблаг функции спроса вполне себе существуют. Достаточным условием существования функции спроса будет являться строгая выпуклость предпочтений. 3) Не понятно, как ломаные кривые спроса связаны именно с монотонностью? Они могут получаться и не для монотонных предпочтений. 4) Почему при кусочно заданной функции спроса будет теряться однородность? Для произвольной кусочной функции, конечно, однородность может потеряться, но для функции спроса, которая является решением задачи максимизации полезности, все должно быть неизменным». И т.д., все замечания по поводу рис. 1-2. Естественно, здесь речь идёт о кривых спроса с отрицательным наклоном. Антиблага рассматриваются в статье далее. Однако: 1) отличие антиблаг как раз и состоит в отсутствии функциональной зависимости между ценой и объёмом спроса. Например, что произойдёт при увеличении цены на спиртные напитки и табачные изделия на 5%? Спрос снизится? Увеличится? Останется неизменным? 2) ломаные кривые спроса являются монотонными, но не однородными. «Немонотонность» будет означать, что для одной и той же цены будет наблюдаться два (или более) значений объёма спроса, что нарушает функциональную зависимость. А вот как раз «строгая выпуклость» для существования функций спроса необязательна; 3) «кусочно заданная функция» является однородной только «по кусочкам», но тогда и нужно рассматривать их как отдельные сегменты рынка, на что и приводится прямое указание в статье.

⁴ Замечание первого рецензента: ««При условии, что полезность, получаемая потребителем от некоторого набора благ, остаётся постоянной, можно построить «кривую безразличия», характеризующую значение такой нормы замены». Смешаны кардиналистская и ординалистская теории полезности.

Кардиналистская теория, как известно, предполагает непосредственную возможность оценки количества полезности блага потребителем, ординалистская исходит из более слабого утверждения о возможности упорядочивания потребителем разных наборов благ, имеющих разную полезность. Трудно понять, как из утверждения о том, что полезность некоторого набора благ остаётся неизменной, можно сделать вывод о том, что здесь смешиваются представления о возможности и невозможности измерения полезности блага. Но рецензент делает такой вывод.

Приведённый ход рассуждений следует из неоклассической традиции анализа спроса и потребительских предпочтений. Следует специально оговориться, что данная традиция сама по себе не отрицает возможности появления неоднородности как потребительских предпочтений, так и товаров. Для существования *общей* кривой спроса достаточно допущения о монотонности. Последняя может рассматриваться как агрегированный спрос на то или иное благо, представляющий сумму спроса на *разных* рынках. Тем не менее в рамках *отдельного* рынка однородность товаров сохраняется. В этом отношении функции спроса на большинство (если не на все) виды товаров, от продовольствия и одежды до мобильных телефонов и автомобилей представляют собой своеобразные ломаные кривые, характеризующуюся разной эластичностью. Это позволяет *сегментировать* рынок, в свою очередь, лежит в основе такой экономической дисциплины, как *маркетинг*.

Следует также отметить, что свойство неоднородности товаров давно известно экономической теории. Как указывал ещё Ф. фон Хайек: «В общем-то представление об экономической системе, разделённой на различные рынки отдельных товаров, во многом есть плод воображения экономистов, и это, безусловно, не является правилом в обрабатывающей промышленности и сфере личных услуг, на которые так часто ссылались в спорах о конкуренции. В самом деле, вряд ли надо упоминать, что никакие изделия двух производителей не бывают в точности одинаковыми – хотя бы только потому, что, покинув завод, они должны оказаться в разных местах. Эти различия составляют часть фактов, создающих нашу экономическую проблему, и допущение, что они отсутствуют, не слишком помогает её решению» (Хайек, 2011. С. 118).

В то же время наличие неоднородности при сохранении условия монотонности не отменяет первого закона Г. Госсена об убывающей предельной полезности – при увеличении потребления блага одного и того же вида удовлетворение потребителя снижается. Если вслед за австрийской школой допустить, что цена товара представляет собой денежное выражение предельной полезности, то получим известную формулировку закона спроса: цена и объём спроса на товар варьируют в различных направлениях.

Часто убывающую предельную полезность связывают с наличием некоего «предела насыщения» потребностей, с чем связано построение «кривых Торнквиста». Если бы такая закономерность распространялась на все товары, то пришлось бы предположить, что для агрегированной макроэкономической кривой спроса тоже должен существовать предел насыщения, при котором дальнейший рост потребления достигался бы только за счёт прироста численности населения⁵.

Логика Г. Госсена, которая лежит в основе посылки как убывающей предельной полезности, так и закона спроса, можно представить в виде следующих графиков:

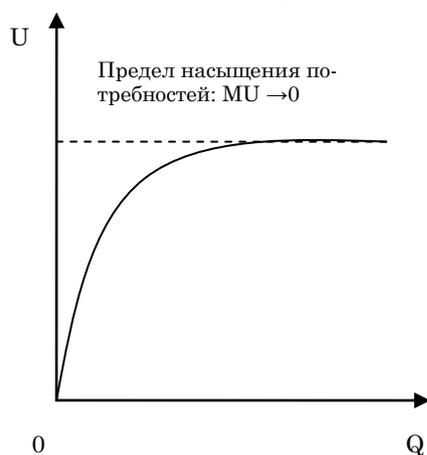

Рис. 3. Полезность и предел насыщения

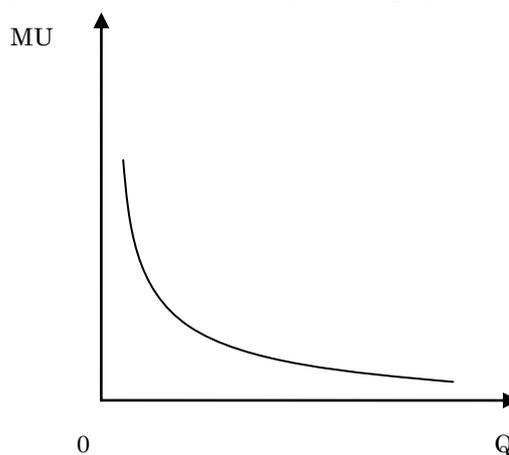

Рис. 4. Предельная полезность насыщения

⁵ Замечание первого рецензента: «Агрегированная макроэкономическая кривая спроса», да еще и с пределом насыщения».

Агрегированная макроэкономическая кривая спроса широко применяется в учебниках по макроэкономике, см., например, бывший когда-то популярным учебник: (Макконел и Брю, 1993. С. 176-177). На графике авторы изображают зависимость между уровнем цен и реальным объемом производства (AD).

Критика «предела насыщения» и связь этого понятия с существованием макроэкономического равновесия в долгосрочном периоде рассматривается в данной статье абзацем ниже.

Как уже говорилось выше, предельная полезность, выраженная в деньгах, и есть цена товара на рынке, а её убывание по мере роста потребления одного блага – иная формулировка закона спроса.

Предположение о возможности существования предела насыщения потребностей выглядит, конечно, экзотикой. Тем не менее в функции Солоу применяется подобная посылка применительно к отдаче производственных ресурсов, что, в свою очередь, позволяет достигнуть равновесия в долгосрочном периоде (когда предельная отдача капитала равняется норме выбытия⁶. В отношении же потребительских предпочтений необходимо рассмотреть другой фактор, также влияющий на спрос – доход. Функции спроса по доходу (кривые Энгеля) имели убывающий вид, но при росте дохода появлялись всё новые потребности. В эту картину не вписывались «товары Веблена» – блага, обладание которыми свидетельствует о высоком социальном статусе их владельца. Они рассматривались неоклассической теорией как существенное исключение из закона спроса – при росте цен на них спрос не снижается, более того, он может расти. В случае «товаров Веблена», таким образом, нарушается не только однородность, но и монотонность.

Характерно, что при росте дохода потребность в «товарах Веблена» увеличивается. Такую закономерность часто иллюстрируют с помощью «функций Торнквиста». Л. Торнквист предложил специальные виды функций для трех укрупненных групп товаров: первой необходимости (I), второй необходимости (II), предметов роскоши (III):

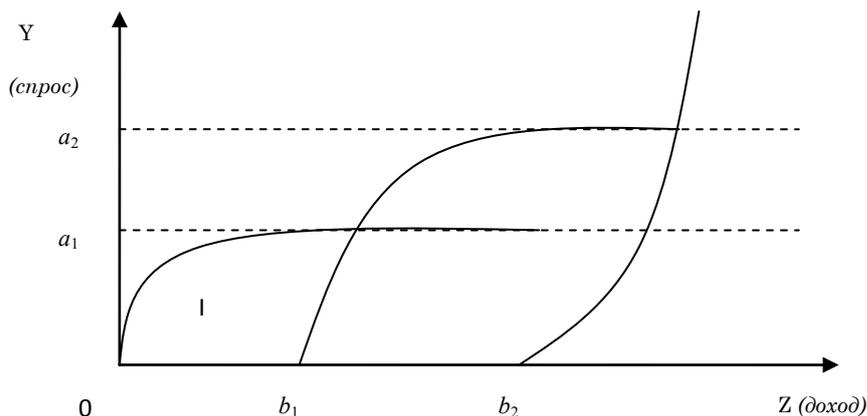

Рис. 5. Кривые Торнквиста

Функция спроса для предметов первой необходимости имеет вид:

$$y = \frac{a_1 \cdot z}{z + c_1} \quad (2)$$

Она отражает известное явление, описанное немецким статистиком Э. Энгелем, что рост спроса (потребления) на многие товары, удовлетворяющие самые насущные потребности, постепенно замедляется, (так что $d^2y/dz^2 < 0$) и имеет предел a_1 (т.е. кривая асимптотически приближается к линии a_1).

⁶ Замечание второго рецензента: «Нужно пояснить, что понимается под функцией Солоу. Модель роста Солоу? Все-таки там тоже нет насыщения. То, что предельная отдача капитала равняется норме выбытия – есть следствие равновесия. При изменении экзогенных параметров будут меняться и параметры равновесия. Функция Солоу является центральным уравнением модели роста Р. Солоу. Существенным свойством этой функции является посылка убывающей отдачи капитала (темп роста капиталовооруженности опережает темп роста производительности труда). В свою очередь, это напрямую связано с первым законом Госсена, который распространяется не только на полезность потребительских благ, но и производственных ресурсов (производительность ресурсов). Если в модель Солоу ввести посылку возрастающей отдачи капитала, то равновесие между выбытием и предельной отдачей не будет достигаться, а будет иметь место бесконечный ускоряющийся экономический рост. Ситуация «нарушения» посылки убывающей отдачи и роста производительности при снижении капиталовооруженности рассмотрена в весьма известной работе: (Нельсон и Уинтер, 2000).

Функция спроса на предметы второй необходимости имеет вид:

$$y = \frac{a_2 \cdot (z - b_1)}{z + c_2}; \quad z \geq b_1 \quad (3)$$

Эта функция тоже имеет предел (a_2), но более высокого уровня. Спрос на эту группу товаров появляется только после того, как доход достигает величины b_1 .

Наконец, функция спроса на предметы роскоши выражается формулой:

$$y = \frac{a_3 \cdot z(z - b_2)}{z + c_3}; \quad z \geq b_2 \quad (4)$$

Эта функция не имеет предела. Спрос возникает только после того, как доход превысит величину b_2 и далее быстро возрастает (так, что $d^2y/dz^2 > 0$). Величины a_i , b_i и c_i являются константами и находятся эмпирическим путем.

Предметы роскоши – товары Веблена. Спрос на них не описывается первым законом Госсена. Соответственно, применительно к кривым Торнквиста, возникает вопрос – не достигнут ли уже многими национальными экономиками уровень дохода b_2 , при котором *основной* спрос населения приходится на товары Веблена? Если – да, то в этом случае закон спроса теряет своё значение (*Бодрийар, 2003*).

Можно привести массу эмпирических примеров в пользу такого вывода. Скажем, обычно в качестве предмета первой необходимости рассматривают хлеб, причём сорта хлеба, выпеченные из ржаной муки, считались низшим сортом, белый, пшеничный хлеб – высшим. Однако – в связи с модой на диеты и заботой о фигуре – в настоящее время многие сорта ржаного хлеба оказываются дороже, чем белого. Повышение цены на него не приводит к сокращению спроса, и это теперь не «товар Гиффена» – ржаной хлеб занимает слишком малое удельное место в потребительской корзине населения стран с относительно высоким уровнем душевого дохода. Не означает ли это, что даже товары, которые удовлетворяют только первичные потребности населения, в современных развитых экономиках уже превратились в товары Веблена?

Попытки получить эмпирическую кривую спроса на какой-либо товар весьма затруднительны. Рост объёма предложения действует в сторону снижения цен, рост доходов населения, который обычно идёт параллельно росту объёма предложения – в сторону повышения, кроме того, на объём спроса и цены влияют и другие факторы. В результате микроэкономические упражнения по нахождению функций спроса чаще всего производятся студентами в рамках решения учебных примеров. В свою очередь, руководство фирм практически никогда не использует кривые спроса при выработке ценовой политики. Более того, руководство российских фирм в такой важной отрасли, как гражданское и жилищное строительство, убеждено в «положительной монотонности» кривой спроса. Строители, риэлторы, архитекторы уверены в том, что цены на недвижимость и жильё могут только расти. Пример японского пузыря 90-х гг. прошлого века, как и ипотечный кризис 2008 г., не принимается ими в расчёт. Собственно, как показал кризис – 2008, уверенность в том, что цены на жильё не могут снижаться, но только временно приостанавливают свой рост, характерна не только для российских участников рынка недвижимости.

Жильё часто рассматривают как предмет роскоши: наличие квартиры в городе сопровождается ростом спроса данного потребителя на загородную недвижимость, в том числе – «домики у моря», недвижимость за рубежом и т.д. При этом, как правило, игнорируется неоднородность рынка жилья: для того, чтобы сравнение было корректным, необходимо, чтобы потребитель, имеющий двухкомнатную квартиру в определённом районе, оценивал свою готовность купить ещё одну двухкомнатную квартиру в том же районе. В этом случае закон Госсена сохраняет своё значение: при прочих равных условиях потребитель вряд ли согласится на покупку такой квартиры по той же стоимости, по которой он оценивает уже имеющуюся у него квартиру. В свою очередь, неоднородность потребительских

предпочтений и наличие отдельных сегментов рынка с разной эластичностью спроса отнюдь не гарантирует наличия «положительной монотонности».

Тем не менее «хоронить» закон спроса в его неоклассической формулировке – рано. Существует большой сектор, в котором прежние закономерности полностью сохраняют своё значение. Это рынки полуфабрикатов, производственных компонентов. Несмотря на наличие неоднородности, здесь имеются свои «пределы насыщения», и никаких вебленовских эффектов не возникает. Видимо, закон спроса сохраняет своё значение и для многих рынков сырья, и для каких-то рынков производственного оборудования, а также таких услуг, как инжиниринг⁷.

Характер спроса на предметы роскоши, подчёркивающие статус владельца, во многом совпадает со спецификой спроса на товары, которые в экономической теории проходят под рубрикой «антиблага». Спрос на наркотики, сексуальные услуги, спиртные напитки, табачные изделия и другие аналогичные товары, наносящие вред моральному и физическому здоровью потребителя, не уменьшается при увеличении цены. Однако, в отличие от Библии, экономисты, как ни странно, не относят зависть, порождаемое ею завистливое сравнение и понятие роскоши, к человеческим порокам. Поэтому любитель спиртного или курильщик должны в России платить акцизные налоги за свои пороки, а любители доминантного поведения, выражающегося, по Веблену, в демонстративном потреблении и расточительстве (*Веблен, 1984*) – нет. Налог на роскошь многим экономистам представляется вредной и бессмысленной новацией.

Видимо, учитывая спекуляции вокруг указанного выше налога, следует дополнительно оговориться о различии между «роскошью» и «комфортом». Повышение уровня жизни, связанное с потреблением более качественных товаров и услуг, увеличивает комфорт, это, если применить статистическую метафору, «абсолютное» понятие. Роскошь растёт вместе с увеличением социальной дифференциации, это понятие «относительное», она связана с потреблением статусных товаров и услуг, недоступных большинству населения.

При обсуждении современной специфики потребления антиблаг, в отличие от предметов роскоши, часто используется понятие «мерь». Потребление некоторого количества антиблаг, меньшего по сравнению с «мерой», рассматривается как «полезное». Для роскоши понятие «мерь» внешне кажется неприменимым – чем выше объём статусного потребления, тем выше статус и, соответственно, «счастье» (если под последним понимать объём потребляемого завистливого сравнения) субъекта. В то же время, если согласиться с тем, что рост социальной дифференциации сверх определённых пределов является «злом», то основания для различения антиблаг и товаров роскоши, по-видимому, исчезают. И то, и другое «хорошо в меру».

В свою очередь, логика меры применима и в отношении «нормальных» товаров. Переедание или стремление к бесконечному приобретению предметов модной одежды также рассматривается как нарушение и порок, превращающее «нормальный товар» в «антиблаг». Более того, мера относится даже к такой специфической услуге, как работа, для обозначения нарушения которой в спросе и потреблении которой применяется выражение «трудоголизм».

Подведём итог сказанному.

Большинство рынков частных благ неоднородны, что позволяет рассматривать их как сегментированные, или, что то же самое, как отдельные рынки, удовлетворяющие потребность в товарах (ресурсах), которые могут использоваться для разных целей. Ввиду того, что эластичность спроса на этих отдельных рынках – разная, продавцы таких товаров могут устанавливать на один и тот же товар разные цены, изымая «излишек потребителя». Такая ситуация характеризуется Дж. Робинсон как ценовая дискриминация третьей степени (*Робинсон, 1986*). Э. Чемберлин, в свою очередь, вводит для описания таких рынков

⁷ На это важное обстоятельство, сохраняющее значение закона спроса в его прежней формулировке, указал мне О. И. Ананьин на обсуждении данного материала в Институте экономики РАН 27.06.2013, за что выражаю ему свою признательность.

понятие дифференциации товаров и монополистической конкуренции (*Чемберлин, 1996*).

Неоднородность потребительских предпочтений может сопровождаться монотонностью, в этом случае сохраняется значение закона спроса, а сегментация рынков позволяет получить кривые спроса с разной эластичностью, что имеет существенное теоретическое и практическое значение. Однако при росте дохода всё большее количество товаров и услуг превращаются в «товары Веблена», а потребление призвано подчёркивать статус владельцев. В этом случае кривая спроса становится не только неоднородной, но и немонотонной. Собственно, функция спроса перестаёт быть функцией – один и тот же объём спроса может наблюдаться при существенно отличающихся друг от друга ценах. В этом случае построение кривой спроса становится невозможным (да и не нужным).

С увеличением дохода начинает размываться граница между «благами» и «антиблагами». «Общество изобилия» осуществляет «сверхпотребление», результатом которого является превращение большинства товаров в «антиблага», потребление которых сродни потреблению предметов роскоши. Эта ситуация также не может быть описана с помощью первого закона Госсена или функций спроса.

Тем не менее, для того чтобы производитель мог использовать разную эластичность спроса, возникающую как результат неоднородности потребителей, для увеличения собственного дохода, он должен *знать* объёмы спроса и цены в разных сегментах рынка. Это ставит вопрос о характере потребительских предпочтений в отношении такого квазиобщественного блага, как информация, а заодно и других аналогичных благ.

ЗАКОН СПРОСА: КВАЗИОБЩЕСТВЕННЫЕ (СМЕШАННЫЕ) БЛАГА

Обычно к признакам общественных благ относят неделимость и передаваемость, частных – делимость и непередаваемость (*Макконнел и Брю, 1993. С. 99*)⁸. Информация является квазиобщественным (смешанным) благом в силу того, что она делима и передаваема. Именно эта её особенность, собственно, лежит в открытой Дж. Акерлофом асимметрии информации (*Акерлоф, 1994. С. 91-104*). Интерпретировать последнюю можно следующим образом:

если бы данные о качестве автомобилей, которыми обладают продавцы, были бы передаваемы и неделимы, то, заплатив определённую плату за доступ к такой общей базе данных, покупатель получил бы полную и достоверную информацию;

если бы данные о качестве автомобилей были бы делимы, но непередаваемы, то такие данные просто включались бы в цену автомобиля, которая, таким образом, полностью отражала бы его качество. Продавцу не было бы смысла оставлять часть информации у себя, «про запас», так как, с одной стороны, после продажи актива (автомобиля), такой запас оказывается полностью неликвиден, его невозможно продать, с другой стороны, поскольку в этом случае информация оказывается *счётной*, и покупатель *знает* её общее количество (как в случае с любым частным благом – цена устанавливается за какое-то количество товара), в этом случае отсутствие части данных будет расцениваться как фактор, существенно снижающий стоимость автомобиля.

И в первом – если бы информация была общественным благом, и во втором случае – если бы она была благом частным, рынок «лимонов» разрушается. Однако информация – своего рода «смешанное» благо, которое может производиться и с помощью рыночного, децентрализованного механизма, и с помощью финансирования государства. Поэтому многочисленные «асимметрии» неизбежны. Вследствие этого возникает и разный доступ к разным сегментам рынка, что приводит к разнице в ценах и неравному обмену. Как отмечает Дж. Стиглиц,

⁸ В свете замечаний рецензентов стоит оговориться, что непередаваемость является синонимом принципа исключения. См., например: «Рассмотрим свойства товаров индивидуального потребления... Эти товары делимы, то есть они выступают в виде достаточно малых единиц, чтобы они были доступны индивидуальным покупателям. Кроме того, товары индивидуального потребления подвержены действию принципа исключения, который гласит, что те, кто желает и в состоянии платить равновесную цену, получают продукт, а те, кто не в состоянии или не желает платить эту цену, исключаются из числа получателей выгод, обеспечиваемым данным продуктом».

поскольку рыночные агенты обладают разным количеством информации, постольку общее равновесие не достигается (*Стиглиц, 2011. С. 290-298*)⁹.

Однако этим особенности информации не исчерпываются. К свойствам информации относятся: (1) актуальность (своевременность); (2) достоверность; (3) полнота. Именно эти характеристики свидетельствуют о качестве данных. Но эти свойства ничего не говорят о *содержании* информации. Последнее же может, в свою очередь, расцениваться не только как благо, но и как антиблаго¹⁰, если говорить о душевном здоровье потребителя. Кроме того, если говорить о содержании информации, то определённая её часть может расцениваться как «чисто» общественное благо¹¹, и в силу этого она должна производиться государством (справочники, энциклопедии, карты и т.д.).

Но часть необходимой обществу информации содержит и реклама, которая производится частным образом. Одновременно такая реклама может содержать психологические приёмы обработки потребителей, которые применяются для увеличения объемов продаж. В свою очередь, и государство, публикуя необходимые обществу данные, одновременно может применять пропаганду тех или иных идей, которые могут наносить вред отдельным социальным группам.

Разделить «полезную» и «вредную» информацию на практике невозможно. На схеме же рынок информации можно представить следующим образом (*Авдеева, 2007*):

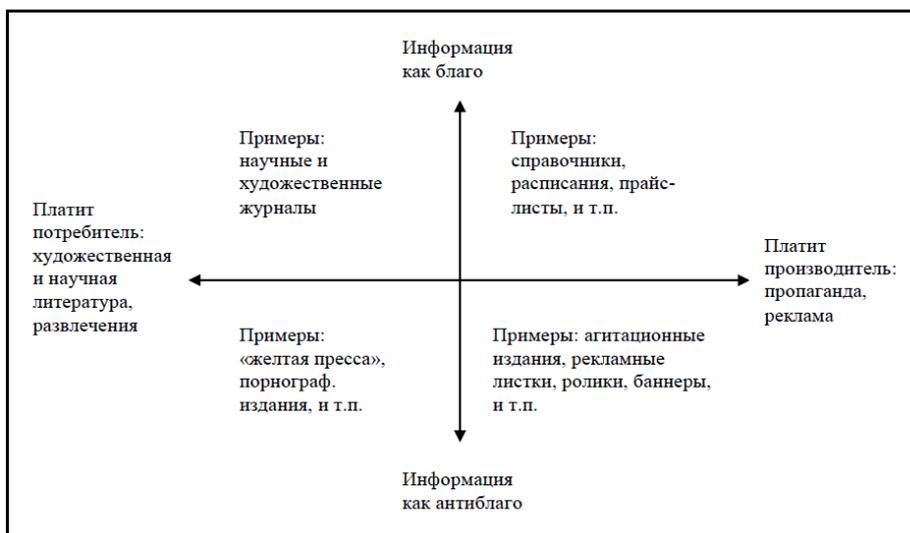

Рис. 6. Сегменты рынка информации

Как уже говорилось, разделить свойства информации как блага и антиблага невозможно. Это приводит к тому, что информация тоже является своеобразным «товаром Веблена», между спросом на данные и их ценой нет функциональной

⁹ «В нашей работе мы... показали, что даже небольшое несовершенство информации (особенно наличие информационных асимметрий, то есть ситуаций, когда один человек знает какую-то полезную информацию, а другие нет) резко меняло характер рыночного равновесия...».

Замечание второго рецензента: «Из цитаты Стиглица не следует, что равновесие не будет достигаться, просто меняются его характеристики».

Это верно. Однако традиционно под *общим* равновесием понимается «расчистка рынков» и отсутствие хронических дефицитов или избытков товаров, в частности, избытка такого товара, как рабочая сила; другими словами, отсутствие «вынужденной безработицы» по Кейнсу. В противном случае *любое* состояние рыночной системы можно назвать «равновесием с изменёнными характеристиками».

¹⁰ Опять-таки на это обстоятельство было указано О. И. Ананьиным при обсуждении диссертационного исследования моей аспирантки О.А. Авдеевой много лет назад. Несколько запоздало, но пользуюсь случаем ещё раз выразить ему свою благодарность.

¹¹ Замечание первого рецензента: «Справочники, энциклопедии, карты и т.д. – чисто общественные блага».

По-видимому, имеется в виду то обстоятельство, что, поскольку данные блага реализуются на рынке и могут потребляться в частном порядке, постольку данные блага являются частными, а не общественными. Но из контекста работы следует, что (а) информация является смешанным благом; (б) определение «чисто» общественные означает лишь то, что справочники, энциклопедии, карты и т.д. *не являются антиблагами*. При условии соблюдения стандартов качества информации, содержащейся в них, конечно.

зависимости. Единственная закономерность, которая здесь наблюдается – при росте дохода как отдельного потребителя, так и общества в целом спрос на информацию (и знания) увеличивается (Друкер, 2001).

Однако существует ли функция спроса и на другие общественные блага, такие, как образование, здравоохранение? Последние относят к общественным в силу их социальной значимости и больших положительных внешних эффектов, однако они также могут производиться (и частично производятся) в частном порядке, с помощью рыночного механизма, являясь смешанными благами. В силу допущения об однородности потребительских предпочтений неоклассическая традиция экономического анализа предполагает «горизонтальное суммирование» индивидуальных кривых спроса для частных благ и «вертикальное суммирование» для благ общественных:

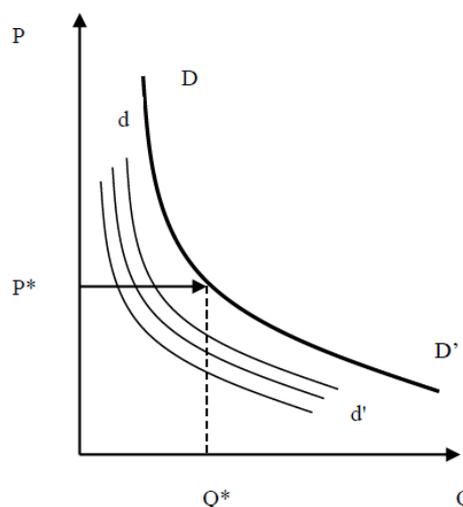

Рис. 7. Отраслевой спрос на частное благо

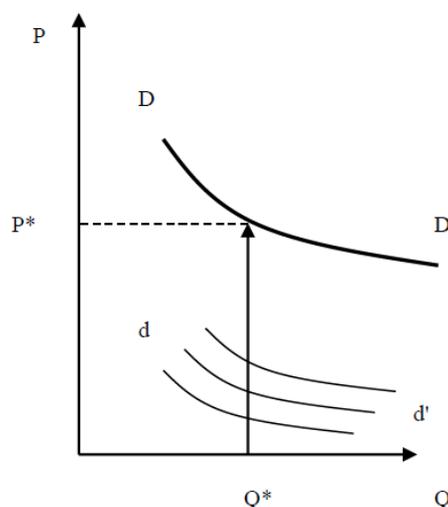

Рис. 8. Отраслевой спрос на общественное благо

Однако и образование, и здравоохранение представляют собой неоднородные рынки. На потребительские предпочтения здесь существенное влияние оказывает престиж учебного заведения, клиники или фитнес-центра. При этом качество и объём оказываемых образовательных, лечебных или оздоровительных услуг здесь никак не связаны с ценой. Как и в случае с информацией, спрос на данные блага растёт с ростом дохода. При этом часть сферы высшего образования, связанной с присвоением учёных степеней членам общества, не имеющих никакого отношения к занятиям научной или педагогической деятельностью, выпуск специалистов, которые не будут работать в будущем по избранной специальности или навязывание лекарств и медицинских услуг людям, не нуждающимся в лечении – всё это является производством антиблаг¹². Разделить эти рынки невозможно.

Плата за производство общественных благ осуществляется через налоги и сборы, что порождает известную «проблему безбилетника». Само наличие этой проблемы означает, что потребительские предпочтения в отношении общественных

¹² Замечание второго рецензента: «Не очень понятно, почему речь идет об антиблагах – научные степени у чиновников – это скорее отрицательная экстерналиа. Для них это благо. Также не очень понятен тут тезис о том, что разделить эти рынки невозможно. Нужно пояснить, что имеется в виду».

Справедливо. Получение отечественных и иностранных (Ph.D) степеней людьми, не имеющими отношения к созданию и передаче знаний, на мой взгляд, способствует росту объёма завистливого сравнения. Это, несомненно, вредит душевному здоровью указанных субъектов, которые получают возможность для интеллектуального доминирования в социальном пространстве. См., например, Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть. В кн. (Бурдые, 1994. С. 202-203). Стоит отметить, что угроза лишения таких людей данных степеней является ещё более разрушительной для их психического состояния.

Разделить эти рынки невозможно, поскольку, как указывает Бурдые, всегда присутствует желание конвертировать часть политического или денежного капитала в символический, и наоборот – символического в политический и денежный. Простейшим примером, иллюстрирующим данную невозможность, является псевдонаивный вопрос сказочного героя Буратино: «Если вы такие умные, то где же ваши денежки?».

благ неоднородны. Если согласиться с тем, что природа общественных благ аналогична «предметам роскоши», то получается, что при некоторых дополнительных условиях относительно характера производства, определяющих поведение кривой предложения, спрос на них невозможно удовлетворить. На рынке смешанных благ всегда будет присутствовать определённый дефицит, позволяющий частным производителям получать ренту.

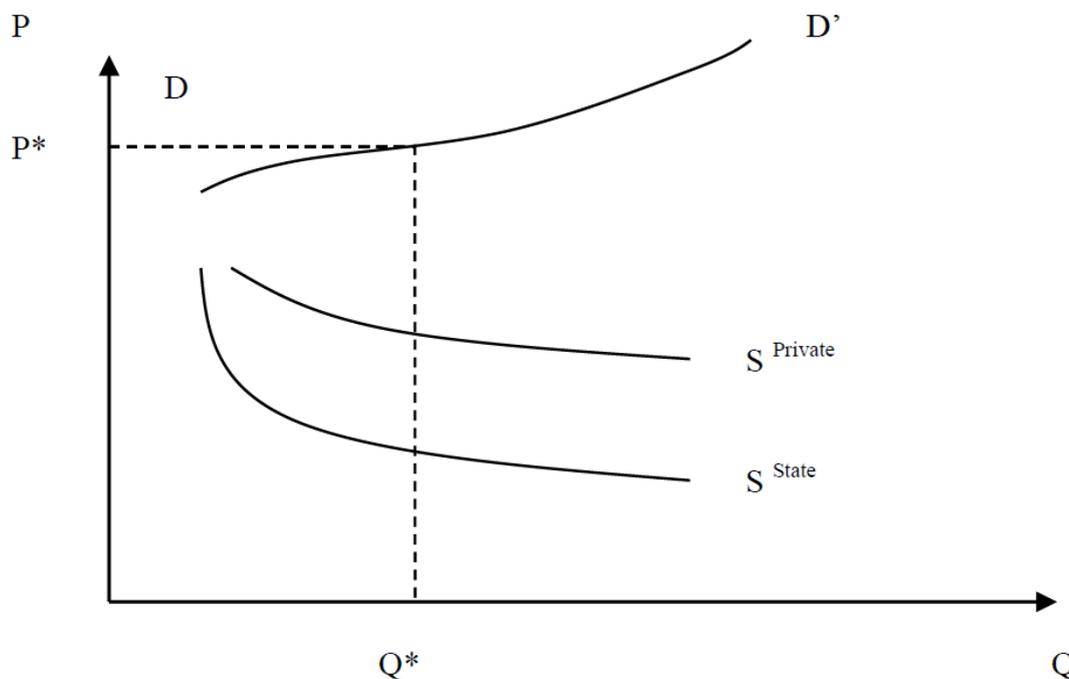

Рис. 9. Дефицит на рынке смешанных общественных благ

Убывающий характер кривых предложения общественных благ связан с эффектом масштаба. Напротив, возрастающая кривая спроса (если допустить, что между ценой общественных благ и объёмом спроса вообще существует какая-либо функциональная зависимость) связан с характером спроса на «предметы роскоши» (имеет место *растущая предельная полезность*, подчёркивающая рост статуса обладателя такого блага). Эмпирическая цена P^* и объём потребления Q^* будут устанавливаться в каждой национальной экономике под влиянием внешних по отношению к рынку, институциональных условий.

Дефицит общественных благ, равный разности между кривой спроса и кривой предложения благ, производимых государственным сектором, будет удовлетворяться с помощью рыночного механизма. При этом, поскольку, как и в случае информации, невозможно разделить «блага» и «антиблага», постольку при отсутствии экзогенных факторов будет наблюдаться увеличение спроса и предложения именно «антиблаг». Механизм вытеснения качественных благ — абсолютно тот же, что и на «рынке лимонов». Так, если у общества нет механизма различения кандидатов и докторов наук — губернаторов, бизнесменов и парламентариев от действующих учёных, то удельный вес последних в численности индивидуумов со степенями будет становиться всё меньше.

При неоднородности рынка общественных благ в экономиках, достигших высокого уровня дохода, спрос на услуги врачей, полицейских, судей, юристов, преподавателей будет ограничиваться количеством населения и располагаемым доходом домохозяйств. Естественно предположить, что такая ситуация в «постиндустриальном обществе» приведёт к конкурентной борьбе за спрос, предъявляемый населением относительно бедных стран. Услуги образования, здравоохранения, судебной системы, а также средств массовой информации

становятся «торгуемыми», поставляемыми на экспорт. Это ставит под сомнение само понятие «общественного сектора» как сектора, существующего в рамках национальной экономики для производства товаров и услуг, обладающих высокими положительными внешними эффектами (полная передача производства таких благ в частный сектор приводит к появлению ситуации «фиаско рынка»).

Подведём итог.

1. Потребительские предпочтения в отношении смешанных общественных благ неоднородны. При этом, без применения специальных дополнительных процедур тестирования на рынке таких благ невозможно отделить качественные, «нормальные» блага, способствующие росту благосостояния и душевного здоровья как отдельного потребителя, так и социума в целом, от «антиблаг».
2. По мере роста дохода спрос на общественные блага увеличивается, что делает характер их потребления сходным с «предметами роскоши». Поскольку государственное обеспечение такими благами, как социальная помощь, образование, здравоохранение, делает их «бесплатными» для индивидуального потребителя, возникает дефицит таких благ.
3. Указанный дефицит по крайней мере отчасти покрывается за счёт децентрализованного производства и рыночного предложения общественных благ¹³. Одновременно опережающими темпами растёт и предложение «антиблаг».
4. Между спросом и предложением общественных благ в экономиках относительно богатых стран нет равновесия. Спрос на общественные блага как на «предметы роскоши» порождает определённый дефицит, расширение их производства вызывает избыток. Дефицит и избыток наблюдаются *одновременно* при одной и той же «цене предложения», что связано со структурными факторами, порождаемыми неоднородностью рынка общественных благ. В связи с этим услуги общественного сектора таких стран начинают поставяться на экспорт, что в свою очередь порождает проблему характера производства благ в таком секторе.

* * *

В условиях неоднородности потребительских предпочтений и перехода всё большего количества товаров и услуг в разряд «предметов роскоши» возникают большие сомнения в существовании функциональной зависимости между ценой и объемом спроса. Такая зависимость не наблюдается ни на рынках частных, ни на рынках общественных (смешанных) благ.

Отсутствие однородности делает затруднительным агрегирование индивидуальных кривых спроса и получение общих функций спроса для отраслевых рынков. В случае принятия гипотезы о существовании монотонности этих функций становится полезным выделение сегментов данных рынков с разной эластичностью спроса по цене. Однако для многих рынков даже это является проблематичным в связи с нарушением монотонности и появлением эффектов Веблена (статусного потребления).

Отсутствие однородности приводит к появлению парадоксального одновременного существования дефицита и избытка в рамках одного и того же отраслевого рынка. Такая ситуация несовместима с представлениями о равновесии по Вальрасу – Маршаллу и требует введения дополнительных институциональных факторов для объяснения формирования цен.

В этих условиях возникают большие сомнения в наличии непротиворечивых микроэкономических оснований макроэкономической теории. Однако такой анализ выходит за рамки данной работы.

¹³ Замечание первого рецензента: ««рыночное предложение общественных благ»... (и так далее)».

Естественно, речь идёт о рыночном предложении общественных смешанных благ, которые могут производиться как в государственном, так и в частном секторе, на что неоднократно указывалось в работе. Однако данный рецензент предпочитает этого не замечать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеева О. А.* (2007). Механизм функционирования рынка СМИ России и зарубежных стран: сравнительный анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук: 08.00.01. М.: РУДН.
- Акерлоф Дж.* (1994). Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм. *THESIS*, Вып. 5, с. 91-104.
- Бодрийар Ж. К.* (2003). К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга.
- Бурдые П.* (1994). Начала. М.: Socio-Logos.
- Веблен Т.* (1984). Теория праздного класса. М.: Прогресс.
- Друкер П.* (2001). Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Вильямс.
- Макконнел К. Р. и Брю С. Л.* (1993). Экономика: Принципы, проблемы и политика. М.: Республика.
- Нельсон Р. и Уинтер С.* (2000). Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ.
- Робинсон Дж.* (1986). Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс.
- Стиглиц Дж.* (2011). Крутое пики: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, с. 290-298.
- Хайек Ф. А.* (2011). Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум.
- Чемберлин Э.* (1996). Теория монополистической конкуренции. Реориентация теории стоимости. М.: Экономика.

REFERENCES

- Avdeeva O. A.* (2007). The functioning mechanism of the media market in Russia and abroad: a comparative analysis. Abstract Diss.: 08.00.01. M.: People's Friendship University of Russia. (in Russian).
- Akerlof G.* (1994). The market for lemons: quality uncertainty and the market mechanism. *THESIS*, vol. 5, pp. 91-104. (in Russian).
- Baudrillard J. K.* (2003). Critique of the political economy of the sign. M.: Biblion -Russian book. (in Russian).
- Bourdieu P.* (1994). Beginning. M.: Socio-Logos. (in Russian).
- Veblen T.* (1984). Theory of the leisure class. M.: Progress. (in Russian).
- Drucker P.* (2001). Management tasks in the XXI century. M.: Williams. (in Russian).
- McConnell K. R. and Brue S. L.* (1993). Economics: Principles, problems and policies. M.: Republic. (in Russian).
- Nelson R. and Winter S.* (2000). Evolutionary theory of economic change. M. Finstatinform. (in Russian).
- Robinson J.* (1986). Economic theory of imperfect competition. M.: Progress. (in Russian).
- Stiglitz J.* (2011). Steep dive: America and the new economic order after the global crisis. M.: Eksmo, pp. 290-298. (in Russian).
- Hayek F. A.* (2011). Individualism and economic order. Chelyabinsk: Society. (in Russian).
- Chamberlin E.* (1996). The Theory of monopolistic competition: a re-orientation of the theory of value. M.: The Economy. (in Russian).

НОВЫЙ МИРОВОЙ ВАЛЮТНЫЙ СТАНДАРТ: ПОИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

АРХИПОВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ,

заведующий кафедрой мировой экономики и международных отношений,
доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: arhipov@sfedu.ru

ИШХАНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук,
профессор кафедры мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет,
e-mail: aviavi@mail.ru

ЛИНКЕВИЧ ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет,
e-mail: alins@list.ru

В статье анализируются проблемы Ямайской валютной системы, исследуются возможные пути ее реформирования. Оценивается состояние экономик стран-эмитентов ведущих мировых валют. Проводится анализ влияния существующей мировой валютной системы на международные финансовые отношения. Анализируется опыт внедрения стандарта Специальных прав заимствований (SDR). Рассматривается возможность создания новой международной структуры, действующей параллельно с МВФ, и введение в обращение наднациональной валюты.

Ключевые слова: мировая валютная система; мировая валюта; финансовый кризис; международный валютный центр; валютное регулирование.

NEW WORLD EXCHANGE STANDARD: SEARCHES AND PROSPECTS

ARKHIPOV ALEXEI, Y.,

Head of the Department "World Economy and International Relations",
Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University,
e-mail: arhipov@sfedu.ru

ISHKHANOV ALEKSANDR, V.,

Doctor of Economics (DSc),
Professor of the Department "World Economy and Management",
Kuban State University,
e-mail: aviavi@mail.ru

LINKEVICH ELENA, F.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department "World Economy and Management",
Kuban State University,
e-mail: alins@list.ru

The authors analyze challenges of Jamaican currency system, explore reasonable ways of reforming. The state of the economies of the countries issuing major currencies and the impact of the current global monetary system on the international financial relations are investigated in the paper. The experience of implementing the standard of special drawing rights (SDR) is analyzed. The possibility of creating a new international structure acting in parallel with the IMF, and the issuance of a supranational currency is considered.

Keywords: world monetary system; global currency; financial crisis; foreign currency center; exchange control.

JEL: F31, F33.

В условиях современного глобального экономического кризиса тема реформирования мировой валютной системы становится особенно актуальной. Нестабильность валютно-финансовой сферы способствует перераспределению кризисных явлений из одной национальной экономики в другую, поэтому данную проблему нельзя недооценивать. Практика показывает, что использование в качестве мирового расчетного средства национальной валюты может привести к зависимости международного денежного обращения от монетарной политики и общего состояния экономики отдельного государства. Так, неустойчивость финансового сектора США послужила основной причиной мирового экономического кризиса. Для стабилизации мирового денежного обращения необходимо снижение роли доллара США как мирового расчетного и резервного средства.

Учеными разных экономических школ и направлений обсуждаются наиболее вероятные пути реорганизации мировой валютной системы, в т.ч. формирование двухвалютной системы, основанной на стандарте доллара США и евро; образование мультивалютной системы на базе национальных денежных единиц, наиболее востребованных мировым сообществом в качестве средств платежа и резервирования; расширение использования СДР до мировой валюты; введение многотоварного стандарта; внедрение новой единой наднациональной денежной единицы.

Безусловно, доллар США и евро в среднесрочной перспективе останутся ведущими международными валютами. Самой значительной в мире на протяжении долгих лет остается экономика США. Судя по данным табл. 1, доля США в мировом ВВП является самой высокой, несмотря на ее сокращение с 2003 по 2012 гг. с 29,6% до 22,1%. По объему экспорта товаров и услуг США долгое время оставались мировым лидером, однако с 2011 г. уступили первое место Китаю. Темпы роста инфляции в США с 2003 по 2012 гг. не превышали 3,8% (см. табл. 2). Таким образом, согласно критериям, определяющим международный статус национальной денежной единицы, в настоящее время доллар США продолжает оставаться валютой, наиболее пригодной для использования в международных расчетах.

Таблица 1

Сопоставление объема ВВП и экспорта товаров и услуг национальных экономик стран-эмитентов международных валют и Китая

Показатели	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
США										
ВВП, млрд. \$	11089	11812	12580	13336	13995	14297	14048	14587	14991	15865
Доля в мировом ВВП, %	29,6	28,0	27,6	26,9	25,1	23,3	24,2	23,1	21,3	22,1
Экспорт, млрд. \$	1041	1180	1305	1471	1662	1847	1583	1840	2094	2167
Доля в мировом экспорте, %	9,6	8,8	8,6	8,5	8,2	8,0	8,4	8,4	9,3	9,2

Продолжение табл. 1

Показатели	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Еврозона										
ВВП, млрд. \$	8425	9648	10008	12965	12233	13423	12395	12128	13091	12210
Доля в мировом ВВП, %	22,5	22,8	21,9	26,2	22,2	21,9	21,4	19,2	18,6	17,1
Экспорт, млрд. \$ *	2813	3243	3488	3913	5034	5591	4534	4918	5706	5776
Доля в мировом экспорте, %	32,0	32,2	30,3	29,3	29,9	28,7	28,8	26,3	25,5	25,3
Китай										
ВВП, млрд. \$	1641	1937	2257	2713	3494	4522	4991	5927	7322	8227
Доля в мировом ВВП, %	4,4	4,6	4,9	5,5	6,3	7,4	8,6	9,4	10,4	11,5
Экспорт, млрд. \$	438	593	762	969	1220	1431	1202	1578	2296	2339
Доля в мировом экспорте, %	5,8	6,4	7,3	8,0	8,7	8,9	9,6	10,4	10,3	10,3
Великобритания										
ВВП, млрд. \$	1860	2201	2280	2445	2813	2636	2171	2262	2445	2435
Доля в мировом ВВП, %	5,0	5,2	5,0	4,9	5,0	4,3	3,7	3,6	3,5	3,4
Экспорт, млрд. \$	479	561	619	714	760	790	630	689	794	772
Доля в мировом экспорте, %	5,0	4,8	4,7	4,7	4,2	4,0	4,0	3,6	3,5	3,4
Япония										
ВВП, млрд. \$	4229	4606	4552	4363	4378	4880	5033	5459	5897	5960
Доля в мировом ВВП, %	11,3	10,9	10,0	8,8	7,8	8,0	8,7	8,6	8,4	8,3
Экспорт, млрд. \$	511	615	654	705	773	859	639	833	893	941
Доля в мировом экспорте, %	5,1	5,4	5,0	4,7	4,4	4,3	4,1	4,4	4,0	4,1
Швейцария										
ВВП, млрд. \$	325	363	373	391	434	503	493	529	659	632
Доля в мировом ВВП, %	0,9	0,9	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,9	0,9
Экспорт, млрд. \$	144	169	183	206	245	284	257	285	338	346
Доля в мировом экспорте, %	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,5	1,3
Австралия										
ВВП, млрд. \$	468	615	696	750	857	1062	924	1132	1384	1521
Доля в мировом ВВП, %	1,3	1,5	1,5	1,5	1,5	1,7	1,6	1,8	2,0	2,1
Экспорт, млрд. \$	70	87	106	123	141	187	154	213		
Доля в мировом экспорте, %	0,9	0,9	1,0	1,0	1,0	1,1	1,3	1,2	1,3	1,4
Канада										
ВВП, млрд. \$	866	992	1134	1279	1424	1503	1338	1577	1778	1821
Доля в мировом ВВП, %	2,3	2,3	2,5	2,6	2,6	2,5	2,3	2,5	2,5	2,5
Экспорт, млрд. \$	330	381	429	462	498	528	384	464	541	546
Доля в мировом экспорте, %	3,5	3,3	3,3	3,1	2,9	2,8	2,5	2,5	2,4	2,4

Примечание: Экспорт еврозоны рассчитан с учетом экспорта между странами ЕС

Источники: World Bank: (<http://data.worldbank.org>); World Trade Organization. (<http://stat.wto.org/>).

Таблица 2

**Темпы роста инфляции в национальных экономиках стран-эмитентов
международных валют и Китая, %**

Страны	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Китай	1,2	3,9	1,8	1,5	4,8	5,0	-0,7	3,3	5,4	2,7
США	2,3	2,7	3,4	3,2	2,9	3,8	-0,4	1,6	3,2	2,1
Великобритания	1,4	1,3	2,0	2,3	2,3	3,6	2,2	3,3	4,5	2,8
Япония	-0,2	0	-0,3	0,2	0,1	1,4	-1,3	-0,7	-0,3	0
Швейцария	0,6	0,8	1,2	1,1	0,7	2,4	-0,5	0,7	0,2	-0,7
Австралия	2,8	2,3	2,7	3,5	2,3	4,4	1,8	2,8	3,4	1,8
Канада	2,8	1,9	2,2	2,0	2,1	2,4	0,3	1,8	2,9	1,5
Еврозона										
Австрия	2,8	2,3	2,7	3,5	2,2	3,2	0,5	1,8	3,3	2,5
Бельгия	1,6	2,1	2,8	1,8	1,8	4,5	-0,1	2,2	3,5	2,8
Германия	1,0	1,7	1,6	1,6	2,3	2,6	0,3	1,1	2,1	2,0
Греция	3,5	2,9	3,5	3,2	2,9	4,2	1,2	4,7	3,3	1,5
Ирландия	3,5	2,2	2,4	3,9	4,9	4,1	-4,5	-0,9	2,6	1,7
Испания	3,0	3,0	3,4	3,5	2,8	4,1	-0,3	1,8	3,2	2,4
Италия	2,7	2,2	2,0	2,1	1,8	3,4	0,8	1,5	2,7	3,0
Кипр	4,1	2,3	2,6	2,5	2,4	4,7	0,4	2,4	3,3	2,4
Люксембург	2,0	2,2	2,5	2,7	2,3	3,4	0,4	2,3	3,4	2,7
Мальта	1,3	2,8	3,0	2,8	1,3	4,3	2,1	1,5	2,7	2,4
Нидерланды	2,1	1,2	1,7	1,1	1,6	2,5	1,2	1,3	2,4	2,4
Португалия	3,3	2,4	2,3	2,7	2,8	2,6	-0,8	1,4	3,7	2,8
Словакия	8,6	7,5	2,7	4,5	2,8	4,6	1,6	1,0	3,9	3,6
Словения	5,6	3,6	2,5	2,5	5,1	5,7	0,9	1,8	1,8	2,6
Финляндия	0,9	0,2	0,9	1,6	2,5	4,1	0,1	1,2	3,4	2,8
Франция	2,1	2,1	1,7	1,7	1,5	2,8	0,1	1,5	2,1	2,0
Эстония	1,3	3,0	4,1	4,4	6,6	10,4	-0,1	3,0	5,0	3,9

Источник: World Bank. (<http://data.worldbank.org>).

По объему экономики в настоящее время со страной-лидером может сравниться только еврозона. Удельный вес зоны евро в мировом ВВП за рассматриваемый период составлял около 20%, что значительно выше аналогичного показателя большинства национальных экономик. В условиях кризиса евро продолжает оставаться одной из двух валют, наиболее востребованных мировым сообществом для международных расчетов и составляющих существенную долю валютных резервов большинства стран мира.

Однако современный глобальный финансовый кризис обнаружил определенные изъяны Европейской валютной системы. Совместная экономическая политика предусматривает создание равных условий для всех стран-членов на территории еврозоны. На внутреннем рынке устранены многие тарифные и количественные ограничения, запрещена налоговая дискриминация в отношении товаров, произведенных странами ЕС. При этом конкурентоспособность товаропроизводителей государств-членов еврозоны значительно различается. Страны с более низким уровнем развития не имеют возможности создавать дополнительные конкурентные преимущества для своих производителей путем

валютного регулирования (в частности, за счет девальвации национальных валют) (Eichengreen, 2012. P. 542).

Несовершенство механизмов финансового регулирования способствует перераспределению капитала внутри еврозоны в страны с более высоким уровнем экономического развития. С 2003 по 2012 гг. сальдо платежного баланса оставалось положительным на протяжении всего периода только в четырех странах еврозоны: Германии, Австрии, Нидерландах и Люксембурге (см. табл. 3). Платежные балансы Греции, Испании, Италии и Португалии на протяжении данного периода оставались дефицитными. Нельзя назвать стабильным также положение Ирландии, Кипра, Мальты, Словакии, Словении и Эстонии.

Для восстановления равновесия платежного баланса страны-члены еврозоны не могут применять традиционные инструменты тарифного и валютного регулирования. Покрытие пассивного сальдо платежного баланса в данной ситуации в основном может осуществляться за счет привлечения иностранных кредитов, что обостряет проблему урегулирования внешней задолженности (Yurtsevera, 2011. P. 689).

Обеспечение стабильности евро возможно только при устранении существующих дисбалансов в национальных экономиках стран-членов валютного союза. Для восстановления равновесия во внутренних экономиках еврозоны Германия рекомендует странам-должникам ужесточение бюджетной политики, сокращение социальных расходов, контроль над заработной платой. Однако в условиях кризиса такие меры могут привести к усугублению рецессии и росту безработицы.

Таблица 3

Сальдо платежных балансов стран зоны евро, % к ВВП

Страны еврозоны	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Австрия	1,2	2,2	2,0	2,4	2,8	3,7	3,7	3,7	2,5	2,2
Бельгия	3,8	3,7	2,9	2,3	1,9	0,8	-0,3	-0,3	-0,2	-0,2
Германия	1,3	2,9	3,9	5,3	6,3	6,6	6,5	6,1	6,1	6,5
Греция	-6,8	-6,3	-6,7	-8,3	-11,2	-13,6	-13,6	-12,1	-10,4	-7,7
Ирландия	-0,5	-0,5	-1,4	-2,5	-4,1	-4,9	-4,5	-2,3	-0,1	2,4
Испания	-3,6	-4,0	-5,4	-7,2	-8,8	-9,5	-8,1	-6,3	-4,3	-3,1
Италия	-0,3	-0,5	-0,7	-0,9	-1,2	-1,9	-2,0	-2,8	-2,9	-2,4
Кипр	-3,1	-3,7	-4,4	-6,0	-8,2	-11,5	-12,7	-12,1	-8,4	-8,8
Люксембург	9,1	10,2	10,5	11,3	10,7	8,6	7,5	6,9	7,5	7,0
Мальта	-1,4	-2,1	-5,8	-7,9	-8,1	-6,9	-6,1	-5,7	-4,1	-1,5
Нидерланды	3,6	5,3	6,9	8,1	7,8	6,8	5,4	5,7	7,7	9,3
Португалия	-8,3	-7,7	-8,4	-9,8	-10,4	-11,1	-11,2	-11,4	-9,5	-6,4
Словакия	-7,4	-7,2	-7,4	-8,1	-7,2	-6,4	-4,7	-4,2	-2,8	-1,2
Словения	0,1	-0,8	-1,7	-2,3	-3,0	-4,5	-3,9	-2,5	-0,4	0,6
Финляндия	7,2	6,5	4,8	4,6	3,9	3,7	2,9	2,0	0,6	0,6
Франция	1,1	0,7	0,2	-0,2	-0,7	-1,1	-1,4	-1,5	-1,6	-1,9
Эстония	-9,0	-11,1	-10,9	-12,2	-13,8	-13,5	-7,2	-0,9	2,8	1,3

Источник: Eurostat. (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/>).

Экономическая нестабильность в еврозоне способствует снижению доверия к ее валюте. С 2009 по 2012 гг. доля евро в мировых валютных резервах снизилась с 27,6% до 23,7% (см. табл. 4). Укрепление позиций евро на мировом валютном рынке

в среднесрочной перспективе маловероятно. Таким образом, практика показала, что внедрение новой международной валюты, способной конкурировать даже с долларом США, не помогло стабилизировать мировую валютную систему. Более того, замена национальных денежных единиц единой валютой явилась причиной экономической стагнации в некоторых странах еврозоны.

Учеными различных экономических школ и направлений в последнее время активно обсуждается возможность увеличения количества резервных валют. Перспектива мультивалютного стандарта обусловлена рядом преимуществ. Во-первых, укрепление на международных рынках позиций валют-конкурентов доллара США, формирование новых мировых финансовых центров будет способствовать стабилизации международного денежного обращения. Понижение роли доллара США в мировой валютной системе уменьшает зависимость мирового хозяйства от геополитических интересов одной страны. Во-вторых, снизится риск перераспределения кризисных явлений из экономики страны-эмитента доминирующей валюты в другие страны (Salvatore, 2011. P. 784). Как известно, проблемы в США стали одной из основных причин глобального финансового кризиса.

Таблица 4

Доля в мировых валютных резервах, %

Валюты	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Доллар США	66,5	65,8	65,9	66,4	65,7	64,1	64,1	62,1	61,8	62,1	62,2
Евро	24,2	25,3	24,9	24,3	25,2	26,3	26,4	27,6	26,0	25,0	23,7
Японская иена	4,5	4,1	3,9	3,7	3,2	2,9	3,1	2,9	3,7	3,7	3,9
Английский фунт	2,9	2,6	3,3	3,6	4,2	4,7	4,0	4,3	3,9	3,9	3,9

Источник: International Monetary fund.

(<http://www.imf.org/external/np/sta/cofer/eng/index.htm>).

Однако формирование мировой валютной системы, основанной на корзине национальных денежных единиц, не является эффективным средством стабилизации мировой сферы финансов. Как известно, достижение национальной валютой международного статуса должно осуществляться на основе предпочтений участников международных финансовых отношений. Доверие к международной денежной единице определяется ее стабильностью, состоянием экономики страны-эмитента, либеральностью валютного режима и т.д. Проблемы в экономике страны снижают эффективность выполнения ее национальной денежной единицей основных функций мировых денег (интернациональной меры стоимости, международного платежного и резервного средства), что должно способствовать уменьшению доли такой валюты в международных расчетах и иностранных валютных резервах. Однако на практике отказ от международной валюты, даже при ослаблении экономики страны-эмитента, происходит со значительным лагом запаздывания. Так, сокращение доли доллара США в международных валютных резервах с 2007 по 2012 гг. составило менее 2%. В то же время, укрепление позиций юаня в валютной сфере происходит достаточно медленно и не соответствует экономическим достижениям Китая на современном этапе. Таким образом, состояние экономики страны-эмитента влияет на статус национальной валюты, ее долю в международных расчетах и резервах только в долгосрочной перспективе. Национальная денежная единица страны, пораженной экономическим кризисом, может еще долго оставаться одной из ведущих международных валют, создавая дополнительные валютно-финансовые риски.

В дискуссиях о перспективе внедрения новой наднациональной валюты часто рассматривается возможность расширения использования СДР, что в определенной степени соответствует актуальной в настоящее время идее введения наднациональной условной единицы на основе корзины валют. Однако, следует учитывать неудачный опыт стандарта СДР. Как известно, качество наднациональной валюты определяется ее способностью реализовать основные функции мировых денег: интернациональной меры стоимости, средства обращения и средства сбережения. СДР, как показывает практика, не осуществляет ни одной указанных функций в полном объеме.

Политические противоречия Ямайской валютной системы привели к возникновению ряда проблем, препятствующим превращению СДР в мировые деньги:

Во-первых, использование СДР в качестве платежного средства остается незначительным вследствие жесткого ограничения их эмиссии. Общая сумма выпуска СДР к 2012 г. составляла около 238,4 млрд. ед. (примерно 360 млрд. долл. США) (*International Monetary fund, 2013*). Очевидно, что данного актива просто недостаточно для обслуживания значительной части международных торговых сделок и валютно-кредитных операций.

Во-вторых, возникают вопросы по поводу определения курса СДР. Условная стоимость СДР рассчитывается на основе корзины валют, в состав которой в настоящее время входят доллар США, евро, иена и фунт стерлингов. Процентное соотношение валют в корзине СДР рассчитывается с учетом долей стран-эмитентов в международной торговле и мировых валютных резервах. Согласно данным международной статистики, страны-эмитенты валют, составляющих корзину СДР, остаются ведущими мировыми экспортёрами товаров и услуг даже в условиях кризиса (табл.1). Кроме того, в официальных валютных запасах многих государств доли доллара США, евро, фунта стерлингов и иены по-прежнему значительны. Судя по данным таблицы 4, существенных изменений в структуре мировых валютных резервов за период с 2002 по 2012 гг. не произошло.

Однако при определении соотношения валют, входящих в корзину СДР, целесообразно учитывать такие факторы, как изменение доли страны в мировом ВВП, размеры внешнего долга, дефицит платежного баланса. Проблемы в национальной экономике страны-эмитента должны автоматически снижать долю ее валюты в корзине наднациональной условной единицы. Кроме того, следует предусмотреть возможность расширения базовой корзины за счет национальных денежных единиц стран с более стабильным экономическим развитием. Предложения о внесении подобных изменений в методику расчета условной стоимости СДР неоднократно выносились на обсуждения как учеными-экономистами, так и главами государств. При этом страны-эмитенты резервных валют всячески препятствуют такому развитию событий.

Представителями различных экономических школ также рассматривается возможность создания новой мировой валютной системы на основе многотоварного стандарта. Основной целью трансформации мировой валютной системы является обеспечение ее стабильности и управляемости. Для этого необходим ввод альтернативных доллару США международных денежных единиц, устойчивых к мировому инфляционному фону, что возможно только при осуществлении их «привязки» к материальным активам. Идеи внедрения мировой валюты, эквивалентом стоимости которой может стать товарная корзина, выдвигались многими экономистами, такими как Н. Калдор, Л. Ларуш, Б. Лиетар, Ж. Тинберген и др.

В настоящее время существует два основных подхода к созданию мировой денежной единицы на основе стандартизированного набора товаров:

Первый предполагает обеспечение денежной массы новой эмитируемой валюты реальными активами. В этом случае мировая условная единица по своей сути будет являться распиской, дающей право на получение ее владельцем

определенной «корзины товаров». Так, Б. Лиетар рассматривал возможность создания мировой валюты на основе стандартного набора постоянно возобновляемых товарных запасов, создаваемых с целью нормального функционирования национальных экономик, стабилизации цен, обеспечения продовольственной безопасности. Предположительно в такую корзину должны быть включены различные виды металлов, нефть, зерновые культуры и другие виды сырья. Мировая валютная система, созданная на основе такой условной единицы, очень похожа на золотой стандарт, но при этом корзина сырьевых товаров более стабильна, чем золото или любой из товаров, входящих в ее состав. Такая валюта практически не подвергалась бы инфляции, так как ее эмиссия ограничена наличием реальных переходящих запасов сырья. Однако следует учитывать, что денежной массы предполагаемой валюты может быть недостаточно для обеспечения всего объема международных торговых сделок: во-первых, доля сырьевых товаров в суммарном объеме экспорта не так велика; во-вторых, объемы контролируемых государствами переходящих запасов отдельных видов сырья меньше его экспорта в мировом масштабе. Например, объем мирового экспорта нефти за 2012 г. превысил размер ее возобновляемых запасов почти на 25% (*International Energy Agency, 2013*). Таким образом, на практике предлагаемый инструмент может быть использован как международный резервный актив, имеющий ограниченную сферу оборотного применения. Заменить доллар США такой валютой невозможно, так как ее эмиссия не сможет обеспечить мировое экономическое сообщество денежной массой, необходимой для осуществления международных расчетов.

Второй подход предполагает создание искусственного инварианта в виде монетарного индикатора. При этом гарантированный обмен валюты на реальные товары не предусматривается. В то же время, курс данной валюты рассчитывается на основе ее паритета покупательной способности к определенной корзине сырья. Доля каждого товара в предлагаемой корзине должна соответствовать его значимости в международной торговле и мировой экономике в целом. Данный инструмент эффективен для выявления недооценки (переоценки) национальных валют и устранения дисбалансов в валютно-финансовой сфере на мировом уровне. Однако следует учитывать, что эмиссия такой валюты не может быть ограничена наличием реальных активов, что в определенной степени снижает ее устойчивость к инфляции.

Основным предназначением наднациональной валюты является обеспечение денежной массой всего объема международных торговых сделок, т.е. такая валюта должна эмитироваться по мере необходимости. Кроме того, данная валюта не должна обесцениваться, так как выполняет еще и резервную функцию. Эта так называемая дилемма Триффена не позволяет создать валюту с указанными свойствами. Следовательно указанные функции необходимо разделить между двумя инструментами: резервным и оборотным. При этом эмиссия резервного инструмента в обязательном порядке должна быть обеспечена материальными активами, а оборотного - зависеть от объема международной торговли.

Эмитентом новой наднациональной валюты (резервного и оборотного инструментов) могут стать Международный валютный фонд или Всемирный банк, при условии существенной внутренней реорганизации, а также изменения стратегического подхода по основным направлениям деятельности. Однако наиболее целесообразным представляется создание Всемирного резервного центра (ВРЦ).

Ввод указанных выше наднациональных инструментов - длительный процесс, затрагивающий интересы многих стран и требующий тщательной подготовки.

На первом этапе целесообразно создание международного резервного инструмента. В настоящее время не существует финансового актива, с помощью которого можно защитить сбережения от инфляции. Резервный инструмент, привязанный к стратегическим запасам высоколиквидных товаров, будет

востребован не только международными и государственными структурами, но и на уровне предприятий и физических лиц. Основой товарно-сырьевой корзины мирового резервного инструмента должны стать контролируемые государственными структурами мировые запасы зерновых культур, отдельных видов металлов, топлива и т.д. Доля каждого товара в предлагаемой корзине будет определена в соответствии с имеющимися в наличии мировыми запасами с учетом их потребления. При изменении структуры стратегических резервов состав корзины может пересматриваться с целью сохранения ее актуальности. Национальные резервы будут формироваться благодаря наращиванию счетов в наднациональном резервном инструменте, открытых ВРЦ всем государствам-членам. На практике наличие такого счета будет означать подтверждение существования запасов сырья, входящего в товарно-сырьевую корзину. Фактическая структура запасов сырья отдельных стран может не совпадать с составом принятой корзины товаров. В стратегических национальных резервах могут отсутствовать отдельные виды металлов, зерновых культур или углеводородов. Однако эта проблема может быть решена за счет запасов сырья, создаваемых международными товарными биржами. Внедрение данного инструмента не потребует серьезных финансовых издержек, так как затраты по созданию и хранению стратегических запасов сырьевых товаров уже включены в их конечную стоимость. Обеспечение эмиссии резервного инструмента товарно-сырьевой корзиной обусловит ее стабильность и устойчивость к инфляции.

На втором этапе логическим продолжением является ввод в обращение мирового оборотного инструмента, обеспечивающего мировое экономическое сообщество денежной массой, необходимой для осуществления международных расчетов, а также служащего устойчивой базой сопоставлений, эквивалентом оценки курсов национальных валют. Масштабы эмиссии данного инструмента должны определяться потребностями всего мирового хозяйства, связанными с обеспечением денежной массой международных торговых сделок. Для контроля эмиссии оборотного инструмента на первоначальном этапе каждому государству необходимо установить квоту в размере годового объема его внешней торговли. При этом государствам-членам следует открыть счета в оборотном инструменте для осуществления взаимных расчетов. Эмиссия оборотного инструмента должна быть частично обеспечена резервными активами, находящимися на счетах ВРЦ, а частично – взносами государств-членов по квоте, вносимыми в любой из национальных резервных валют (можно предположить, что основу здесь составит доллар США). Такой инструмент будет пользоваться большим доверием, чем национальные валюты. Кроме того, следует учитывать, что масштабное внедрение в международные расчеты оборотного инструмента приведет к обесценению доллара США, являющегося в настоящее время основным платежным средством в транснациональных сделках. Массированное изъятие долларовой массы из международного обращения за счет обмена на оборотный инструмент ВРЦ даст возможность стабилизировать денежное обращение в переходный период. При этом девальвации доллара США избежать, скорее всего, не удастся, однако снижение его курса относительно других валют станет не таким существенным. Некоторое обесценение валюты США, как следствие, приведет к повышению конкурентоспособности американских товаров и оживлению их национальной экономики. Последнее обстоятельство, является немаловажным фактором, смягчающим сопротивление США вводу новой мировой валюты.

Как известно мировые деньги несут в себе не только резервные и оборотные функции, но и кредитные. Однако денежной массы резервного и оборотного инструмента может оказаться недостаточным для исполнения кредитной функции. Следовательно, появляется необходимость ввода дополнительного инструмента – кредитного. В целях недопущения избыточной эмиссии предполагается формирование кредитного инструмента посредством привлечения национальных валют, соответствующих определенным требованиям, установленным валютным регулятором ВРЦ.

Преимуществом полиинструментальной концепции является устранение основной проблемы современной валютной системы - использования национальных и коллективных валют в качестве международных платежных и резервных средств. Объем денежной массы, обслуживающей международные расчеты, будет определяться потребностями мирового экономического сообщества, а не ситуацией в экономике отдельного государства. Обеспечение реальными товарными запасами резервного инструмента гарантирует его абсолютную надежность. В целом, учитывая рост объемов потребления в мире (см. табл. 5), можно предположить, что стратегические запасы будут увеличиваться, обеспечивая рост денежной массы резервного инструмента.

Таблица 5

Потребление сырья в мире

Показатели	1990	1995	2000	2005	2010	2012
Потребление нефти, млн. барр. в сутки	64,3	70,4	76,2	83,9	86,9	90,0
Темп роста потребления нефти по отношению к 1990 г., %	100,0	109,5	118,5	130,5	135,1	140,0
Потребление алюминия, млн. тонн в год	19,1	20,4	24,9	31,8	40,1	43,9
Темп роста потребления алюминия по отношению к 1990 г., %	100,0	106,8	130,4	166,5	209,9	229,8
Потребление стали, млн. тонн в год	725,2	738,4	870,3	1131,3	1385,8	1536,8
Темп роста потребления стали по отношению к 1990 г., %	100	101,8	120,0	156,0	191,1	211,9
Потребление меди, млн. тонн в год	10,7	12,1	15,2	16,6	19,4	20,1
Темп роста потребления меди по отношению к 1990 г., %	100,0	113,1	142,1	155,1	181,3	187,8
Потребление свинца, млн. тонн в год	5,3	5,6	6,4	7,8	9,3	10,8
Темп роста потребления свинца по отношению к 1990 г., %	100,0	105,7	120,8	147,2	175,5	203,8
Потребление никеля, млн. тонн в год	0,8	1,0	1,2	1,3	1,5	1,7
Темп роста потребления никеля по отношению к 1990 г., %	100,0	125,0	150,0	162,5	187,5	212,5
Потребление олова, млн. тонн в год	0,2	0,2	0,3	0,3	0,4	0,4
Темп роста потребления олова по отношению к 1990 г., %	100,0	100,0	150,0	150,0	200,0	200,0
Потребление цинка, тыс. тонн в год	6,7	7,4	8,9	10,7	12,1	13,0
Темп роста потребления цинка по отношению к 1990 г., %	100,0	110,4	132,8	159,7	180,6	194,0
Потребление урана, тыс. тонн в год	40,3	52,5	57,2	66,8	68,8	68,8
Темп роста потребления урана по отношению к 1990 г., %	100,0	130,3	141,9	165,8	170,7	170,7
Потребление зерновых культур, млн. тонн в год	1448,0	1640,0	1784,0	2012,0	2180,0	2201,0
Темп роста потребления зерна по отношению к 1990 г., %	100,0	113,3	123,2	139,0	150,6	152,0

Источник: Intercontinental Exchange – ICE. London.
(<http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=metal>).

В отдельные периоды по объективным причинам происходит сокращение потребления отдельных видов сырья в мировом масштабе, что обуславливает снижение цен на соответствующих международных рынках и может спровоцировать

девальвацию одних и ревальвацию других национальных и коллективных валют по отношению к товарно-сырьевой корзине ВРЦ. Так как эмиссия (или стерилизация) резервного инструмента призвана поддерживать стоимость корзины ВРЦ на постоянном уровне, курсы национальных и коллективных валют соответственно должны меняться относительно резервного инструмента. Однако допустимые колебания национальных и коллективных валют будут устанавливаться валютным регулятором ВРЦ, что стимулирует государства сохранять статус своих национальных валют, принимаемых ВРЦ в качестве кредитных инструментов. Это существенно снизит остроту проблемы валютных войн и конкурентных девальваций. Для стран, претендующих на кредитный статус своих национальных валют, проведение девальваций станет фактически недопустимым. Реальная возможность девальвации сохранится только у государств, не оказывающих значительного влияния на международные финансовые отношения.

Контроль ВРЦ над мировыми запасами сырья в рамках обеспечения резервного инструмента предоставит возможность воздействовать на динамику цен международных товарных рынков. Реализуя товары из стратегических запасов или скупая излишки, можно обеспечить ценовую стабильность резервного инструмента и противостоять неустойчивости и спекулятивности на мировых рынках сырьевых товаров, снизив при этом волатильность оборотного инструмента. Для реализации указанных мер объемы переходящих резервов следует поддерживать в пределах действующих соглашений.

Предлагаемый резервный инструмент безусловно будет более надежным, чем любая национальная валюта. Устойчивость к инфляции наднационального резервного инструмента обуславливается его «привязкой» к корзине ВРЦ, состоящей из высоколиквидных материальных активов. В то же время девальвация оборотного инструмента окажется в интервале между кредитными инструментами и прочими национальными валютами. Однако понижение курса оборотного инструмента является плановым и прогнозируемым и никак не повлияет на стабильность мировой экономики и ее национальных составляющих. Следовательно, объем денежной массы мировых денег будет определяться условием «привязки» к корзине ВРЦ и потребностями мировой экономики, а не геополитическими интересами отдельных стран.

Разделение функций мировых денег на три инструмента (резервный, оборотный, кредитный) позволит стабилизировать мировую сферу финансов и снизить риск перераспределения кризисных явлений из одной страны в другую. При этом новая валютная система обеспечит мировую экономику надежными унифицированными средствами, способствующими улучшению условий проведения транснациональных торговых сделок и кредитных операций.

ВЫВОДЫ

Формирование новой валютной системы - сложный, достаточно противоречивый и продолжительный процесс. Расхождения в позициях ученых-экономистов и интересах отдельных стран затрудняют выработку единой стратегии по реформированию современной мировой финансовой архитектуры. Однако уже сейчас возможно формирование новой наднациональной структуры, действующей вне МВФ, и внедрение в обращение резервного и оборотного инструментов, используемых в качестве средств сбережения и платежа параллельно с действующими международными валютами. В перспективе это создаст альтернативу МВФ и условия для реформирования Ямайской валютной системы.

Ввод наднациональных резервного и оборотного инструментов позволит стабилизировать стратегические сырьевые резервы; снизить влияние циклических колебаний глобальной экономики на ценовую динамику международных товарных рынков; обеспечить потребность мирового сообщества денежной массой, необходимой для осуществления безрисковых накоплений и унификации внешнеторговых сделок.

Принятие новой мировой валютной системы, основанной на полиинструментальном стандарте, базируемом на отдельных резервном, оборотном и кредитных инструментах, будет способствовать улучшению условий международных торговых отношений, нивелированию валютных рисков, уменьшению зависимости мирового сообщества от геополитических интересов стран-эмитентов ведущих мировых валют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Eichengreen B.* (2012). Implications of the Euro's crisis for international monetary reform // *Journal of Policy Modeling*, no. 34, pp. 541-548.
Eurostat. (http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database).
International Energy Agency. (<http://www.iea.org/stats/index.asp>).
Intercontinental Exchange – ICE. London. (<http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=metal>).
International Monetary fund. (<http://www.imf.org/external/np/sta/cofer/eng/index.htm>).
Salvatore D. (2011). The future tri-polar international monetary system // *Journal of Policy Modeling*, no. 33, pp. 776-785.
World Bank. (<http://data.worldbank.org>).
World Trade Organization. (<http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDBViewData.aspx?Language=E>).
Yurtsevera S. (2011). Investigating the Recovery Strategies of European Union from the Global Financial Crisis // *Procedia Social and Behavioral Sciences*, no. 24, pp. 687-695.

ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕПРЕССИВНОСТИ В ЭКОНОМИКЕ ТЕРРИТОРИЙ ВОСТОЧНОГО ДОНБАССА

КОВАЛЕВА АННА ВЛАДИМИРОВНА,

ведущий юрист-консульт Ростовского филиала ОАО "ЖТК",
e-mail: kovaleffa@gmail.com

МОШКИН ИГОРЬ ВАЛЕРЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры теории и технологий в менеджменте,
Южный федеральный университет,
e-mail: imoshkin@yandex.ru

Формирование новых экономических отношений непосредственным образом отразилось на стабильности экономической структуры территорий Восточного Донбасса. Как крупнейший промышленный центр со специализацией в угольной отрасли, регион претерпел значительное сокращение объемов промышленного производства и усиление безработицы при наличии существенных ограничений для формирования новых возможностей, способствующих поддержанию на данном этапе жизнедеятельности региона. Определение направлений и приоритетов регионального развития депрессивных территорий сохраняет свою актуальность, в связи с чем проведение историко-генетического анализа становится основой для выявления особенностей складывающихся хозяйственных отношений на исследуемой территории.

В статье представлен результат анализа развития территорий Восточного Донбасса, определены основные проблемы и перспективы развития региона, уточнен вклад обучения и профессиональной подготовки увольняемых работников и создаваемых субъектов малого предпринимательства.

Ключевые слова: депрессивная территория; региональное развитие; кризис; реформа; предпринимательство.

THE HISTORICAL AND GENETIC ANALYSIS OF DEPRESSION DEMONSTRATION IN ECONOMY OF EAST DONBASS TERRITORIES

KOVALEVA ANNA, V.,

Legal Adviser in Rostov Branch of
Railway Trading Company,
e-mail: kovaleffa@gmail.com

MOSHKIN IGOR, V.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Senior Lecturer of the Department "Theory and Technology in the Management",
Southern Federal University,
e-mail: imoshkin@yandex.ru

Formation of the new economic relations was directly reflected in stability of economic structure of East Donbass territories. The region underwent considerable reduction of industrial outputs and unemployment strengthening, in the presence of essential restrictions for formation of the new opportunities promoting maintenance at this stage of activity of the region as the largest industrial center with specialization in coal branch. Definition of the directions and priorities of regional development of depressive territories keeps the relevance in this connection, carrying out the historical and genetic analysis becomes a basis for detection of features of the developing economic relations in the exploring territory.

The authors present the result of the analysis of development of East Donbass territories. The main development problems and prospects the region are defined. The contribution of training and vocational training of dismissed workers and created subjects of small business is specified.

Keywords: *depressive territory; regional development; crisis; reform; business.*

JEL: *L71, R11, R23.*

Со времени распада СССР российская экономика в своем развитии прошла сложный путь, в котором выделяется несколько периодов, характеризующихся рядом специфических особенностей. Поскольку изначально она характеризовалась государственной формой управления, то соответственно существовала одна корпорация – государство, строго регламентированно и в соответствии с утвержденным планом осуществлявшее руководство своими внутренними структурными подразделениями. Деструктивные и необратимые последствия в макроэкономике сопровождались массовым снижением уровня жизни большей части населения, отбрасывая их на слабо защищенные в социальном плане позиции.

Переход к рыночным взаимоотношениям в 90-е гг. XX века сопровождался серьезными экономическими, политическими, социальными потрясениями. Разрушение наукоемких отраслей, десятилетиями утверждавшейся научной системы знаний, вкупе с изменениями сложившихся систем управления в образовании, сельском хозяйстве, жилищно-коммунальной сфере и т.д., все это способствовало снижению темпов роста экономического благосостояния населения страны, а по многим показателям отбрасывало на несколько лет назад.

Кризис переходного периода привел к нарастанию депрессивного состояния во многих регионах страны, практически во всех монопромышленных и угледобывающих территориях. Затянувшаяся нестабильность, связанная с проводившимися в стране реформами, породила такую ситуацию, когда многие ведущие отрасли промышленности в связи с нехваткой ресурсов и проблемой сбыта продукции оказались не готовы к выпуску новой и конкурентоспособной продукции.

В начале реформирования реструктуризация угольной отрасли предлагалась как единственный путь для достижения социальной стабильности в угольных регионах, их последующего благополучного социально-экономического развития. Однако ее проведение было связано с необходимостью принятия ряда мер, вызывающих отрицательные социальные последствия, что сопровождалось закрытием убыточных шахт, сокращением численности занятых в отрасли трудящихся, передачей социальных обязательств от угольных компаний к их правопреемникам. Целью реструктуризации, как ее в тот период декларировали инициаторы, должно было стать создание конкурентной среды для частных рентабельных угольных компаний, способных к саморазвитию. В этой связи приватизация угольных компаний рассматривалась как стержневой процесс, составляющий содержание реструктуризации. Последующая приватизация нужна была для вовлечения в управление стратегических инвесторов и соответственно привлечения инвестиций в развитие угольных компаний.

В процессе планирования преобразований в хозяйственном комплексе

шахтерских территорий необходимо учитывать их специфические особенности, такие как низкий уровень предпринимательской активности населения, высокая доля пенсионеров, зависимость социально-экономической ситуации на территории от финансово-экономического положения градообразующих предприятий и др. (Стефанова, 2008. С. 400-404). Восточный Донбасс на протяжении десятилетий был и поныне остается основной угольной сырьевой базой Северо-Кавказского экономического региона. Угольные предприятия сосредоточены в Донецке и шести административных районах Ростовской области с населением около 1,2 млн. человек (Цветкова, 2008. С. 121-125).

Как крупнейший промышленный центр со специализацией в угольной отрасли, регион претерпел значительное сокращение объемов промышленного производства и усиление безработицы, при наличии существенных ограничений для формирования новых возможностей, способствующих поддержанию на данном этапе жизнедеятельности региона. В этот период в Ростовской области появление депрессивности констатировалось во многих городах и районах с исторически сложившейся угольной специализацией – традиционно область характеризуется как промышленный регион, где АПК опирается на региональный комплекс отраслей сельскохозяйственного машиностроения и сельскохозяйственной переработки.

Считается, что в депрессивных регионах кризисные процессы обладают мультипликативным эффектом и сравнительно часто блокируют возможности воспроизводственного процесса, происходит деградация ресурсного, хозяйственного, социального и экономического потенциалов. В связи с рыночной трансформацией российских экономических территорий, произошедшими существенными изменениями в системе общественного разделения труда, производственно-хозяйственных связей и экономических отношений, важно своевременно определить роль и место депрессивных регионов в переходном процессе, наметить пути по выравниванию всех уровней развития.

Из-за структурных особенностей хозяйства, кризисные тенденции в экономике Ростовской области проявились в большей степени, чем в целом по России. В 1997 г. для России индекс объема промышленной продукции к уровню 1990 г. составил 0,47, для Ростовской области аналогичный показатель был равен только 0,32; последующий период отмечен дальнейшим спадом в промышленности. К 1998 г. объем промышленной продукции в регионе составил лишь 29,9 % от уровня 1990 г. Деиндустриализация экономики вызвала сокращение рабочих мест в промышленном секторе - с середины 1990-х гг. занятость на промышленных предприятиях по Югу России сократилась на 4,9 %, в Ростовской области этот показатель равен 9,5 %.

2 января 1992 г. в России были отпущены цены, однако цены на уголь было решено не затрагивать. Цены на уголь и продукты его переработки освободили с 1 июля 1993 г. в соответствии с Указом Президента РФ «О мерах по стабилизации положения в угольной промышленности» от 21 июня 1993 г. К этому времени выросли и расходы на добычу и транспортировку угля из-за роста цен на материально-технические ресурсы и железнодорожные тарифы. Освобождение цен в итоге было запоздалым решением и не оправдалось - реальная выручка во второй половине 1993 г. оказалась ниже, чем в первой, когда цены регулировались; общее падение спроса в электроэнергетике и в металлургии сдерживало и возможности угледобывающих предприятий по повышению цен на свою продукцию.

Регион оказался в новой сложной ситуации - ранее населенные пункты, возникающие в непосредственной близости с градообразующими угольными предприятиями, получали средства на содержание социальной инфраструктуры в основном от этих предприятий, согласно новому Указу Президента РФ № 1702, жилищный фонд, жилищно-эксплуатационные и ремонтно-строительные предприятия по его обслуживанию, объекты инженерной инфраструктуры, находившиеся на балансе акционируемых и приватизируемых производственных объединений и шахт, подлежали передаче в муниципальную собственность. У

муниципальных образований средств на содержание данных хозяйственных структур не было, выполнение указа затянулось, но данный процесс оказался неизбежным, без его успешного завершения оздоровление угольной отрасли было невозможно.

Администрации шахтерских городов и поселков надеялись на средства государственной поддержки, направляемые угольным предприятиям, но часть средств получали муниципалитеты по остаточному принципу - более 80% шло на поддержку убыточного производства, на компенсацию разницы между ценой и себестоимостью добычи угля, около 17% – на содержание социальной сферы шахтерских городов и поселков; общий объем дотаций в 1993 г. превысил 5% расходов от федерального бюджета. В целях институционального оформления социального партнерства и вовлечения различных социальных групп Распоряжением Правительства РФ от 10 ноября 1993 г. № 2028-р создается Межведомственная комиссия по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов (далее по тексту - МВК). В комиссию вошли министры или их заместители практически всех федеральных министерств, связанных с добычей, использованием угля, решением социальных проблем угледобывающих регионов.

Независимость МВК от отраслевого управления и аппарата правительства, выполнения ее решений, позитивным образом отразились на проведении реструктуризации, достижении разумного баланса и компромисса, способствовало выделению приоритета социальных вопросов при проведении реформы. Новая структура «Росугля» стала ответственной за выполнение ряда функций - принятие кардинальных решений по реструктуризации, распределению дотаций и контролю за их использованием, решения о ликвидации убыточных угольных организаций, что требовало обязательное присутствие директора шахты, главы администрации города и представителей профсоюзов. Реструктурируя отрасль, необходимо было избавиться от убыточных и неперспективных шахт и разрезов. Технические работы по ликвидации нерентабельных шахт и необходимые выплаты высвобождаемым работникам, предусмотренные законодательством и отраслевыми тарифными соглашениями, требовали солидных средств.

Во второй половине 1992 г. были инициированы переговоры с Международным банком реконструкции и развития (далее по тексту - МБРР) для получения займов на поддержку угольной реформы. Правительство обратилось к МБРР, поскольку заимствование средств у банка было на достаточно выгодных условиях. Министерство экономики и «Росуголь» разработали важнейший документ – «Основные направления реструктуризации угольной промышленности России» - концептуально они соответствовали представлениям МБРР об угольной реформе.

22 мая 1996 г. МБРР были сформулированы - стратегия, среднесрочные цели и краткосрочные меры, которые легли в основу условий предоставления первого угольного займа. В октябре 1997 г. для обеспечения целевого использования средств перешли на казначейскую систему их доведения до получателей, с этой целью для каждого конечного получателя открывался лицевой счет в территориальном отделении Федерального казначейства, предоставляющий возможность вести отдельный учет движения средств по всем направлениям их использования. Система работала на таком уровне, что если кто-то из получателей обосновывал завышенную потребность, но в дальнейшем не полностью реализовал финансовые средства, их неиспользованная часть возвращалась в бюджет. Введение подобного механизма было одним из условий предоставления второго угольного займа.

Ликвидация угледобывающих предприятий, фактически усугубила экономическое положение действующих шахт в связи с возникновением проблем правопреемственности ликвидируемых предприятий - регрессные иски, пайковый уголь и другие льготы, предусмотренные законодательством об угледобывающей промышленности. Ситуация обострилась и в связи со сложностями в техническом обслуживании объектов ликвидируемых шахт, экологическими проблемами,

наличием кредиторской задолженности перед бюджетом и внебюджетными фондами. В целом в ряде научных работ прослеживаются процессы возникновения и проблемы существования российских депрессивных регионов и территориальных образований, куда на развитие шахтерских городов и районов направлялись финансовые средства.

Но реорганизовать огромную и инерционную отрасль оказалось сложно - еще не было сформированной группы эффективных собственников, в экономике нарастали трудности со сбытом угля, количество рабочих оказавшихся невостребованными - увеличивалась. В 1996 г. были высвобождены 18,4 тыс. человек, в 1997 г. – 26,9 тыс., в 1998 г. – 48,4 тыс., или 65,2% общего снижения численности с 1994 г. В 1998 г. вновь начались забастовки. Стратегия реструктуризации была многим шахтерам не понятна - высвобождение и отток людей с остановившихся шахт начинался до принятия официальных решений о закрытии шахт; в реальности реструктуризация стала для целого поколения шахтеров шоком.

Потребовалось создать новый финансовый механизм социальной защиты, переориентировавший средства государственной поддержки на эффективное решение социально-экономических проблем. Программа местного развития и обеспечения занятости населения шахтерских городов и поселков (далее по тексту - ПМР) стала тем механизмом, с помощью которого делались попытки позитивно разрешить сложившуюся кризисную ситуацию:

- социальную защиту уволенных работников – выплату задолженности по зарплате, выходных пособий и пособий по возмещению вреда бывшим работникам, обеспечение бывших угольщиков бесплатным углем для бытовых нужд;
- создание новых рабочих мест в шахтерских городах и поселках;
- наделение муниципалитетов полномочиями и обеспечение средствами, необходимыми для эксплуатации социальной инфраструктуры, переданной им на баланс.

Создание ПМР и повышение роли муниципальных властей стали первым этапом реализации социально направленной политики на региональном уровне в постсоветской России. В этой ситуации стратегическим нововведением компании «Соцуголь» стало использование средств государственной поддержки на выплату задолженности по зарплате работникам, высвобождавшимся как с действующих, так и с ликвидируемых шахт, вследствие производимых увольнений. В рамках ПМР проводилось профессиональное консультирование и переобучение увольняемых работников, организовывалась временная занятость, осуществлялась поддержка малого бизнеса, финансировались бизнес-центры, бизнес-инкубаторы, создавались новые рабочие места вне угольной промышленности на условиях софинансирования, велось переселение из неперспективных шахтерских городов.

С началом реализации ПМР связаны и положительные сдвиги в изменении психологии жителей шахтерских городов и поселков, которые постепенно привыкали к нестандартной рыночной ситуации, начинали заниматься малым бизнесом, предпринимательством. Реструктуризация угольной отрасли сопровождалась организацией помощи шахтерским территориям в создании новых перспективных угледобывающих производств, взамен отработавшим и ставшим нерентабельными или исчерпавшим свои возможности. Вновь созданные производства гарантировали стабильную работу шахтерам, уволенным с закрытых шахт, и отчисление налогов в бюджеты шахтерских территорий.

Одним из направлений реструктуризации угольной промышленности на втором этапе: 1998-2002 гг. стало совершенствование системы управления угольной промышленностью и механизма государственной поддержки отрасли. На этапе реструктуризации угольной промышленности России: 2002-2010 гг., оставался актуальным комплекс социально-экономических проблем, решение которых зависело от активной деятельности органов местного самоуправления, от их способности адаптировать основные направления реформы местного

самоуправления к условиям функционирования муниципальных образований.

Одним из препятствий в решении проблемы занятости рабочих называется низкая профессиональная мобильность, вызванная, в том числе и узкоспециализированной направленностью региона в период существования СССР, что обусловило неготовность большей части оставшихся без работы к ее самостоятельному поиску. В связи с этим определенная часть средств государственной поддержки направлялась на организацию переобучения шахтеров, предувольнительного консультирования. Всего предувольнительные консультации получили около 18 тыс. чел.; на профессиональное консультирование и переобучение шахтеров было направлено 4,8 млн. руб.; наиболее востребованными направлениями были специальности водителя, мастера отделочных работ, электрогазосварщика, оператора ПЭВМ, аппаратчика мукомольного производства, бухгалтера. Основная часть полученных средств государственной поддержки была направлена на создание новых рабочих мест.

Можно с большой долей вероятности утверждать, что шахтерские монопрофильные территориальные образования, где ликвидируется большая часть угольных предприятий, могут стать не просто депрессивными, а стагнирующими территориями с постоянным нарастанием социальной напряженности и уровня деградации населения¹.

Предпринимаемые меры в области развития малого предпринимательства и реализация различных инвестиционных проектов позволили создать постоянные рабочие места. В общей сложности за пять лет был профинансирован 251 проект малого бизнеса, на что было затрачено 35,2 млн. руб. Большинство малых предприятий было создано в агропромышленной отрасли; немалая часть шахтеров перешла в сферу услуг и стала производить товары массового потребления. Существенные государственные средства вкладывались в крупные инвестиционные проекты - за пять лет на реализацию 80 проектов было направлено более 420 млн. руб., в том числе из средств государственной поддержки – 251 млн. руб., что составило около 60%, из собственных и привлеченных предприятиями средств - 171,8 млн. руб. На вновь созданных предприятиях получили работу 2330 бывших угольщиков.

Развитие угольной отрасли на Дону включено в энергетическую стратегию страны. Ею до 2030 года в Восточном Донбассе предусмотрено увеличение годового объема добычи угля до 13 млн. тонн. В 2012 году прогнозируется добыча 5,6 млн. тонн угля, или 106,2% к уровню 2011 года. Рост будет обусловлен благодаря увеличению числа действующих очистных забоев и реализации ряда инвестиционных программ (Голубев, 2012).

Особое внимание экономисты ЮФО РФ уделяют вопросам социально-экономического развития депрессивных регионов, выравниванию межрегиональных различий, управлению воспроизводственным развитием региональных экономических систем с их последующим восстановлением, эколого-экономическому развитию и программно-целевому развитию депрессивных регионов (Мошкин и Цыганков, 2009. С. 564-569).

Таким образом, противоречивый и болезненный процесс российского реформирования на протяжении последних двадцати лет, обусловивший диспропорции в региональном развитии, со всей остротой поставил задачу о необходимости проведения дополнительного исследования по выявлению особенностей региональной депрессивности и определения пути санации депрессивных территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голубев В. Ю. (2012). Новый уголь Восточного Донбасса // *Экономика и ТЭК сегодня*, № 18.

¹ См.: Проблемы развития горнодобывающего комплекса Восточного Донбасса и пути их решения: монография / Под ред. С. Г. Страданченко. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009, с. 66.

Мошкин И. В. и Цыганков С. С. (2009). Поддержка субъектов предпринимательства в депрессивных регионах / Проблемы формирования и реализации промышленной политики депрессивного региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, с. 564-569.

Проблемы развития горнодобывающего комплекса Восточного Донбасса и пути их решения: монография / Под ред. С. Г. Страданченко. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009.

Стефанова И. В. (2008). Концептуальное обоснование модели местного самоуправления города (на примере г. Новошахтинска) // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т. 6, № 1, Ч. 3, с. 400-404.

Цветкова С. Н. (2008). Через создание зон приоритетного развития к активизации предпринимательской деятельности: опыт угледобывающих территорий Восточного Донбасса // *Российское предпринимательство*, № 5, Вып. 2 (111), с. 121-125.

REFERENCES

Golubev V. Y. (2012). New coal of East Donbass. *Economy and energy industry today*, no. 18. (in Russian).

Moshkin I. V. and Tsygankov S. S. (2009). Support of business subjects in depressive regions. Problems of formation and realization of industrial policy of the depressive region. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Makhachkala, pp. 564-569. (in Russian).

Problems of development of a mining complex of East Donbass and way of their decision: the monograph / Ed. by S. G. Stradanchenko. Novocheerkassk: YuRG TU (NPI), 2009. (in Russian).

Stefanova I. V. (2008). Conceptual justification of model of local government of the city (on the example of Novoshakhtinsk). *The Economic herald of the Rostov state university*, vol. 6, no. 1, p. 3, pp. 400-404. (in Russian).

Tsvetkova S. N. (2008). Through creation of zones of priority development to activization of business activity: experience of coal-mining territories of East Donbass. *Russian business*, no. 5, Issue 2 (111), pp. 121-125. (in Russian).

СМУТА В КОНТЕКСТЕ МИР-СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ПОПОВ ГРИГОРИЙ GERMANOVICH,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры мировой экономики,
Московская академия экономики и права,
e-mail: grigorijpopov1977@yandex.ru

События Смуты начала XVII в. рассматриваются в контексте истории формирующейся капиталистической мир-системы, в которую Россия активно включилась в XVI в. после открытия прямой торговли с Западной Европой через Архангельск. Раздираемая гражданской войной Россия оказалась одной из «пешек» в глобальном противоборстве протестантских и католических держав, а также Османской империи с Западной Европой. В статье рассматриваются экономические причины активного участия в Смуте казаков и планов агрессии со стороны Англии.

Ключевые слова: экономическая история; капиталистическая мир-система; международная торговля; казачество.

THE TIME OF TROUBLES IN THE CONTEXT OF THE WORLD-SYSTEM RELATIONSHIPS

POPOV GREGORY, G.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department «World economy»,
Moscow Academy of Economy and Law,
e-mail: grigorijpopov1977@yandex.ru

The Time of Troubles events in early XVII century are considered in the context of the history of the emerging capitalist world-system, in which Russia was actively involved in the XVI century after the opening of direct trade with Western Europe via Arkhangelsk. Torn apart by civil war, Russia was one of the "pawns" in the global confrontation of Protestant and Catholic powers, as well as the Ottoman Empire and Western Europe. The author examines the economic causes of active Cossacks participation in the Time of Troubles and aggression plans by England.

Keywords: economic history; the capitalist world-system; international trade; the Cossacks.

JEL: N43.

4 ноября 1612 года вошло в официальную российскую историографию как день освобождения Москвы от польских интервентов. Это событие интерпретировалось в императорской России как объединение русского народа против иноземных захватчиков.

Изначально Смута начала разгораться как ответ крестьянства на крепостное право, которое начало устанавливаться в эпоху Ивана Грозного. Тлевшее в народной массе десятилетиями недовольство вылилось в восстание, которое приняло форму поддержки, так называемого, Лжедмитрия. Масла в огонь подлила политика Бориса Годунова в отношении казачества, когда статус казака попытались приравнять к статусу крепостного крестьянина.

Если проводить аналогии с другими странами, то в России происходили

социально-экономические процессы, схожие с теми, что были в Польше, Германии и ряде стран Восточной Европы. В марксистской литературе эти процессы получили название Второго издания крепостного права, только в России это было первое издание. Сутью Второго издания крепостного права была адаптация постсредневековых государств к появившейся в результате Великих географических открытий мир-системе, во главе которой стояли Англия и Голландия, а также долгое время Испанская империя вместе с зависимыми от нее европейскими странами. Россия не могла избежать участия в этом глобальном процессе.

Целью исследования в настоящей статье является выяснение внешнеполитических факторов этого сложного политического процесса, обозначенного в отечественной историографии как формирование Второго ополчения. Мы считаем Смуту начала XVII в. конфликтом элит, в который вмешались внешние силы, включая и польских авантюристов. Центральной гипотезой является тезис, что Второе ополчение создавалось во многом при политической и экономической поддержке Англии и Швеции, которые были прямо заинтересованы в изгнании поляков из Москвы. Кроме того, конечной целью англо-шведской политики в отношении Московского государства было превращение Северо-Восточной Руси в британскую колонию. В этом свете история Второго ополчения предстает как один из эпизодов столкновения России с еще молодой капиталистической мир-системой.

Включение России в периферию мир-системы – завязка Смуты

Экономические факторы Смуты в российской историографии можно свести к одному общему выводу: экономические противоречия между боярством и дворянством достигли такого обострения, что единственным исходом в этой ситуации могла быть только гражданская война. К этому добавлялись противоречия между крестьянством и помещиками, вызванные крепостным правом. Таким образом, мы видим три основные социальные страты, заинтересованные в политических переменах, - это боярство, дворянство и крестьянство.

Однако мы не можем найти ни одного политического деятеля времен Смуты, кроме разве что Болотникова, которому хоть одна из перечисленных страт отдавала бы стойкое предпочтение. На самом деле, наиболее активными участниками Смуты были казаки, с которых, собственно, и начался данный процесс.

Казачество стало наследием «монгольского» периода. Еще при Дмитрие Донском (а, вероятнее всего, и раньше) они выполняли функции охраны русских границ со степью. В условиях отсутствия огнестрельного оружия и регулярных войск казаки стали незаменимой силой в решении проблемы защиты молодого Московского государства от набегов номадов.

По мере развития самого Московского государства казаки стали играть все меньшую роль в обороне страны. Царям они стали обузой, потому что казачество подчинялось реально только своим атаманам, требуя при этом помощи от Москвы в виде оружия и боеприпасов. По сути, казаки и не рассматривались как часть государства, поскольку отношения с ними поддерживались через Посольский приказ.

Другой проблемой, связанной с казаками, была сама их военная организация. Они не могли надолго уходить от своих сел, так как последние нуждались в защите. Нередко для дальних походов у казаков просто не было средств, поскольку помещное землевладение в казачьих станицах, естественно, не практиковалось. Строительство укреплений в зоне степей не осуществлялось казаками. Когда же это делало царское правительство, то возникали проблемы разграничения юрисдикции на территории казачества между царскими чиновниками и казачьими атаманами.

Московскому государству была необходима сильная и мобильная кавалерия, которая могла появиться в основном на базе помещного землевладения. Но вмешался еще один фактор в развитие военного дела на Руси — пороховая

революция в Европе. Кроме кавалерии, нужна была еще и регулярная пехота, т.е. солдаты, постоянно живущие на казарменном или полуказарменном положении. В эту новую военную организацию свободолюбивые казаки никак не вписывались.

Усиление закрепощения и рост численности дворянства, естественно, вел к ухудшению жизни крестьянства. Последнее реагировало бегством на Дон, что вело к росту численности казачества. Очевидно, в недрах казачества всвязи с процессом инкорпорации беглых крестьян и сформировалась идея оказачивания Руси, которую в разное время попытаются реализовать на практике атаманы Иван Заруцкий и Степан Разин, а также (хотя и более локально) украинский гетман Богдан Хмельницкий.

Главными ресурсами, повышавшим в то время мобильность армии, были деньги и порох. Получить то и другое в условиях аграрной экономики было достаточно сложно. Вспомним, что могущественную Испанскую империю убили сделанные для финансирования военных нужд долги. Селитра добывалась вплоть до революционных войн начала XIX в. в основном в Латинской Америке. Поэтому обладателем наибольшей огневой мощи долгое время выступала Испания, являясь, по сути, «пушечной империей», если следовать терминологии макросоциологов.

Россия вплоть до разгара петровской эпохи имела слабое пороховое производство, сконцентрированное в основном вокруг Москвы. Огнестрельное оружие частично импортировалось. Закрытие Московской Руси Иваном III из-за конфликта с Западом вокруг Новгорода Великого надолго осложнило получение русскими войсками вооружений из других государств. При Иване Грозном ситуация изменилась — открылся Северный морской путь через Архангельск. Монополистами северной торговли стали английские купцы. Однако посылка мушкетов и пороха русским четко контролировалась Елизаветой I. В Англию из России в основном шел мех, а оттуда в Архангельск поступали порох, стрелковое оружие и вина.

Таким образом, к началу XVII в. в Московском государстве возникли два фактора, обуславливавшие выживание этого государства: это — поместное землевладение и «английская торговля».

Фоном развития политической ситуации в России после смерти Ивана Грозного стали религиозные войны в Европе, где образовались две партии — католическая и протестантская. Московское государство с его людскими и земельными ресурсами не могло не привлечь внимания обеих партий. Поэтому присоединение Восточной Руси к Речи Посполитой могло привести к образованию на Востоке Европы враждебного протестантам католического государства, которое обречено было бы стать военным монстром с огромной армией. Этот «монстр» вполне мог разгромить Османскую империю и превратить в свой протекторат Персию, а затем взять под свой контроль столь вожделенную для англичан и голландцев Индию. Такие геополитические перспективы нельзя было не увидеть в то время, когда Польша и Московское государство стали активно сближаться во время правления Лжедмитрия I. Разумеется, такие перспективы были далеко неприятны Лондону и Амстердаму.

Позиция Восточной России в мир-системе четко определилась уже в конце XVI в.: она стала поставщиком меха и пеньки для Англии и Голландии. Заморская торговля давала северным регионам Руси большие прибыли, что привело к дисбалансу в распределении денежных доходов между внутренними и северными регионами страны. Поэтому северные города Руси были очень заинтересованы в сохранении «английской торговли». Была в этом заинтересована и тесно связанная с этой торговлей определенная часть боярства.

«Английская торговля» и русские финансы в канун Смуты

Северная торговля, условно назовем ее «английской», была очень масштабной, если посмотреть документы того времени. Нас интересует в первую очередь влияние этой торговли на денежное обращение в Московском государстве.

Возможно, «английская торговля» и стала одной из причин кризиса в России начала XVII в.

Несмотря на денежную реформу 1535 г., призванную унифицировать деньги в Московском государстве, вплоть до времен опричнины русские города чеканили свои «местные» деньги для обеспечения денежного обращения. Известно, что до погрома северо-западных волостей опричниками в 1570-1572 гг. в Твери функционировал монетный двор, который был заведен еще в монгольский период. Русь всегда испытывала дефицит денег, переход к единой монетной системе только усложнял экономические условия хозяйствования. Финансовый кризис 1570-1580-х гг. во многом был связан именно с наступлением царской власти на местные монетные дворы. До опричнины чеканка монеты осуществлялась также под заказ частных лиц, после репрессивных мероприятий Ивана Грозного этот заказ резко сократился.

То, что Россия в середине XVI в. переживала тяжелый финансовый кризис, подтверждается данными по приписке дворов к податным единицам — сохам. С «монгольского» периода «соха» являлась единицей налогообложения, к которой могло быть приписано определенное количество дворов. Обычно при монголо-татарах это — 2-4 крестьянских двора либо 1-2 городских (Попов, 2011). Но для эпохи Ивана Грозного мы встречаем поразительные факты: к сохе могло быть приписано 50-52 дворов, причем, в Серпухове, в зоне Черноземья. В Опочке 172 двора были положены всего в 2 сохи (Перхавко, 2006. С. 450).

Низкая платежеспособность населения Московского государства была, очевидно, связана с высокими военными расходами царского правительства. Эти расходы спровоцировали финансовый кризис в государстве. Правительство Ивана Грозного отреагировало на этот кризис опричниной, насильственными переселениями купцов и ремесленников во внутренние регионы страны.

Судя по летописным сведениям, Иван Грозный применял к купцам и ремесленникам жесткие репрессивные меры, что укладывалось в стратегию «выколачивания денег» из населения. Например, в 1555 году царские власти устроили массовую казнь торговых людей в Москве; судя по описанию летописца, торговавшим в Москве людям была устроена просто резня (Перхавко, 2006. С. 464-465). Это событие можно считать прелюдией к более крупным погромным акциям против посадского населения, которые устроит Иван Грозный уже в период опричнины.

Посмотрим теперь на ситуацию уже во времена Бориса Годунова. Когда Борис был избран на царство, он ввел на целый год «налоговые каникулы» для всего населения страны (Скрынников, 1988. С. 40). Ко времени воцарения Федора Иоанновича численность конного войска, состоявшего в значительной степени из дворян, увеличилась в 3-4 раза по сравнению с началом правления Ивана Грозного (Нефедов, 2010. С. 284). Большинство дворян получали жалование, и во времена Бориса Годунова оно было значительным — только новик получал 14 рублей в год, когда годовое жалование стрельца составляло порядка 3 рублей в год. Кроме того, Борис Годунов часто отправлял заграничные посольства, активно строил и расширял крепости, привлекая в их гарнизоны «своих» казаков, что также стоило немалых денег. С каких это средств царь Борис стал таким щедрым, когда еще недавно государство страдало от нехватки денег? По нашему мнению — во многом именно благодаря северной торговле.

В 1587 г. правительство Федора Иоанновича, фактическим регентом при котором был Борис Годунов, упразднило монополию английской Московской компании на торговлю в устье Сев. Двины. Это решение было принято в пользу голландских купцов, которые давно имели виды на русскую торговлю. Секрет успеха голландцев заключался в том, что они готовы были продавать русским серебро, в то время как англичане, будучи ограничены в этом аспекте своим законодательством, старались не вывозить драгоценные металлы из своей страны. Таким образом, голландцы стали источником притока серебра в Россию.

В 1604 г. (у нас есть данные только за этот год) голландцы, англичане и французы ввезли в Россию через Архангельск серебра на 43.505 руб., из них голландская доля составила 27.113 руб. (*Велувенкамп, 2006. С. 51*). Это огромная сумма, однако мы можем предположить, что в предыдущие годы масштабы ввоза серебра были еще большими, так как Россия в 1601-1604 гг. пережила тяжелый аграрный кризис. Если в Россию с 1587 г. по 1604 г. включительно ввозилось по 40 тыс. руб. серебра в среднем за год, то Россия получила вброс почти 700 тыс. рублей за 17 лет. Общие же доходы казны Московского государства составляли в конце XVI в., уже после смерти Ивана Грозного, 1,43 млн. рублей в год, из которых около 800 тыс. руб. приходилось на таможенные сборы, судебные пошлины и кабацкие сборы (*Нефедов, 2010. С. 284*).

Правительства Федора Иоанновича и Бориса Годунова, а потом и просто правительство Годунова смогли снизить налоги еще задолго до 1600 года, что должно было иметь под собой финансовый базис. Вина, ткани, драгоценные металлы, жемчуг и т.д. как готовые товары либо просто как сырье расходились по Московской Руси. Через Архангельск на Русь попадали практически все шерстяные ткани дорогих сортов, которые везли голландцы. Это намного позднее лидерами в торговле сукном станут англичане, а тогда первенство было именно за Нидерландами.

Покупательная способность населения Московской Руси была низкой и понижение налогов при регентстве Годунова стимулировало в первую очередь потребление знати. Обогащение части боярства и рост потребления в отдельных сегментах общества не могло не привести к росту цен в городах.

У нас мало данных о ценовой ситуации в Московском государстве перед воцарением Бориса Годунова. Однако у С. А. Нефедова приводятся данные, что реальная зарплата монастырских работников упала к началу XVII в. в 1,5 раза (*Нефедов, 2010. С. 289*). Правда, С. А. Нефедов связывает это падение с ужесточением крепостного права. Но если закрепощение крестьянства (которое, впрочем, имело место и ранее) и могло повлиять на стоимость рабочей силы, то только в сторону ее роста, так как свободных рабочих рук на рынке становилось все меньше. Кроме того, номинальная зарплата рабочих при монастыре не изменялась, росли только цены, поэтому данный факт едва ли вообще можно связывать с трансформациями на рынке труда. Сам же С. А. Нефедов приводит сведения, что монастырские работники имели возможности воздействовать на монастырские власти в вопросах установления оплаты труда.

Закрепощение крестьян и увеличение ренты помещиков при Борисе Годунове должны были стимулировать ослабление аграрной миграции в зоны Черноземья, а с другой стороны, взвинтить цены на труд в аграрном секторе экономики. Также рост ренты должен был стимулировать потребление элиты, в частности, импортных товаров. В 1604 г. через один Архангельск в Россию было завезено товаров на сумму в 105.344 рубля (*Велувенкамп, 2006. С. 51*), и это только по ввозным ценам непосредственно в порту.

Если посреднические надбавки купцов внутри страны порой составляли несколько сотен процентов, а право на торговлю от Годунова получило много иностранных купцов, то можно представить масштабы расходов знати на потребление и объемы доходов иностранцев в России. Но эти деньги едва ли шли в аграрный сектор и промышленность. Они снова пускались в оборот и в закупку экспортируемого в Англию и Голландию сырья, включая особо ценную пушнину. Этим, на наш взгляд, и можно объяснить сельскохозяйственный кризис в России начала XVII в.

Нам трудно сказать сегодня точно, имела ли Россия на рубеже XVI-XVII вв. отрицательный либо положительный торговый баланс. Но мы готовы утверждать, что все-таки он был положительным. Такую уверенность дают нам сведения о сибирском ясаке, который начал собираться еще даже до похода Ермака против Сибирского ханства. Разумеется, данные о выплатах народами Сибири дани

пушниной носят для эпохи Ивана Грозного скорее всего эпический характер и не могут быть приняты всерьез для исследования, но уже в эпоху первых Романовых сибирский ясак уже был хорошо статистически обработан.

По данным Сибирского приказа от 1637 г., сумма сибирской пушной дани составила 150 тыс. руб. в государственных ценах (*Милюков, 1905. С. 153*). По нашим оценкам, Иван Грозный в конце своего правления мог получить от Сибири пушнины максимум на 105 тыс. руб. (*Попов, 2011*).

Большая часть сибирского ясака шла на экспорт. Шкурки соболя стали в конце XVI в. даже местной валютой в Архангельске. Мы можем предположить, что до 90% пушнины Московская Русь отправляла на экспорт, поэтому доходы только от пушной торговли могли составить для экономики порядка 100 тыс. руб. Но русские торговали с англичанами и голландцами также пенькой, салом и некоторое время даже хлебом. Русский хлеб голландцы реэкспортировали из Архангельска в Венецию.

Надо также учесть, что, помимо ясачного сбора, русский экспорт пушнины включал и добытые частным образом шкурки. Главными поставщиками пушнины в Архангельск были купцы Строгановы. Известно, что именно дом Строгановых долгое время выступал главным внутренним кредитором правительства Ивана Грозного. Только налогов они давали царю порядка 23 тыс. руб. в год (*Бессолицын, Кузьмичев. 2005. С. 50*). Если Строгановы могли делать такой объем выплат Московскому государству, то можно представить масштабы пушной торговли, которую они осуществляли.

Вероятно, полученная Строгановыми при Иване Грозном и Борисе Годунове прибыль от пушной торговли была очень крупной, если за период Смуты Строгановы пожертвовали государству, в том числе рати Дмитрия Пожарского, 841.762 рубля. Это больше, чем годовые сборы государства от прямого налогообложения в то время.

Гипотетически можно сказать, что Россия при Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове получала от внешней торговли более 100 тыс. рублей чистого экспорта, что не могло не изменить ценовую ситуацию в экономике. Разумеется, деньги от торговли попадали в основном в северные волости и в крупные города страны, где концентрировались торговые капиталы. Возникла ситуация, очень похожая на ту, что сложилась в Испании в те же времена, приток серебра там вызвал рост цен и снижение объемов инвестиций в материальное производство.

Кризис отношений государства с казачеством

Рост от внешней торговли бюджетных доходов государства делал ненужными иррегулярные формирования в войсках, в первую очередь казаков. Москва могла теперь нанимать больше стрельцов и строить крепости вдоль границ. Данный фактор политически дестабилизировал казачью массу.

Казаки, на наш взгляд, стали мир-системным фактором в развитии политической ситуации в России в XVI-XVII вв.

Казачество явилось результатом кризиса Золотой Орды и других государств Чингизидов в XIV-XV вв. В Средней Азии казаками называли людей, не признающих власть ханов. Собственно, так оно было везде — непризнание над собой государственной власти было присущей казакам чертой. Изначально казаки, судя по всему, формировались из числа слабых и потерявших связь с ханской властью кочевых родов.

К середине XV в. в результате эпидемий чумы и войн степи Евразии обезлюдели, и экологическую нишу стали заполнять казаки, по сути, те же самые кочевники, только жившие по архаическим законам. К ним примыкали беглые из Московского государства и Литвы, что, собственно, укладывалось в традиционное поведение кочевников — принимать к себе чужеземцев.

Естественно, приток мигрантов из сельскохозяйственных районов и внутренний демографический рост спровоцировали демографическое давление на

экологическую нишу уже к концу XVI в. Первыми проблему перенаселения стали испытывать запорожские казаки.

Запорожцы начали переселяться на земли, номинально подконтрольные Московскому государству, то есть, в район излучины Дона. В 1600 году правительство Бориса Годунова издало указ, требовавший от донских казаков изгнать пришлых запорожцев со своей территории. К правлению царя Бориса также относится запрещение казакам въезжать в русские города, а также запрет на свободную торговлю с ними московских людей (*Станиславский, 1990*). Это означало, что казачество Дона полностью попадало в зависимость от воли царских чиновников. Но хлебная торговля с Москвой для казаков имела первостепенное значение – это был вопрос выживания.

Другим поводом для недовольства казаков Борисом Годуновым были попытки Москвы их переписать (*Станиславский, 1990*), что выходило за рамки сложившейся правовой традиции отношений вольного казачества с царскими властями. Тех, кто добровольно шел на службу царю, разумеется, переписывали, но казаки, жившие за пределами полосы московских укреплений, переписям не подлежали. У нас нет точных сведений, какую реально реакцию вызвали планы переписи среди казаков, но однозначно они не могли не спровоцировать неприязни к новому царю. Тем более, что Иван Грозный никогда не притеснял казаков.

Нетрудно представить, какие затруднения вызвал запрет Бориса Годунова на свободную торговлю с Доном. Мы предполагаем, что царь Борис решил на этот шаг под влиянием идей меркантилизма, которые могли проникнуть в Россию вместе с английскими и голландскими купцами. Прекратить свободную торговлю с Доном могли желать и особо приближенные к царю бояре. С одной стороны, бояре получали полный контроль над ситуацией с бегством крестьян в степи: теперь через хлебную монополию они были в состоянии легко давить на атаманов, чтобы те выдавали беглых. С другой стороны, это давало дополнительный сильный политический аргумент в переговорах с лидерами казачества о прекращении ими набегов на Крым, поскольку от крымцев неминуемо следовал ответ в виде атак уже на территорию Московского государства, от чего страдали в первую очередь богатые боярские вотчины. Монополия на хлебную торговлю с Доном сулила также и значительные барыши тем боярам, которые взяли бы над ней контроль от имени государства, как это случилось с «английской торговлей» в Архангельске.

Мотивы действий Бориса Годунова могли быть и более глубокие, нежели просто предоставление дополнительных источников обогащения группе чиновников. Царь Борис повел наступление на новую знать, то есть тех, кто получил боярский статус при Иване Грозном. Старое московское боярство никогда не было довольно притоком в государство всяких пришлых князей, например, черкесов. Тем более, как это случилось с князьями Черкасскими, иммигранты часто получали положение в государстве гораздо более высокое, нежели коренная знать, поскольку цари использовали пришлых князей как фактор укрепления своей власти. Сам Борис Годунов был выходцем из старой московской, а точнее владими́ро-суздальской, аристократии, его предок служил еще Александру Невскому. Таким образом, у Годунова были все основания проводить политику, направленную против пришлых князей, что будет иметь трагические последствия.

Казачество прочно ассоциировалось у коренной знати именно с этими пришлыми, поскольку привилегии от Ивана Грозного получали не только князья из «черкас», «ногаев» и прочих пришлых, но и простые инородцы. Кроме того, казачье землевладение ограничивало распространение боярских поместий в зоне Черноземья, так как Иван Грозный позволил казакам свободно селиться в обороняемой полосе, которая начиналась сразу за Серпуховым.

Экономические последствия давления на казачество были для Руси достаточно тяжелыми. Здесь мы выдвинем гипотезу, что голод 1602-1603 гг. был вызван, скорее всего, нарушением нормального товарообмена между земледельцами и степными скотоводами, то есть казаками Руси.

Казачество, повторимся, это не просто пограничные стражи, а куда более сложное социальное явление, уходящее своими корнями в процессы монгольского периода, происходившие преимущественно за пределами Руси. Мы идентифицируем казачество как «степную Русь», в которой воплотилась частично Золотая Орда. Между русскими и народами европейских степей исторически существовал интенсивный товарообмен.

Вызванный похолоданием 1600-1602 гг. аграрный кризис во всей Европе оказался столь драматичным только в Московском государстве и в меньшей степени в Великом княжестве Литовском. Как считает Р. Скрынников, мягкие последствия похолодания, самого сильного за второе тысячелетие, для остальных европейцев можно объяснить их способностью к тому времени создавать крупные запасы продовольствия и достаточно крупные резервы семян для посева. Однако в то же время он вынужден признать факты и спекуляции хлебом в Московской Руси в период голода 1601-1603 гг., и также затоваривание зерном перед наступлением кризиса.

То, что у государства и бояр были резервы зерна, не вызывает сомнения, если хотя бы обратиться к мерам правительства Бориса Годунова по борьбе с голодом. В 1601 г. в Москве начались раздачи хлеба из государственных запасов, чем занимался приказ Большого прихода (Скрынников, 1988. С. 40). Но, помимо хлебных пайков, чиновники раздавали также и деньги, как пишет современник «в будний день по полушке, по деньге в воскресенье». Соответственно, цены в 1601-1602 гг. не были еще столь высокими, если бедным хватало максимум одной деньги на пропитание. Факт денежных выплат наводит на следующую мысль: проблема голода заключалась не только в неурожаях, а еще в неплатежеспособности населения. Вероятно, последнее и было главным катализатором голода. Во время голода царь Борис обратился к князьям, боярам и монастырям продать свои излишки зерна по сниженным ценам. Потом царские чиновники поехали по стране переписывать старый хлеб, хранившийся в скирдах (Скрынников, 1988. С. 43).

Затоваривание и последовавшее за ним сокращение запашки в уже товарном сегменте аграрного сектора постсредневековой России стало, на наш взгляд, результатом внешней политики Бориса Годунова, направленной на разрыв равноправных отношений с казачеством.

Историк казачества Е. Савельев утверждает, что торговые отношения казаков с украинными городами Московского государства не носили масштабного характера. Тем не менее, этот вывод мы считаем не соответствовавшим действительности. Во времена Смуты казаки ставили свои лавки в русских городах, что говорит в пользу их заинтересованности в торговле. Другое дело, что московские купцы, жестко связанные с царской властью, не отваживались на торговлю с Доном.

Другим важным аспектом московско-донской торговли был сбыт казаками военных трофеев, взятых в землях Крымского ханства и Порты. Собственно, эта часть торговли в украинных городах и была важным стимулом для донских казаков совершать набеги на Крым. Это, очевидно, и было одной из центральных причин царского запрета на торговлю московских людей с казаками в начале XVII в. И здесь надо искать корни не только недовольства казачества Борисом Годуновым, но и более глубокие причины Смуты в Московском государстве, мир-системные причины.

Загадочное молчание Бахчисарая

Удивительным эпизодом событий Смутного времени является достаточно нейтральная позиция Крымского ханства и Османской империи по отношению к Московскому государству. Логично было бы со стороны крымских татар и турок активно вмешаться в русские дела, хотя бы совершив крупные набеги на украинные города. Московское государство после убийства Лжедмитрия I настолько ослабло, что не могло сопротивляться фактически разрозненным отрядам авантюристов из Литвы и Запорожья. Имея под своим началом до 20 тыс. сабель, крымские ханы

вполне могли исполнить свою мечту — захватить (или, как они считали, отвоевать) татарские территории, присоединенные к Москве Иваном Грозным. В союзе с турками крымцы вполне были в состоянии взять Москву и другие крупные города Руси. Но этого не произошло. Почему?

В конце XIX в. замечательный востоковед В.Д. Смирнов реконструировал историю Крымского ханства по татарским и турецким документам. Насчет событий Смуты получилась интересная картина внешней политики Крыма и Порты в отношении Москвы.

После смерти в марте 1608 г. хана Гази Герая в Крыму наступила своя небольшая смута. Два брата царских кровей Мухаммед-Герай и Шагин-Герай отказались признавать власть Порты и после достаточно успешных для них столкновений с турецкими войсками все-таки вынуждены были откочевать в ногайские степи, откуда они стали совершать набеги на Московское государство, царем в котором тогда был В. Шуйский.

Набеги двух братьев, о которых потом долго в Крыму и Турции слагали легенды, продолжались до тех пор, пока официальный Стамбул не повелел покончить с этим (*Смирнов, 2005. С. 351*). Самое интересное, что правительство Шуйского практически никак (даже дипломатически) не реагировало на создавшуюся у южных рубежей страны проблему. Инициатива подавить своевольных братьев-разбойников исходила от, вроде бы, исторически враждебных Москве Турции и Крымского ханства.

Против братьев хан Крыма Джаны-бек-Герай выставил почти все наличные войсковые силы своего государства, но даже тогда официальному Бахчисараю не удалось полностью разгромить мятежников, последние стали искать милости султана, правда, неудачно (в конце концов оба брата оказались в турецких тюрьмах).

Разумеется, Стамбул не волновала судьба русских крестьян, которых мятежники-братья сотнями (если не тысячами) продавали на невольничьих рынках. Мотив оберегать русские рубежи скрыт в более ранних событиях. Нам надо вернуться на несколько лет назад, в эпоху Гази Герая II по прозвищу Буря, правителя Крымского ханства в 1588-1607 гг. Гази Герай слыл талантливым полководцем, грозой венгров, однако при нем Крым уже не сохранял и намека на политическую независимость. Правда, татарские историки пытались приписать хану Гази сепаратистские устремления. Возможно, это — правда, но реальность была такова, что крымские татары в конце XVI в. были просто пушечным мясом в руках султана. Ни одна из крупных войн не велась крымцами без согласия Порты, а точнее, все войны Бахчисарай вел исключительно по приказам султана.

Практически весь конец XVI в. крымские татары воевали за турецкие интересы в Молдавии и на севере Балкан. О знаменитом походе на Москву в 1591 г. ни у турецких хронографов, ни у татарских историков того времени нет сведений. (Очевидно, битва за Москву 1591 г. была выдумана биографами Бориса Годунова. Возможно, где-нибудь под Серпуховым была стычка с каким-то татарским отрядом, но никак не сражение с участием главных сил московского войска.) Таким образом, с подписания унижительного для Московского государства мира 1571 г. (на время Иван Грозный согласился на восстановление ордынского «выхода») крымские татары не имели столкновений непосредственно с царскими войсками. Стычки происходили лишь между татарами и казаками.

Причина затишья на русско-татарской (а точнее надо было бы сказать, русско-турецкой) границе заключалась в том, что Османской империи необходимо было высвободить татарские контингенты для борьбы с венграми, молдованами и поляками. Турция все более увязала в войнах против католических государств и беспокойных молдавских князей. 7 октября 1571 г. произошла знаменитая битва при Лепанто, событие, имевшее мир-системные последствия, - турки лишились преимущества на море. Поэтому центр тяжести в борьбе за господство в Юго-Восточной Европе между христианами и мусульманами теперь перешел на сушу,

где туркам противостояла достаточно сильные польская и венгерская кавалерии.

Мир с Москвой был необходим туркам, поскольку любые крупные военные поражения в борьбе с католиками могли спровоцировать смуту внутри Османской империи. Русским царям тоже был необходим мир на южных рубежах, чтобы высвободить силы для борьбы с Польшей.

Разумеется, жалобы Бахчисарая на набеги донских казаков должны были сильно раздражать Бориса Годунова. А переселения исторически враждебных туркам запорожцев (ушедших в XV в. с Северного Кавказа на Днепр черкесов-христиан) на Дон категорически не устраивало Москву, это открывало уже перспективы большой войны с Портой.

В данных геополитических условиях Москва невольно становилась союзником Османской империи и Крыма. А казачество получало мотив встать на сторону Речи Посполитой, что в конечном счете и произошло.

В контексте геополитики начала XVII в. вполне понятны действия Шуйского и заговор его группировки против Лжедмитрия I. Массовое убийство подданных Речи Посполитой на свадьбе Лжедмитрия I и Марии Мнишек выглядит настоящим безумием, поскольку Москва после голода и гражданской войны не имела достаточно сил для обороны от поляков. Возможно, в случае с заговором мая 1606 г. мы имеем дело с международным заговором, за которым вполне могла скрываться Порта. Известно, что Лжедмитрий I собирался организовать поход против крымцев и турок; собственно, это и было главным условием для него со стороны короля Сигизмунда.

Теперь посмотрим, что же произошло после майских событий 1606 г. в Москве на другом конце Европы. 11 ноября 1606 г. в деревне Житваторок был подписан мир между Австрией и Турцией, положивший конец Пятнадцатилетней войне за Венгрию. Инициаторами конфликта в конце предыдущего столетия стали боснийские мусульмане, которые очень хотели овладеть хорватской крепостью Сисак, бывшей ключом ко всей Австрийской империи. К 1604 г. военная удача стала более сопутствовать австро-венгерским войскам, когда в Трансильвании вспыхнуло восстание Бочкай. Это восстание носила чисто религиозный характер: протестантам Трансильвании не нравилась антиреформаторская политика императора Рудольфа II, и они были готовы войти в состав Османской империи. Чаша весов склонилась в пользу Порты, турки вернули важную крепость Эстергом. Австрийцам в этой ситуации оставалось надеяться только на внешнюю поддержку в лице поляков, конечно же, и их ревностного короля-католика Сигизмунда III.

В 1603 г. в Малой Азии вспыхнуло восстание недовольных новым султаном Ахмедом I. Вскоре восстанием воспользовалась Персия, напав на Османскую империю. Положение Стамбула стало критическим, поскольку мятежники в Малой Азии и персы угрожали лишить империю экономического базиса существования, восточных провинций.

Ударь тогда поляки совместно с русским корпусом Лжедмитрия I с севера, и Османской империи вполне мог прийти конец. Но в мае 1606 г. в Москве заговорщики устроили массовую резню поляков, приехавших на свадьбу Лжедмитрия I и Марии Мнишек. Русско-польская коалиция распалась. Началась затяжная война Речи Посполитой с Москвой.

Английский след в истории Второго ополчения

Английский след в истории разгрома Семибоярщины мы находим при анализе биографий некоторых знаменитых во времена Смуты личностей и их семей.

Обратим внимание на знаменитый род Татищевых. Этот род славился тем, что ряд его представителей в допетровской Руси выполнял высоко ответственные функции по обороне границ государства, служа воеводами в приграничных крепостях. Трое Татищевых — Юрий Игнатьевич, Григорий Игнатьевич и Владимир Игнатьевич — были современниками событий 1612 г. и вполне могли находиться недалеко от Москвы, когда Второе ополчение очищало столицу от войск

боярского правительства.

Григорий Игнатьевич Татищев участвовал в избрании на царство Бориса Годунова. Известно, что в конце 1612 года он был воеводой в Ваге, соответственно, назначен туда раньше. Городок Вага располагался почти в 400 км к юго-востоку от Архангельска. Но кто его туда отправил? Мог, конечно, Пожарский во время пребывания еще в Ярославле. Но едва ли Григорий принял бы такое назначение из рук главы непризнанного правительства, это не похоже на человека, участвовавшего в выборах Годунова. Вероятнее всего, в Ваге Григорий оказался по назначению либо Шуйского, либо боярского правительства. Конечно, это было не самое лучшее назначение в карьере Григория Татищева, но регион Архангельска имел для Московского правительства стратегическое значение — через него шла в основном очень выгодная торговля с Англией и Голландией.

Самый интересный персонаж — это Владимир Игнатьевич Татищев, соратник Скопина-Шуйского, единственный из этих трех, кто отказался признавать боярское правительство и принимал участие во Втором ополчении. Он интересен как автор письма выгегдцам с призывом собрать средства для ополчения. Но почему именно он обращался к жителям далекого края? Дело в том, что Выгегда принимала участие в приносившей высокие доходы «английской торговле», которая оказалась парализована в результате действий атамана Заруцкого в районе Ярославля.

Род Татищевых был каким-то тесным образом связан с Англией. Известно, что Юрий Игнатьевич, воевода в Курске, был вызван специально из Курска в 1616 году встречать английское посольство в Москве, где и остался. Вспомним, вскоре был заключен Столбовский мир. Григорий Татищев «сторожил» Вагу, пункт в сфере «английской торговли». А Владимир Игнатьевич призывал жителей Выгегды финансировать ополчение Минина и Пожарского.

Когда Заруцкий и сторонники тушинцев в Верхнем Поволжье перекрыли путь к Москве, заняв уже после смерти Лжедмитрия II Ярославль как важный транспортный узел, английские купцы сидели с товарами в Вологде. Можно представить их положение и положение русских купцов районов Выгегды и Архангельска, это — состояние затоваривания вследствие отсутствия сбыта и очень мрачные перспективы на будущее. Возможно, пропольская партия в Кремле ничего не имела против торговли с Англией и Голландией, но русско-английские отношения были под большой угрозой, поскольку за боярским правительством стояли поляки, которые были, как и все католики, против протестантских государств. К тому же, новое правительство в Москве было не в состоянии унять Заруцкого и его казаков, да и польские отряды ему фактически были неподконтрольны. Поляки (а точнее в большинстве своем украинцы и белорусы) упорно стремились прорваться к Вологде и Устюгу. Это вполне становится понятно, если вспомнить, что именно там с товарами и деньгами застряли английские и прочие иностранные купцы.

Вероятнее всего, Татищевы как-то экономически были тесно связаны с «английской торговлей», а, значит, могли вполне образовывать наряду с другими заинтересованными лицами проанглийскую, или пропротестантскую, партию в Московском государстве.

Вспомним, что было тогда в Англии, в начале XVII в. Только недавно умерла Елизавета I, сделавшая из своего королевства оплот протестантизма в Европе. Между скандинавами и англичанами налаживаются экономические и политические отношения, те и другие были ревностными протестантами. В Европе образовалась антипротестантская лига во главе с Испанией. Назревал большой конфликт, который должен был вылиться вскоре в Тридцатилетнюю войну. Шведам было крайне невыгодно усиление практически у себя в тылу Речи Посполитой за счет ее унии с Московией. Это могло означать существенную перетасовку сил в Европе в пользу католических радикалов, поскольку именно таковым слыл король Сигизмунд III. Отсюда в интересах всех протестантов было сохранение выгодной «архангельской торговли», а также хотя бы военного нейтралитета Москвы.

Собственно, эти задачи и осуществляет князь Пожарский.

У Д. Иловайского указано, что первыми на призыв Пожарского отозвались вяземские и дрогобужские дети боярские, которым не было дано испомещения боярским правительством, что стало и мотивом антипольского движения в этом сегменте служилого сословия. Вторыми пришли коломенцы и рязанцы, а затем уже казаки и стрельцы из украинских городов. У Иловайского указана интересная деталь: каждый ратник ополчения получал жалование 50 рублей по первому разряду и 30 — по второму (*Иловайский, 2003. С. 248*). Очевидно, это — годовой оклад, так как пушкар получал на Руси в среднем жалование максимум 3 рубля в год. Столь огромные оклады дворянам, пришедшим на службу к Пожарскому, сами говорят за себя — речь идет о серьезной материальной мотивации военных (очевидно, чисто моральные мотивы работали слабовато). Соответственно, чтобы поставить под ружье 1000 бойцов, Пожарскому надо было годовой бюджет порядка 40 тыс. рублей, учитывая дифференциацию оплаты военнослужащих по разряду.

Можно ли было собрать такую сумму? В 1612 году таможенные сборы одного Нижнего Новгорода составили всего 6 тыс. рублей. В Ярославле таможенные сборы давали обычно на треть меньше. Чистые доходы средней городской семьи в России того времени едва ли достигали максимум одного рубля, более половины населения жило в ужасной нищете. Накопления городских обывателей и крестьян в средние века обычно не были значительными, богатыми нельзя назвать даже нижегородских купцов того времени. Собрать большие суммы с крестьян в конце Смуты было практически невозможно, поскольку сельская экономика была основательно демонетизирована.

Из всего сказанного выше следует, что Пожарский мог собрать под свои знамена (по крайней мере, первоначально) максимум 1000 бойцов из числа служилых людей, хотя мы склоняемся к оценке порядка 500 человек. Тот факт, что дети боярские и дворяне снаряжались и кормились не за свой счет, а на деньги казны ополчения, говорит в пользу того, что большинство городских обывателей едва ли могло снарядить в то время себя на войну. Поэтому наша оценка численности Второго ополчения колеблется в пределах примерно одной тысячи человек. Атаковать с такими малочисленными силами Москву мог только безумец. Поэтому Пожарский и сидел несколько месяцев в Ярославле, ожидая изменения ситуации в самой Москве и прекрасно понимая, что Сигизмунд тоже стеснен в средствах и не может содержать в Московском княжестве большое войско.

Не исключено, что Пожарский ждал шведской финансовой поддержки. Именно в июле 1612 г. в Новгороде действовало посольство от ярославского правительства, которое возглавлял Степан Татищев — еще один представитель рода Татищевых. Сложность ситуации со шведами заключалась в том, что их король Карл IX умер, когда туда уже была отправлена миссия Степана Татищева. Возможно, смерть шведского короля внесла замешательство в действия Второго ополчения, поскольку было не очень хорошо известно о намерениях нового короля — Густава Адольфа — относительно дел в России. По мнению Д. И. Иловайского, идея избрать в русские цари принца Филиппа исходила от участников посольства игумена Геннадия и князя Оболенского (*Иловайский, 2003. С. 250*). Тем не менее, мы предполагаем, что шведский вариант изначально был в перспективах и самого князя Дмитрия Пожарского.

В 1612 г. произошло также еще одно очень любопытное событие, на котором надо подробнее остановиться. В июле в Архангельск прибыл небольшой (менее 150 человек) отряд английских наемников. Представитель английского отряда в августе встретился с князем Д. Пожарским и предложил услуги наемников, заявил, что «пошли де они с ведома английского короля». Вероятно, если бы это предложение было принято, то в Архангельск быстро пришли бы новые, более многочисленные отряды англичан. Однако Пожарский, наученный горьким опытом «помощи» шведов под руководством Делагарди, предложение англичан категорически отверг.

В российской историографии этот английский отряд рассматривается как

группа наемников, хотя реально это была, видимо, либо военная помощь, либо авангард оккупационного корпуса под видом военной помощи (как это проделали англичане в том же Архангельске в 1918 г.). Советские историки утверждали, что Д. М. Пожарский к помощи англичан сам не обращался и вообще был против иностранцев в своей войске и против использования иностранной помощи. Но тогда не совсем понятно, откуда он взял столько пороха и денег для ведения затяжной войны. Версия о народных пожертвованиях как о единственном источнике финансирования Второго ополчения кажется очень сомнительной.

Дискуссия об английском «ограниченном контингенте» стихла к концу советского периода (Любименко, 1941; Солодкин, 2012). В императорской России этот вопрос вообще было не принято обсуждать. Позиция историков режима Романовых вполне понятна: концепция «царь, вера и основная народность» базировалась во многом именно на официальной интерпретации событий XVII в., в которой не было места сюжетам о помощи извне. Н. Карамзин лишь вскользь упомянул о планах правительства английского короля Якова I превратить Россию в колонию. Реально такой план существовал и исходил от английских купцов, торговавших в Архангельске. (По сути, такой же план был в скором будущем осуществлен англичанами в Индии.)

Попробуем разобраться в возможном смысле прихода в Россию английских солдат. Действительно, едва ли англичане могли предложить своего короля Якова I как реального претендента на русский престол, это было бы слишком необычно. Но был шведский принц Филипп, вполне подходящая кандидатура – он принадлежал к династии, максимально лояльной Англии. Дмитрий Пожарский даже после освобождения Москвы был на стороне этой кандидатуры. Поэтому несколько тысяч английских солдат могли стать веским «аргументом» в пользу избрания на престол не Михаила Романова (избранного тоже во многом под угрозой применения оружия – оружия казаков), а шведского принца. В этом случае Московское государство включилось бы в глобальный общеевропейский конфликт католиков и протестантов на стороне протестантских государств, а торговля англичан через Архангельск была бы надежно защищена.

В реальной истории надежды англичан на подчинение Московского государства не оправдались. Правительство Михаила Романова сохранило за английской Московской компанией право беспошлинной торговли, но заставило компанию поставлять в царскую казну товары по низким ценам, запретив ей к тому же вывозить шёлк. По итогам Смуты, таким образом, России в целом удалось сохранить самостоятельность как пусть и периферийного, но самостоятельного актора капиталистической мир-экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессолицын А. А. и Кузьмичев А. Д. (2005). Экономическая история России. Очерки развития предпринимательства. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
- Велувенкамп Я. В. (2006). Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550-1785. М.: «Российская политическая энциклопедия».
- Иловайский Д. И. (2003). Новая династия. М.: Издательство Астрель.
- Любименко И. И. (1941). Планы английской интервенции в России в начале XVII столетия // *Советская наука*, № 2.
- Милюков П. Н. (1905). Государственное хозяйство и реформа Петра Великого. СПб.
- Нефедов С. А. (2010). История России. Факторный анализ. Т. I. С древнейших времен до Великой Смуты. М.: Издательский дом «Территория будущего». (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
- Перхавко В. Б. (2006). Торговый мир средневековой Руси. М.: Academia.
- Попов Г. Г. (2011). Социально-экономическое развитие и историческая демография Руси IX — начала XV вв. М.: «Издательство МГОУ».
- Скрынников Р. Г. (1988). Россия в начале XVII в. «Смута». М.: «Мысль».

Смирнов В. Д. (2005). Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в 2-х томах. Т. I. М.: Издательский дом «Рубежи XXI».

Солодкин Р. Я. (2012). Проект установления английского протектората на Севере России (начало XVII столетия) в российской историографии // *Вестник Тюменского государственного университета*, № 2.

Станиславский А. Л. (1990). Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М.: «Мысль».

REFERENCES

Bessolitsyn A. A. and Kuz'michev A. D. (2005). Economic history of Russia . Essays on the entrepreneurship development. M.: Publ. House of HSE. (in Russian).

Veluvenkamp J. W. (2006). Arkhangelsk. Dutch entrepreneurs in Russia. 1550-1785. M.: "Russian Political Encyclopedia". (in Russian).

Ilovajskiy D. I. (2003). New dynasty. M.: Publ. House Astrel. (in Russian).

Lyubimenko I. I. (1941). Plans for British intervention in Russia in the early XVII century. *Soviet science*, no. 2. (in Russian).

Miliukov P. N. (1905). State economy and reform of Peter the Great. St. Petersburg. (in Russian).

Nefedov S. A. (2010). History of Russia. Factor analysis. Vol. I. From ancient times to the Great Troubles. M.: Publ. House "Territory of the future". (Series "Alexander Pogorelsky University Library"). (in Russian).

Perhavko V. B. (2006). Commercial world of medieval Russia. M.: Academia. (in Russian).

Popov G. G. (2011). Social-economic development and historical demography of Russia in IX - beginning of the XV century. M.: Publ. House MGOU. (in Russian).

Skrynnikov R. G. (1988). Russia at the beginning of the XVII century. "The Time of Troubles". M.: "Thought". (in Russian).

Smirnov V. D. (2005). Crimean Khanate under the rule of the Ottoman ports in 2 vols. Vol. I. M.: Publ. House "Frontiers XXI". (in Russian).

Solodkin R. J. (2012). The project of British protectorate establishing in the northern Russia (the beginning of the XVII century) in Russian historiography. *Bulletin of the Tyumen State University*, no. 2. (in Russian).

Stanislavsky A. L. (1990). Civil war in Russia in XVII . Cossacks at the turn of history. M.: "Thought". (in Russian).

ФОРМИРОВАНИЕ КВАЗИ-ИНТЕГРИРОВАННЫХ БИЗНЕС-СТРУКТУР С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ПРИНИМАЮЩЕГО РЕГИОНА

ГОЛЕВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и регионального менеджмента,
ИППК ЮФУ,
e-mail: golevag@mail.ru

В статье рассмотрен феномен квази-интеграции с участием прямых иностранных инвестиций. Автором выделены направления взаимного влияния ПИИ и институциональной среды принимающего региона. Также обосновано значение указанных тенденций для развития методологии региональной инвестиционной политики.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции; институциональные условия; принимающие регионы; пространственная организация региональной экономики.

FORMATION OF QUASI-INTEGRATED BUSINESS STRUCTURES WITH FOREIGN CAPITAL PARTICIPATION IN INSTITUTIONAL CONDITIONS OF HOST REGIONS

GOLEVA GALINA, A.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department «Economics and Regional Management»,
IRPD, Southern Federal University,
e-mail: golevag@mail.ru

The phenomenon of quasi-integration with participation of foreign direct investments is analyzed in the paper. The mutual impact areas of FDI and institutional environment of the host region are highlighted. These trends importance for the methodology of regional investment policy improvement is underlined.

Keywords: foreign direct investments; institutional conditions; host regions; spatial organization of regional economy.

JEL: B52, E22, R10.

Осуществление прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в принимающем регионе сопровождается реализацией различных форм экономического сотрудничества между местными и иностранными компаниями. Оно осуществляется в условиях, когда наиболее значимым элементом пространственной организации региональной экономики в современных условиях становятся объединения компаний, организованные на принципах сети (то есть квази-интегрированные бизнес-структуры).

В связи с усилением роли ПИИ в региональной экономике, активизации процессов глобализации и интернационализации хозяйственной жизни актуальным становится развитие научно-методологических подходов к исследованию таких

© Голева Г. А., 2013

структур, формирующихся и действующих с участием иностранного капитала в форме ПИИ.

Эта проблематика является относительно новой, хотя отдельным ее аспектам были посвящены работы таких авторов, как Кузнецов А. В., Казнина О. В., Родченко В. В., Филатова Ю. В. и др., и соответственно требует дальнейшего изучения.

Международная компания, осуществляя прямые иностранные инвестиции в регионе, оказывается в тесном взаимодействии с широким кругом местных хозяйствующих субъектов, как то: соучредители, лицензиаты, франчайзеры, подрядчики, аутсорсеры, клиенты, поставщики, высшие учебные заведения, научно-исследовательские организации, а также компании, осуществляющие инфраструктурное обеспечение бизнеса и действующие в сфере транспорта, логистики, страхования, инжиниринга, подбора кадров и проч.

Формируемое в результате такого взаимодействия объединение компаний функционирует зачастую не на основе распределения прав собственности, а благодаря наличию единой цели, с которой согласуются цели каждого из участников, и взаимных контрактов. Оно характеризуется как сеть и действует на принципах квази-интеграции.

С позиций институциональной теории квази-интеграция представляет собой систему контрактов между формально независимыми бизнес-единицами, основанную на совместном использовании активов (ресурсов) и нацеленную на достижение общей цели. Наличие множественности целей участников делает возможным достижение согласия в ограниченном временном периоде и требует выработки внутренних механизмов его поддержания в рамках интраэкономического квазирыночного пространства. К таковым можно, в частности, отнести полупоформальные экономические и внеэкономические персональные отношения (дружба, доверие и т.п.), частные механизмы улаживания конфликтов (в отличие от судебного порядка). В таких объединениях существует собственная институциональная среда, в которой важная роль отводится неформальным (полупоформальным) связям участников.

Ядро квази-интеграции с участием иностранного капитала в форме ПИИ составляет обычно крупная компания, обладающая экономической властью. Гипотетически, такая компания может иметь как российское, так и иностранное происхождение. Однако реалии таковы, что пока число крупных российских международных компаний невелико, и зачастую в качестве ядра сети с ПИИ выступает крупная иностранная компания (в частности, ТНК).

Каждая из сторон интеграции, однако, способна внести вклад в развитие интеграции, который реализуется через имеющийся брэнд, технологии, производственную базу, научные, управленческие, производственные кадры и проч.

Выбор партнера по интеграции осуществляется на основе взаимной оценки сторонами друг друга, в число которых, в частности, входят надежность, репутация, доверие, информационная прозрачность, отношение с местными властями, принадлежность к элите, отношение (принадлежность) к теневому сектору экономики, устойчивость, результативность, конкурентоспособность бизнеса и другие.

Институциональный анализ форм международного экономического сотрудничества, предваряющих или сопутствующих ПИИ в регионе и участвующих в процессах квази-интеграции иностранных и местных фирм, представлен в табл. 1. Взаимозависимость участников международного экономического сотрудничества возрастает по мере движения от первой к четвертой формам сотрудничества, указанным в таблице.

К преимуществам форм международного экономического сотрудничества (в том числе предваряющих или сопутствующих ПИИ) в форме квази-интеграции на основе проведенного анализа можно отнести снижение транзакционных издержек, гибкость, адаптивность, возможности диверсификации на основе использования преимуществ специализации и кооперации участников группы, более полную

реализацию мультипликативного эффекта прямых иностранных инвестиций за счет эффективного развития сопряженных производств и установления более тесных прямых и обратных связей и другие.

Квази-интегрированные бизнес-структуры с участием капитала в форме ПИИ функционируют в условиях множественности воздействующих на них сред, в том числе международной среды, национального государственного управления принимающей страны и, в частности, регионального управления принимающего региона; страны базирования компании - иностранного инвестора; внутренней и внешней бизнес конкуренции, общественного регулирования принимающего региона.

Специфическим является и управление внутри рассматриваемых бизнес-интеграций, интернациональное по своей природе и призванное достигать баланса интересов сторон при различной возможной степени их влияния на объединение в целом.

Взаимодействие ПИИ с институциональной средой принимающего региона двояко. С одной стороны, прямые иностранные инвестиции «встраиваются» в институциональные условия принимающего региона, адаптируются к ним. С другой, - способны оказать и оказывают существенное влияние на их трансформацию, например, по таким направлениям, как развитие местной нормативно-правовой базы, адаптация международных стандартов, развитие прогрессивного экономического сотрудничества в форме производственной и научно-технической кооперации, расширение информационной среды бизнеса, влияние на местный рынок труда через такие факторы, как уровень заработной платы, внутрикорпоративная этика, новая культура трудовых отношений, социальная ответственность бизнеса.

Присутствие в регионе бизнеса с участием ПИИ способствует наполнению потребительского рынка новыми товарами, модифицирует комплекс потребительских предпочтений.

Их влияние сказывается и в политической и общественной сферах через установление системы отношений с местными органами власти, участие в социальных проектах, процессах подготовки и переподготовки кадров, финансировании образовательных учреждений и проч.

Развитие различных форм сотрудничества между местными и иностранными компаниями, предваряющих или сопутствующих ПИИ, приводит к изменениям в предпринимательской культуре, проводниками которой выступают контрактные отношения и неформальные связи.

В этой связи можно утверждать, что международные компании посредством ПИИ способствуют переносу (трансплантации) институтов ведущих промышленно развитых стран с рыночной экономикой в институциональную среду принимающих регионов.

В условиях неразвитости институциональной среды российских регионов этот перенос напрямую зачастую затруднен и требует соответствующей адаптации.

Так, для нашей страны характерно большое распространение неформальных институтов, относительная неразвитость правосознания, слабость судебной системы. Характерной чертой российской практики является институциональная инерционность, трудность приживаемости новых институтов, приверженность так называемому «сетевому капитализму» - сложившейся практике неформально действовавших в советский период системы персонифицированных отношений руководителей бизнеса и власти.

Налицо действие фактора зависимости от предыдущего периода развития (path dependence) и асимметрии информации, обосновывающих инерционность институциональных обновлений или так называемого QWERTY-подхода в теории институционального развития (*Кастальди и Доси, 2005; Коуэн, 2004*). Указанные тенденции приводят к тому, что привносимые ПИИ изменения зачастую получают негативную окраску в лице бизнес-сообщества, слабо воспроизводятся.

Таблица 1
Формы международного экономического сотрудничества или сопутствующие ПИИ в регионе и участвующие в процессах квази-интеграции иностранных и местных фирм (институциональный анализ)

	1	2	3	4
Общая характеристика	Взаимодействие юридически самостоятельных бизнес-единиц на основе единичных классических контрактов	Формирование объединения (бизнес-интеграции) с мягким децентрализованным управлением при сохранении юридической самостоятельности участников объединения	Формирование объединения (бизнес-интеграции) с централизованным управлением при сохранении юридической самостоятельности участников объединения	Объединение бизнес-единиц с утратой ими юридической самостоятельности, установление централизованного управления
Виды контрактов	Единичные классические контракты	Неоклассические контракты ¹⁾ Отношенческие контракты ²⁾	Неоклассические контракты Отношенческие контракты	Юридическое оформление слияния/поглощения
Организационно-экономическое оформление отношений	Договорная производственная кооперация Аутсорсинг Бубконтрактинг Франчайзинг	Стратегический альянс Виртуальная корпорация Кластер Фокальная и динамическая сети создания ценности ТПК нового типа	Концерн Конгломерат Синдикат Картель ФПП	Создание нового юридического лица (СП) Присоединение бизнес-единиц к уже существующему юридическому лицу через процедуры слияния и поглощения
Горизонты сотрудничества	Кратковременное сотрудничество в рамках договора	Средне и долгосрочное сотрудничество	Средне и долгосрочное сотрудничество, основанное на квази-иерархии ³⁾	Долгосрочное сотрудничество Жесткое централизованное управление на основе иерархии
Регулирование	В судебном порядке	Системный характер регулирования отношений на основе собственной внутриинтеграционной институциональной среды	Системный характер регулирования отношений на основе собственной внутриинтеграционной институциональной среды	
Позиция в дихотомии «рынок – власть»	Рынок (рыночный обмен) Опирается на цены	Квази-интеграция (гибрид) Опирается на квазирыночные связи		Классическая интеграция (фирма, корпорация) Опирается на власть

¹⁾ Долгосрочный контракт, заключаемый в условиях неопределенности и определяющий основные рамки (принципы) взаимовыгодного сотрудничества. Может носить разовый характер и быть основан на личных отношениях сторон.

²⁾ Взаимовыгодный контракт, определяющий общие условия и цели взаимоотношений сторон, механизмы принятия решений и разрешения конфликтов, в нем неформальные условия преобладают над формальными (прим. авт.).

³⁾ Например, холдинг.

Однако даже несмотря на это, в квази-интегрированных бизнес-структурах с участием иностранного капитала в форме ПИИ происходит создание новой системы правил, смещение акцентов в сторону существующей международной практики, международных стандартов, международной правовой базы. У российских участников бизнес-интеграции постепенно формируется мотивация к адаптации институциональных изменений, вызванных ПИИ, которую обуславливает усиление международной конкуренции, все более активное включение российских компаний в глобальную экономику.

Имплантиция норм, к которым привыкли международные корпорации, в рамках квази-интегрированных бизнес структур принимается российскими участниками под воздействием эффекта догоняющего развития или эффекта подражания, а также в случае принуждения со стороны властей (когда они «продвигают» подобную политику в условиях участия в международном интеграционном блоке, например) или со стороны бизнес-сообщества.

В результате через различные формы экономического сотрудничества, предваряющие или сопутствующие ПИИ, иностранные компании вторгаются в институциональные основы внутренней среды местных фирм в том числе: трудовые отношения, поставки, логистику, работу с клиентами, бизнес-планирование, организацию производства, учет и отчетность и проч.

Международные компании, осуществляющие ПИИ в регионе, способны оказывать влияние и на характер его внешних связей, вмешиваясь таким образом в процесс международной позиции региона. В этих условиях для региональных властей остро встает задача выработки адекватных механизмов регулирования ПИИ, нацеленных на минимизацию их возможных негативных последствий, и формирования модели зависимого от внешних факторов развития региона.

Международные компании в определенных условиях могут обеспечивать эффективное включение региона в систему международного разделения труда (или создавать предпосылки для такого включения). В силу своей экономической, политической, финансовой мощи они могут оказывать доминирующее влияние в региональных социально-экономических системах, подчиняя своим интересам деятельность экономических, политических и социальных институтов.

В интересах региона обеспечить адекватное включение местных компаний в международные цепочки добавленной стоимости, и в этом контексте особая роль отводится региональным бизнес-интеграциям, имеющим возможность с большим успехом интегрировать производственный и научно-технический потенциал территории и противопоставить его в условиях конкурентного взаимодействия своим иностранным партнерам.

При благоприятных для принимающего региона условиях международная компания через ПИИ может выступать в качестве института развития в регионе посредством создания предпосылок для эффективного включения региона в систему международного разделения труда; освоения не задействованных ранее местных ресурсов, в том числе предпринимательских, финансовых, производственных; последовательного имплантирования в местную институциональную среду рыночных институтов и др.

Однако такую функцию развития международные компании, осуществляющие прямые иностранные инвестиции, способны реализовать только в условиях формирования интеграции с местными экономическими и административными субъектами, то есть через квазирыночную корпоративную интеграцию.

Важность институциональных изменений, способных изменить ситуацию с привлечением ПИИ в российские регионы не только с точки зрения увеличения их притока, но и повышения их эффективности, осознается на всех уровнях государственного управления в России и находит отражение в ряде нововведений.

Так, например, способность формировать благоприятный инвестиционный климат в регионе становится одним из критериев, по которым оценивают

эффективность работы чиновников. Основанием для этого является Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», в соответствии с которым результаты деятельности органов местного самоуправления оцениваются в следующих сферах: экономическое развитие, дошкольное образование, общее и дополнительное образование, культура, физическая культура и спорт, жилищное строительство и обеспечение граждан жильем, жилищно-коммунальное хозяйство, организация муниципального управления, энергосбережение и повышение энергетической эффективности на основе перечня показателей¹. В регионах осуществляется также рейтинговая оценка эффективности деятельности глав муниципальных образований по привлечению инвестиций.

Целям создания в регионах благоприятных институциональных условий для ПИИ служит и Региональный инвестиционный стандарт – проект Агентства стратегических инициатив (АСИ). Стандарт содержит 15 положений - направлений действий, которые должны предпринять местные органы власти для формирования благоприятного инвестиционного климата.

В частности, Стандарт включает осуществление региональными властями следующих мер: утверждение высшим органам государственной власти субъекта РФ инвестиционной стратегии; формирование и ежегодное обновление плана создания необходимой для инвесторов инфраструктуры в регионе; ежегодное послание высшего должностного лица субъекта РФ «инвестиционный климат и инвестиционная политика субъекта РФ»; принятие закона субъекта РФ о защите прав инвесторов и механизмах поддержки инвестиционной деятельности; наличие совета по улучшению инвестиционного климата; наличие специализированной организации по привлечению инвестиций и работе с инвесторами; наличие доступной инфраструктуры для размещения производственных и иных объектов инвесторов (промышленных парков, технологических парков); наличие механизмов профессиональной подготовки и переподготовки по специальностям, соответствующим инвестиционной стратегии региона и потребностям инвесторов; создание специализированного интернет-портала об инвестиционной деятельности в субъекте РФ; наличие в субъекте РФ единого регламента сопровождения инвестиционных проектов по принципу «единого окна»; принятие высшим должностным лицом субъекта РФ инвестиционной декларации региона; принятие нормативного акта, регламентирующего процедуру оценки регулирующего воздействия принятых и принимаемых нормативно-правовых актов, затрагивающих предпринимательскую деятельность; наличие системы обучения, повышения и оценки компетентности сотрудников профильных органов государственной власти субъектов российской федерации и специализированных организаций по привлечению инвестиций и работе с инвесторами; включение представителя потребителей энергоресурсов в состав органа исполнительной власти субъекта РФ в сфере государственного регулирования тарифов - региональной энергетической комиссии (РЭК) и создание коллегиального совещательного органа при РЭК, включающего представителей делового сообщества; наличие канала (каналов) прямой связи инвесторов и руководства субъекта РФ для оперативного решения возникающих в процессе инвестиционной деятельности проблем и вопросов.

Апробация Стандарта была осуществлена в 6-ти «пилотных» регионах (Республика Татарстан, Пермский край, Калужская, Липецкая, Свердловская, Ульяновская области). К концу 2013 года стандарт должен быть внедрен во всех регионах России.

Целям адаптации международных компаний - реальных и потенциальных инвесторов в российских регионах - служит деятельность институтов поддержки иностранных инвестиций: НАПИ – национального агентства прямых инвестиций, РФПИ - Российского фонда прямых инвестиций; института федерального

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. N 607 "Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов".

инвестиционного уполномоченного для сопровождения проектов иностранных инвесторов при Минэкономразвития России, который выполняет функции аппарата омбудсмена с 2010 года; Агентства стратегических инициатив и других.

Сеть институтов поощрения иностранных инвестиций формируется на региональном уровне. Сегодня они созданы в 22 субъектах Российской Федерации².

Таким образом, в современных условиях включение прямых иностранных инвестиций в региональную экономику происходит через тесное взаимодействие иностранных компаний с местными компаниями-резидентами в условиях распространения квази-интеграции бизнеса с присущими ей организационно-экономическими отношениями.

Трансформация территориально-производственной организации региональной экономики не может не затрагивать процессы регулирования ПИИ на мезоуровне, напротив, она оказывает непосредственное влияние на институциональные условия привлечения и освоения иностранных инвестиций.

В этой связи возрастает значение учета институциональных условий привлечения ПИИ в региональную экономику в развитии концептуальных и методологических подходов к современной политике регионов по привлечению иностранных инвестиций, и ПИИ, в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. N 607 "Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов".

Кастальди К. и Доси Дж. (2005). Тиски истории и возможности для новизны: некоторые результаты и открытые вопросы, связанные с зависимостью от предшествующей траектории развития в экономических процессах // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т. 3, № 2.

Коуэн Р. (2004). Зависимость от предшествующей траектории развития, причинная связь и экономическая политика // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т. 2, № 4.

Руководители региональных агентств по привлечению инвестиций обсудили перспективы развития. 10.10.2013. (<http://belgorodinvest.ru/index.php/ru/press-tsentr/novosti>).

REFERENCES

Presidential Decree of April 28, 2008 N 607 "On the effectiveness evaluation of local governments in urban and municipal districts". (in Russian).

Castaldi K. and Dosi J. (2005). Vise history and opportunities for innovation: some results and open questions related to the path dependence in economic processes. *Economic Herald of the Rostov state University*, vol. 3, no. 2. (in Russian).

Cowan R. (2004). Path dependence, causal relationship and economic policy. *Economic Herald of the Rostov state University*, vol. 2, no. 4. (in Russian).

Heads of regional investment promotion agencies discussed prospects of development. 10.10.2013. (<http://belgorodinvest.ru/index.php/ru/press-tsentr/novosti>). (in Russian).

² См.: Руководители региональных агентств по привлечению инвестиций обсудили перспективы развития. 10.10.2013. (<http://belgorodinvest.ru/index.php/ru/press-tsentr/novosti>).

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ КЛАСТЕРНЫХ ПРОЕКТОВ

КАПЛИНА АНАСТАСИЯ ВАЛЕРЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, докторант,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
e-mail: nastasiy84@mail.ru.

В статье с позиции структурно-функционального подхода исследуется реальное состояние и перспективы развития основных функций, которые должна выполнять действенная система финансирования кластерных инициатив в регионе.

Ключевые слова: институциональный базис; регион; структурно-функциональный подход; кластерные инициативы; финансирование.

STRUCTURAL-FUNCTIONAL APPROACH TO DEVELOPMENT OF REGIONAL SYSTEM OF CLUSTER PROJECTS FINANCING

KAPLINA ANASTASIA, V.,

Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Postdoctoral Student,
Rostov State Economic University (RSEU),
e-mail: nastasiy84@mail.ru

The real condition and development prospects of the main functions which the effective system of cluster initiatives financing in the region has to carry out are investigated in the paper in the framework of structural-functional approach.

Keywords: institutional basis; region; structural-functional approach; cluster initiatives; financing.

JEL: B52, M20, R12.

Структурно-функциональный подход – теоретико-методологическое направление, исходящее из приоритета системного видения реальности, установления ее структуры и изучения функциональной связи составляющих эту структуру элементов. В современных исследованиях, посвященных проблемам территориального развития, включая формирование в границах территорий действенной системы финансирования кластерных инициатив, структурно-функциональный подход выступает как один из универсальных подходов, воплощающих всеобщие принципы научного знания. Поэтому выделение *системы* финансирования кластерных инициатив предполагает формирование особой логики ее качественного исследования. В частности, это позволяет рассматривать механизмы финансирования кластерных инициатив как совокупность структурированных отношений, которые обеспечивают, упорядочивают и создают условия для эффективного взаимодействия участников процесса кластерообразования. При этом каждый элемент такой системы имеет свое функциональное значение, а понятие функции в данном контексте подвергается рассмотрению:

- во-первых, с позиций ее внутреннего аспекта – как назначение одного из элементов некоторой системы по отношению к другому элементу или системе в целом, поскольку функция каждого элемента определяется структурой системы и его ролью в данной структуре;
- во-вторых, с позиций ее внешнего аспекта – как свойство отношений системы в целом с окружающей ее средой, отвлекаясь от внутреннего содержания данной системы.

То есть использование структурно-функционального подхода при исследовании вопросов развития системы финансирования кластерных инициатив в регионе позволяет, с одной стороны, сосредоточиться на целостности элементов процесса воспроизводства финансового потенциала территории (структурно-функциональный аспект), с другой, – позволяет как соотнести принципы функционирования данных элементов в рамках системы, так и рассмотреть «поведение системы» как некой целостности по отношению к внешней среде (организационно-функциональный аспект). Соответственно можно выделить два направления повышения эффективности функционирования рассматриваемой системы:

- развитие механизмов, обеспечивающих непрерывность процессов воспроизводства финансового потенциала территории, которые в совокупности позволяют поддерживать устойчивое существование системы, соотносимое с процессами ее изменения, как в результате внешних воздействий, так и вследствие осуществления управленческих усилий;
- формирование благоприятной институциональной среды, обеспечивающей поддержание процессов функционирования системы.

Разработка эффективных механизмов финансирования кластерных инициатив должно осуществляться в соответствии с теми функциями, которые предназначена выполнять данная система на современном этапе. В свою очередь, эти функции должны соответствовать поставленным перед системой целям: во-первых, обеспечение потребности инициаторов формирования кластера в финансовых ресурсах, необходимых для осуществления кластерного проекта; во-вторых, способствование росту финансового потенциала территории за счет реализации кластерных инициатив.

В соответствии с классическим пониманием системы, к основным функциям системы финансирования кластерных инициатив в регионе можно отнести следующие:

- формирование институциональной среды, обеспечивающей развитие отношений финансирования кластерных проектов в регионе и адекватной ей финансовой политики;
- повышение конкурентоспособности участников кластера через создание условий для воспроизводства финансового потенциала его субъектов;
- формирование стратегии финансирования кластерных инициатив с учетом региональных факторов и отраслевых особенностей проектов;
- обеспечение интеграции потенциала образования, науки и бизнеса в решении задач повышения эффективности финансирования процесса региональной кластеризации.

Проанализируем, в какой мере реализуются обозначенные функции при существующей системе финансовой поддержки кластерных инициатив.

Формирование институциональной среды, обеспечивающей развитие отношений финансирования кластерных проектов в регионе и адекватной ей финансовой политики.

В Методических рекомендациях по реализации кластерной политики в субъектах РФ предусматриваются следующие механизмы, обеспечивающие развитие институциональной среды поддержки отношений финансирования кластерных проектов в регионах:

- предоставление субсидий субъектам РФ на финансирование мероприятий, предусматривающих поддержку малого предпринимательства, предусмотренных региональными программами;
- строительство инновационной, социальной и инженерной инфраструктуры в наукоградах за счет средств федерального бюджета;
- формирование особых экономических зон технико-внедренческого, промышленно-производственного, туристско-рекреационного и портового типа;
- создание институтов развития, в числе которых Инвестиционный фонд Российской Федерации, государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», ОАО «Российская венчурная компания», Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере¹.

Очевидно, что данные механизмы направлены, в первую очередь, на формирование инфраструктуры, обеспечивающей привлечение свободных финансовых средств крупных компаний, пенсионных фондов, страховых компаний и других коммерческих структур в реализацию кластерных проектов. При этом предполагается, что создаваемые структуры должны обеспечивать возможность конкурентирования участников кластера за ресурсы инновационного развития.

Большинство авторов сходятся во мнении, что *на макроуровне* основными элементами такой инфраструктуры призваны стать институты развития, функционирующие на принципах государственно-частного партнерства, – особые экономические зоны, инвестиционные фонды, венчурные фонды и т.п., ориентированные на финансирование инновационного предпринимательства; *на мезоуровне* эту задачу должны выполнять региональные инновационные программы, центры трансферта технологий, технопарки, бизнес-инкубаторы и т.п., которые создают предпосылки и институциональные условия для стимулирования кластерных инициатив, обеспечивают генерирование инновационных идей (Татаркин и Лаврикова, 2008; Ленчук и Власкин).

Анализ проводимых в России реформ по созданию институциональной среды, обеспечивающей развитие системы финансирования кластерных инициатив, показал, что осуществляемые преобразования связаны в большей степени с созданием новых инфраструктурных объектов и институтов развития, а не с изменением содержания работы уже существующих. В частности, для преодоления нехватки у инициаторов финансовых ресурсов для реализации кластерного проекта в настоящее время создаются и уже действуют государственные институты развития (см. табл. 1).

Таблица 1

Механизмы финансовой поддержки кластерных инициатив институтами развития

Институты развития	Механизмы поддержки
ГК «Внешэкономбанк»	<ul style="list-style-type: none"> – финансирование проектов субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) на более льготных условиях; – финансирование организаций инфраструктуры поддержки МСП, оказывающих услуги субъектам МСП; – финансирование проектов строительства производственных площадей для участников кластеров; – поддержка проектов создания комплексной инфраструктуры для развития производств территориальных кластеров
ОАО «АИЖК»	строительство жилья для сотрудников организаций-участников кластеров

¹ См.: Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации // Сайт Комитета Совета Федерации по делам Федерации и региональной политике. (http://www.komfed.ru/section_136/section_139/669.html).

Продолжение табл. 1

Институты развития	Механизмы поддержки
Федеральный фонд содействия развитию жилищного строительства	<ul style="list-style-type: none"> – реализация инвестиционных проектов по строительству жилья для работников предприятий кластера; – стимулирование создания высокотехнологичных производств строительных материалов в составе формирующихся кластеров; – обеспечение строительных площадок современными энергоэффективными и экологически безопасными материалами, быстровозводимыми строительными элементами и конструкциями
ГК «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства»	предоставление субъектам РФ финансовой поддержки для реализации региональных адресных программ по капитальному ремонту многоквартирных домов и переселению из аварийного жилья сотрудников организаций-участников кластеров
Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере	софинансирование исследовательских работ малых инновационных предприятий, являющихся участниками кластера
ОАО «РВК»	проведение на территориях базирования инновационных территориальных кластеров выездных мероприятий по вопросам развития инновационной инфраструктуры
ОАО «Роснано»	поддержка развития инновационных территориальных кластеров в рамках деятельности нанотехнологических центров
Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий	<ul style="list-style-type: none"> – содействие размещению на территории инновационных территориальных кластеров исследовательских и инжиниринговых центров зарубежных компаний, – стимулирование трансфера и локализации зарубежных технологий производства инновационной продукции. – привлечение предприятий малого и среднего бизнеса — участников проекта «Сколково» к коммерциализации результатов их научно-технической деятельности на территории инновационных территориальных кластеров
Сколковский институт науки и технологий	– содействие повышению уровня научных и образовательных программ, реализуемых в университетах, входящих в состав участников инновационных территориальных кластеров

Очевидно, что деятельность данных институтов в большей степени направлена на развитие механизмов финансовой поддержки инновационного малого и среднего предпринимательства. Одновременно осуществляется финансирование мероприятий по формированию соответствующей институциональной среды инновационного развития, созданию объектов инфраструктуры (технопарков, бизнес-инкубаторов и др.), обеспечивающей поддержку и стимулирование инновационной активности малого бизнеса, в том числе через развитие взаимодействия с крупным бизнесом. Как показывает международная практика, кластерные организационные технологии являются мощным средством усиления инновационной направленности малых и средних предприятий, которые по отдельности не способны концентрировать значительные ресурсы на НИР и не могут успешно противостоять в конкурентной борьбе крупным корпорациям.

В связи с этим необходимым условием масштабного развития кластеров в регионах страны является расширение функциональной роли Центров поддержки кластерных инициатив в сфере осуществления финансового посредничества между финансово-кредитными учреждениями, венчурными фондами и другими «донорами».

Деятельность таких фондов будет способствовать активному привлечению средств государственных институтов развития для финансирования инфраструктурных кластерных проектов, предоставлению гарантий по займам для потенциальных субъектов кластера, оценке вариантов привлечения заемного капитала (при использовании различных инструментов) и выработке рекомендаций по формированию оптимального портфеля источников финансирования (см. рис. 1).

Общая схема механизма предоставления субсидий из федерального бюджета субъектам РФ на реализацию пилотных программ развития территориальных инновационных кластеров представлена на рис. 2.

Так, в Перечень пилотных программ развития инновационных территориальных кластеров, сформированных по результатам конкурсного отбора, проводимого в 2012 году Министерством экономического развития, вошли 25 кластеров, реализующих инвестиционные проекты в сфере биофармацевтических технологий, ядерно-физических нанотехнологий, аэрокосмонавтики, информационных технологий и т.п.

Рис. 1. Функциональная роль Центров поддержки кластерных инициатив как финансового посредника

Формирование стратегии финансирования кластерных инициатив с учетом региональных факторов и отраслевых особенностей проектов.

Данная функция обеспечивается посредством развития механизмов конкурсной поддержки прикладных исследований, проектов государственно-частного партнерства в конкретных отраслях деятельности. В соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, для каждого субъекта РФ определены экономические специализации, в соответствии с которыми предполагается разработка региональных Целевых программ кластерного развития.

Обеспечение интеграции потенциала образования, науки и бизнеса в решении задач повышения эффективности процессов финансирования кластерных инициатив осуществляется посредством целевого финансирования проектов развития территориальных кластеров.

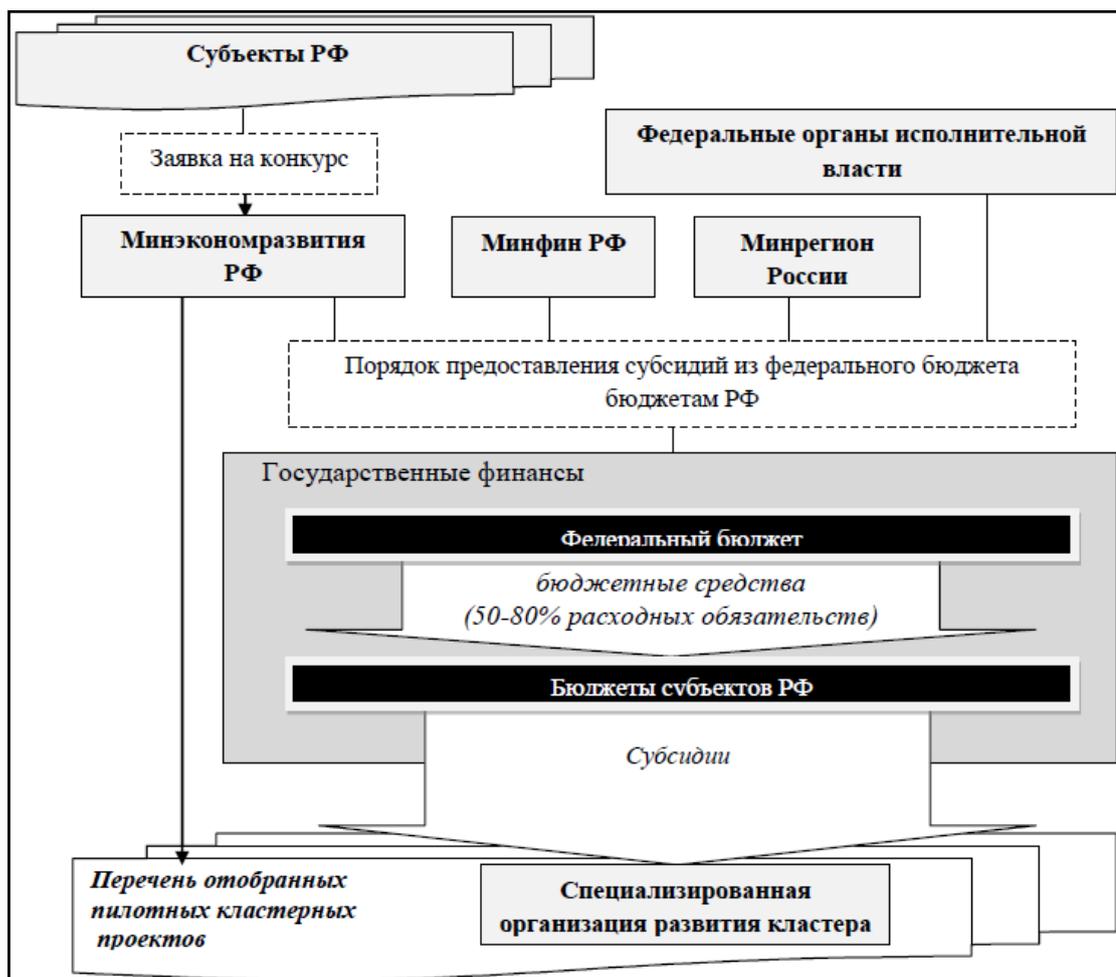

Рис. 2. Механизм финансирования кластерных проектов за счет средств федерального бюджета

В частности, с целью стимулирования взаимодействия инновационно-ориентированного малого и среднего бизнеса по Поручению Президента по итогам заседания президиума государственного Совета от 11.11.2011 года и по Поручению Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям был объявлен конкурсный отбор проектов развития территориальных инновационных кластеров. Одним из основных условий участия в данном конкурсе являлось наличие в составе участников кластера крупных компаний с годовым объемом выручки от реализации продукции не менее 1 млрд. руб.², а в качестве критерия отбора выступал показатель уровня вовлечения малых и средних предприятий региона в структуру кластера. Для контроля характера участия крупных компаний в деятельности кластеров, включенных в перечень пилотных программ развития, утвержденных Правительством РФ, Минэкономразвития разработало Методические материалы по формированию системы мониторинга реализации программ инновационного развития акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций и федеральных государственных унитарных предприятий (одобрены решением Рабочей группы, протокол от 29 декабря 2011 г. №45–АК).

Сдерживанию процессов кластерообразования на основе интеграции крупного (предприятие-«локомотивов роста») и малого бизнеса способствует ряд факторов, характерных для российской системы хозяйствования. В большинстве

² См.: Объявление о формировании перечня пилотных программ развития инновационных территориальных кластеров от 19.03.2012. // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. (http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/politic/doc20120319_001/).

развитых зарубежных стран селективная поддержка малых предприятий в приоритетных отраслях косвенным образом влияет на развитие партнерских отношений с крупным бизнесом. Однако в то время как в мировой практике крупный бизнес проявляет заинтересованность во взаимодействии с малым и средним бизнесом с целью реализации научно-технических разработок, для отечественного малого бизнеса из-за наличия административных барьеров, значительного ресурсного дефицита возможности инновационного саморазвития очень низки. В связи с этим региональная политика финансирования кластерных инициатив должна концентрироваться на конкурентоспособных кластерах и не пренебрегать небольшими и еще только возникающими кластерами, выполняя в некотором роде контролирующую и регламентирующую функции формирующихся партнерских отношений крупного и малого бизнеса в границах региона.

Таким образом, применение структурно-функционального подхода к анализу состояния системы финансирования кластерных инициатив позволяет дать ей оценку с позиций эффективности функционирования ее ключевых инфраструктур, их места и роли в процессах регионального кластерообразования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуров С. А. Классификация источников и форм финансирования инновационной деятельности // *Российский экономический интернет-журнал*. (<http://www.e-rej.ru/Articles/2008/Gurov.pdf>).

Ленчук Е. Б. и Власкин Г. А. Кластерный подход в стратегии инновационного развития России // *Экономический портал*. (<http://institutiones.com/strategies/1979-klasternyj-podxod-v-strategii-innovacionnogo-razvitiya-rossii.html>).

Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации // *Сайт Комитета Совета Федерации по делам Федерации и региональной политике*. (http://www.komfed.ru/section_136/section_139/669.html).

Объявление о формировании перечня пилотных программ развития инновационных территориальных кластеров от 19.03.2012. // *Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации*. (http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/innovations/politic/doc20120319_001/).

Татаркин А. И. и Лаврикова Ю. Г. (2008). Кластерная политика региона // *Промышленная политика в Российской Федерации*, № 8.

REFERENCES

Gurov S. A. Classification of sources and forms of innovative activity financing. *Russian economic Internet magazine*. (<http://www.e-rej.ru/Articles/2008/Gurov.pdf>). (in Russian).

Lenchuk E. B. and Vlaskin G. A. Cluster approach in the innovative development strategy of Russia. The Economic portal. (<http://institutiones.com/strategies/1979-klasternyj-podxod-v-strategii-innovacionnogo-razvitiya-rossii.html>). (in Russian).

Methodical recommendations on the cluster policy realization in subjects of the Russian Federation. The Site of Committee of the Federation Council for Federation and to the regional policy. (http://www.komfed.ru/section_136/section_139/669.html). (in Russian).

Announcement of the pilot programs list formation of innovative territorial clusters development of 19.03.2012. Site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/innovations/politic/doc20120319_001/). (in Russian).

Tatarikin A. I. and Lavrikova Yu. G. (2008). Cluster policy of the region. *Industrial policy in the Russian Federation*, no. 8. (in Russian).

КРИЗИСНОЕ, ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КАК ОБЪЕКТ ТЕОРИИ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

ПРЕДБОРСКИЙ ВАЛЕНТИН АНТОНОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор,
Национальная академия внутренних дел, г. Киев,
e-mail: valentinao@ukr.net

КУНЦЕВИЧ ВИКТОР ПАВЛОВИЧ,

старший преподаватель,
БГУ, г. Минск,
e-mail: victor-10@tut.by

В статье рассматриваются методологические основы повышения уровня изучения экономических процессов, их противоречий, в частности теневой экономики, на основе обращения к исследованиям дисфункциональных, девиационных явлений, прежде всего, в сфере институциональной структуры государственного управления.

Ключевые слова: теневая экономика; теории тенизации экономики; институты.

CRISIS, DYSFUNCTIONAL DEVELOPMENT AS THE OBJECT OF THE THEORY OF SHADOW ECONOMY

PREDBORSKY VALENTINE, A.,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
National Academy of Internal Affairs, Kiev,
e-mail: valentinao@ukr.net

KUNTSEVICH VICTOR, P.,

Senior Lecturer,
BSU, Minsk,
e-mail: victor-10@tut.by

The methodical bases of level increasing of economic processes researching and their contradictions, such as in shadow economy on the base of researching dysfunctional deviation phenomena especially in sphere of institutional structure of state management are considered in the paper.

Keywords: the shadow economy; theory of shadow economy; institutions.

JEL: B52, E26, O17.

Постановка проблемы. Масштабная тенизация социально-экономических процессов вызывает необходимость создания системного противодействия, в том числе гносеологическими средствами, развития методологического обеспечения теоретических исследований по этой проблематике. В связи с этим рассмотрение способов повышения эффективности методологического инструментария исследований теневой экономики на основе изучения дисфункциональных

явлений социально-экономической сферы в условиях современных системных кризисных явлений является актуальным направлением экономических исследований, углубления изучения и самих теневых механизмов.

Анализ исследований и публикаций по проблеме. К исследованиям по теневой экономике относятся труды таких российских ученых, как Ю. В. Латов, С. Ю. Барсукова, В. В. Радаев, С. П. Глинкина, В. М. Тамбовцев, В. Е. Есипов, А. А. Крылов, В. В. Лунеев, украинских – А. В. Базилюк, А. И. Барановский, О. С. Варналий, А. С. Гальчинский, С. О. Коваленко, В. О. Мандибура, В. М. Попович, О. В. Турчинов, белорусских – В. Л. Ключня, В. В. Пузиков, А. В. Коваленко, М. Ч. Бокун.

В то же время в связи с недостаточным системным изучением теневой экономики, ее теоретико-методологической составляющей как органического звена кризисного развития государственного управления, масштабных объемов ее распространения в современных условиях, особенности проявления теневой экономики, ее дисфункциональная природа в отечественных условиях требуют дальнейшего специального изучения.

Целью данной статьи, таким образом, является дальнейшее развитие методологического обеспечения изучения сущности теневой экономики как системной дисфункции государственного управления, развития его кризисных форм существования.

Изложение основного материала. Экономическая наука в ее современной системно-методологической конфигурации находится в состоянии кризиса. К ее важнейшим проявлениям, как отмечает А. Гальчинский, следует отнести глубокие системные противоречия, которые проявляются на методологическом уровне – на уровне философии экономической науки, обоснования базовых фундаментальных гипотез, определяющих общую логику современных общественных трансформаций, только с учетом которых возможно рассчитывать на результативность нормативной функции экономической теории (*Гальчинский, 2007. С. 4*).

Экономическая наука, как известно, кроме нормативной выполняет еще и позитивную функцию – то есть анализа последствий экономической политики и разработки выводов о целесообразности конкретных стратегий национального развития. Однако этих функций экономической науке для обеспечения необходимого уровня процесса познания в их системной целостности в современных условиях уже недостаточно. Одним из существенных функциональных ограничений экономической науки является ее отстраненность от анализа системы дисфункциональных явлений, в частности, составляющая проблематику «теневой экономики».

«Экономическая наука, учитывая характер ее предмета и метода, очень далека от систематического анализа общественно опасных и вредных побочных эффектов тех или иных экономических действий и хозяйственных решений. В экономической теории до сих пор считается эклектикой объединения в рамках единой системы логично сущностных характеристик экономического порядка, производственных отношений (тех из них, что должны выражать сущность экономического процесса) и деформированных отношений, которые переродились (экономических патологий), ведущие к их дальнейшей патологизации, криминализации и возникновению феномена теневой экономики. Но на практике такое объединение оказывается фактом, моментом реального развития общества» (*Огородник, 1996. С. 77*).

Современные экономические теории в большинстве базируются на выходной аксиоме про априори рациональное поведение субъекта экономических отношений, в том числе государства, в основе которой находится стремление к оптимальному использованию своих ограниченных ресурсов и достижению собственной выгоды в соответствии с тем, что они считают своей материальной целью. Они действуют адекватно своим материальным интересам, которые побуждают людей жить в соответствии с разумом, т.е. действовать рационально. Реализация принципа

рациональности обуславливает развертывание «методологии простых, чистых систем» – функциональную определенность каждой системы, ее «природный порядок», возможности формализации ее структурных связей, в конечном итоге построение упрощенной модели логики и механизмов экономического развития, выстроенных на механистической ньютоновской философии и детерминации.

Перестройка методологии системных трансформаций, особенно применительно к перманентно кризисным процессам, переосмысление широкого комплекса научных постулатов должны строиться на следующих принципах: во-первых, понимании причинности как системы сложного (многовекторного) взаимодействия разнокачественных (по своей природе) сил; во-вторых, необходимости выявления не только прямых, но и обратных, положительных и негативных связей; в-третьих, объяснении сложных явлений и процессов на основе комплекса случайного и необходимого; в-четвертых, предположении о собственном возбуждении процессов (*Гальчинский, 2007. С. 6*); в-пятых, учета особенной, генетически институциональной наследственности в экономических процессах, особенностей их проявлений в современных условиях.

Проблема перехода к завершеному методологическому комплексу постулатов, формирование новейших теорий на их принципах особенно актуализируется при изучении деформаций общественных отношений в экономической сфере, ведущих к их перерождению, созданию преобразованных и маргинальных (архаизованных) форм.

Общепризнанно, что изучение социальных отклонений (социальной девиации) в пределах какой-либо одной науки, например криминологии, в том числе и экономической, было бы недостаточным. Самый широкий комплекс сегментов теневой экономики – так называемая «серая экономика», «неформальная экономика», «пограничная экономика», теневая экономика «институциональной комплементарности», «недружественного поглощения», наркомании, проституции и прочего выходят за узкие границы криминологии, возможности ее методологического инструментария. Это связано с тем, что правонарушения, преступления составляют незначительную часть всех видов социальных отклонений и уголовное наказание является только одной из множества возможных санкций¹.

Ситуация усложняется еще больше в связи с тем, что при существующей ситуации с исследованием девиационных процессов в экономической сфере из его приоритетных сегментов исключены наиболее сложные, опасные, стержневые, консолидирующие вокруг себя и активизирующие вторичные круги экономической девиации, к которым нужно отнести, прежде всего те, которые возникают в системе государственного управления. Тем самым, экономические науки, не выполнив свою функцию методологического обеспечения исследования этих явлений в пределах своего предмета, в дальнейшем передавая эстафету исследования экономической патологии экономической криминологии (которая начала формироваться как наука (*Свиридов, 1997. С. 77*)) и еще дальше через цепочку методологических связей цикла другим дисциплинам – административному, уголовному праву и процессу и др., не выполняют своей методологической функции по обеспечению в гносеологическом аспекте комплекса защиты экономической безопасности государства.

Еще до сих пор большинство исследований проблем экономической девиации осуществляется в пределах криминологии, педагогики, психологии, социологии. В связи с этим их объектом является, преимущественно, поведение отдельного лица как субъекта девиации. Между тем к числу последних относится деятельность, прежде всего, социальных макросубъектов экономических дисфункций, таких как государство и его отдельные институты, элитный предпринимательский корпус, деятельность национальной и региональных политических элит в их взаимосвязях и коммуникационном взаимодействии как отдельных социальных макросистем и т.д. Различные проявления коррупционных, бюрократических деформаций в деятельности государственных институтов, политических, негосударственных

¹ См.: Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юридлит. 1984, с. 8-12.

учреждений, как правило, значительно более социально опасны, чем индивидуальное антиобщественное поведение. Деятельность вышеуказанных субъектов экономических дисфункций как определенная их система должна найти свое представительство в специальной теории исследования – как совокупность методов и теоретической системы – теории тенезации экономики.

Формирование любой теории требует определения, отграничения круга ее объектов. При этом следует ответить на вопрос: в каких связях социальные отклонения в экономической сфере, относящиеся к объекту вышеуказанной теории, находятся с другими, близкими к ним явлениями? Относятся ли все социальные отклонения и близкие к ним негативные процессы в экономике к числу объектов теории тенезации экономики? На этот вопрос следует ответить отрицательно.

Нежелательные явления в общественно-экономической практике имеют разные названия: асоциальные, негативные, девиантные, социальные аномалии, социальные патологии, деструктивные и пр. Не все из этих понятий в экономической сфере являются равнозначными, не все они относятся к объектам теории теневой экономики.

Прежде всего следует обратить внимание на уровень социальной опасности, который определяется тем или другим понятием. Так, если, к примеру, содержанием понятий «социальное отклонение в сфере экономической деятельности» и «девиантность» является отклонение от требований социальной нормы, однако при условии их не вхождения в сферу стойкого асоциального поведения, – то понятие «социальная патология» однозначно определяет именно такой переход и высокую социальную опасность этого негативного явления.

Наряду с нарушением социальных (экономических, правовых, моральных, политических и др.) норм, которые осуществляются в деятельности отдельных институциональных экономических субъектов, существуют и другие явления и процессы негативной направленности, но проявление которых трудно или невозможно связать с экономической деятельностью определенных институциональных субъектов. Таковыми являются, например, циклические, глобальные экономические кризисы, объективно существующие экономические разрывы в экономической структуре и диспропорции, нежелательные тенденции в демографических, миграционных процессах и пр. Они составляют фоновые явления, но одновременно имеют существенно факторное, синергетическое, кумулятивное влияние на проявление основных объектов тенезационного процесса.

К числу объектов теории тенезации экономики следует отнести, на наш взгляд, исследования экономических отношений, возникающих в связи с появлением и функционированием экономических дисфункций социальных институтов, прежде всего государства, которые обуславливают пребывание других экономических субъектов за пределами режима эффективного взаимодействия с ними и их влияния.

Дисфункция социального института в экономической сфере предопределяет усиление режима неэффективного взаимодействия и влияния на общество, что означает потерю качества регулирования и контроля, следующими основными путями:

1) дисфункция социального института вызывает социально-экономическое напряжение и конфликтность из-за того, что институт не способен выполнять возложенные на него функции; возникает дисфункциональная структура деятельности социальных институтов;

2) потеря институтом общественной функции приводит к возникновению двух негативных эффектов – к переносу негативного эффекта от деформационного состояния института на действие объектов его влияния и на возникновение компенсационной замены функции института, который утратил свои функции, на другие – теневые, а отсюда также негативные;

3) дисфункция социального института, которая продолжается длительное время, отрицательно влияет на систему ценностей, морально-этическое состояние

общества, его мотивационную структуру, вызывает деформацию всей социально-экономической инфраструктуры;

4) дисфункция социальных институтов вызывает сдвиг всей социально-экономической структуры в сторону ее архаизации, значительного появления преобразованных, маргинальных экономических форм;

5) потери от дисфункции социальных институтов особенно негативно влияют на деятельность системы правоохранительных, судебных органов, обуславливают их вторичную дисфункцию, перерождение.

Предметом теории тенизации экономики является:

- изучение категориального состава, системы и методов теории тенизации, структурного устройства теневой экономики, ее субъектов и объектов, механизмов и закономерностей функционирования, особенностей проявлений на тех или иных состояниях развития, диапазона распространения;
- познание детерминации и причинности тенизации экономических отношений, тенизационной дисфункции социальных институтов, особенностей проявления детерминационного и причинного комплексов в конкретно-исторических условиях;
- совершенствование экономических и через методологическую цепочку связей по правовому, институциональному противодействию теневым процессам в сфере экономических отношений;
- деятельность научных, законодательных и исполнительных, в том числе правоохранительных, судебных институтов государства и негосударственных органов, аналитических центров и их научного обеспечения создания экономических предпосылок предупреждения тенизации разных секторов экономики общества;
- постоянный анализ тенденций развития теневых процессов и деятельности их сегментов, оценка соответствия угрозе со стороны деятельности государственных и негосударственных институтов по противодействию их развитию, а также уровня их научного обеспечения, рефлексия состояния самой теории тенизации экономики, осуществляемая с целью совершенствования теоретического обеспечения, организации и управления научным процессом.

Выводы. Таким образом, обеспечение дальнейшего развития экономических исследований, их методологической составляющей требует системного изучения дисфункциональных отношений, прежде всего, в сфере государственного управления, проведения их, в частности, в пределах специальной теории теневой экономики.

Результаты этих исследований свидетельствуют о том, что дисфункция социального института в экономической сфере обуславливает усиление режима неэффективного взаимодействия и влияния на общество, что означает потерю качества регулирования и контроля (то есть усиление уровня тенизации), возникновения множества других негативных эффектов – до переноса первичного негативного эффекта от деформационного состояния института на вторичное действие объектов их влияния и на возникновение компенсационной замены функции института, который утратил свои функции, на другие – теневые, а отсюда также негативные, смещение всей социально-экономической структуры в сторону ее дальнейшей архаизации, широкого системного появления преобразованных, маргинальных экономических форм, негативного влияния на деятельность системы правоохранительных органов, что предопределяет их вторичную дисфункцию, перерождение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гальчинський А. (2007). Економічна наука: проблеми методологічного оновлення // *Економіка України*, № 3, с. 4-13.

Огородник В. (1996). До питання економічної кримінології // *Економіка України*, № 6, с. 77-83.

Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юрид.лит. 1984. 320 с.

Свиридов В. (1997). Організована злочинність в наступі // *Іменем Закону*, № 35, 29 квітня.

REFERENCES

Halchynskiy A. (2007). Economic science: methodological problems updating. *Economy of Ukraine*, no. 3, pp. 4-13. (in Ukrainian).

Ogorodnik V. (1996). On the issue of economic criminology. *Economy of Ukraine*, no. 6, pp. 77-83. (in Ukrainian).

Social deviance. Introduction to the general theory. M.: Law lit. 1984. 320. (in Russian).

Sviridov V. (1997). Organized crime in the attack. *Name of the Law*, no. 35, April 29. (in Ukrainian).

МАРКЕТИНГОВЫЙ АНАЛИЗ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РЫНКА: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ЖУК ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры маркетинга и коммуникаций в бизнесе,
Южный федеральный университет,
e-mail: zhukes@yandex.ru

Региональные авиаперевозки признаются существенным фактором, определяющим не только транспортную доступность субъекта РФ, но и его экономическое развитие. В России потенциал регионального рынка авиаперевозок практически не используется. Для его развития кроме технологической подготовки к запуску региональных маршрутов требуется изучение рынка местных перевозок, спроса и предпочтений потребителей, что снизит неопределённость внешней среды и рыночные риски функционирования.

Ключевые слова: рынок региональных авиаперевозок; маркетинговый анализ; емкость рынка; потенциальная емкость рынка; сегментирование; прогнозирование.

MARKETING ANALYSIS AND PROGNOSIS MARKET: PRACTICAL ASPECTS

ZHUK EKATERINA, S.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department
«Marketing and Communication in Business»,
Southern Federal University,
e-mail: zhukes@yandex.ru

Regional air freight is recognized as a significant factor in determining not only the accessibility of the subject of the Russian Federation, but also its economic development. In Russia, the potential for regional air transport market is almost never used. Except for its development of technological preparation for the launch of regional routes requires the study of the local transport market, demand and consumer preferences, which will reduce the uncertainty of the environment and the functioning of the market risks.

Keywords: regional air market; market analysis; market capacity potential market capacity; segmentation; prognosis.

JEL: M31.

Региональные воздушные перевозки являются своего рода индикатором уровня зрелости транспортной системы и степени конкурентоспособности региона. Помимо такого назначения авиаперевозок, как удовлетворение потребностей населения в перемещении, данный вид транспорта повышает эффективность взаимодействия регионов России путем поддержания экономических и социальных связей между ними. Однако необходимо отметить, что в 2009 г. в стране местными авиалиниями перевезены 21,5 млн. пассажиров, что в среднем составляет примерно 15% от количества населения. В то же время в США услугами авиакомпаний на внутренних рейсах воспользовались 620 млн. чел., или 200% от

численности населения. В Великобритании эта цифра достигает 46,5 млн. чел., или 77 % от численности населения (*Синютин, 2012*).

В этой связи актуальными являются исследование современного состояния рынка и предложение обоснованных рекомендаций по корректировке стратегий как небольших региональных авиаперевозчиков, так и крупных компаний, функционирующих на макроуровне и выполняющих региональные рейсы с целью развития данной отрасли народного хозяйства в ЮФО.

Анализ рынка авиаперевозок будет базироваться на общих подходах к исследованию рынка товаров и услуг, поскольку специальные методики в научной литературе представлены довольно поверхностно.

Рынки принято анализировать как с теоретической точки зрения (например, *Жук, 2010, 2011б. С. 15-22*), так и с прикладной, чему посвящены работы таких ученых, как В. В. Кеворков и С. В. Леонтьев (*Кеворков и Леонтьев, 1999. С. 23-48*), Е. П. Голубков (*Голубков, 2003. С. 169-176*), Е. Н. Комаристый (*Комаристый, 2006. С. 15-16*), Г. Я. Гольдштейн и А. В. Катаев (*Гольдштейн и Катаев, 1999. С. 38*). Анализ методик указанных авторов показал, что они сходны с точки зрения используемых методов анализа информации. Однако одни подходы предполагают получение информации для анализа маркетинговой среды, другие – для моделирования и прогнозирования процессов на рынке, третьи – для общего обзора и оценки рынка за конкретный период времени. В силу чего предполагается, что для проведения общего анализа рынка, определения потенциального спроса и предпочтений потребителей в отношении оказываемых услуг, целесообразно использовать преимущества всех подходов, предложенных для анализа рынка.

Предлагаемая частная методика исследования рынка региональных авиаперевозок предполагает конкретизацию и обобщения ряда методов и инструментов базовых, с учетом специфики отрасли и объекта исследования. В ее основе лежит подход Е. П. Голубкова, отличающийся четким разграничением исследуемых объектов, явлений, факторов на блоки, которые различны по качественным и содержательным характеристикам, используемым для их анализа методам работы с информацией, степенью влияния на рынок, с дополнительным привлечением инструментов теорий Г. Я. Гольдштейна, А. В. Катаева, Е. Н. Комариста, применение которых позволит получить адекватные сложившейся рыночной ситуации данные в результате учета влияния конъюнктурообразующих факторов.

Методика исследования рынка региональных авиаперевозок состоит из четырех составляющих. Первый блок – определение географических, товарных границ рынка и анализ участников рынка (не включая потребителей): характеристика продавцов, поставщиков, конкурентной ситуации на рынке и его структуры, а также рыночных рисков предпринимательской деятельности. Второй блок – отраслевой анализ рынка. В нем проводится анализ конъюнктурных показателей: спрос, структура предложения услуг, уровень цен на услуги, число и динамика продаж, емкость рынка, его пропорциональность и устойчивость. Третий блок - анализ факторов макросреды с помощью PEST анализа, выявление проблем и тенденций развития рынка. Четвертый блок – исследование потребителей: изучение структуры потребности, мотивов покупки, определение количества покупателей, видов покупателей, потенциального спроса, предпочтений по каждому виду услуги, отношения к компании и ее продуктам, системы ценностей, намерений потребителей и уровня удовлетворения их запросов. При этом последовательность исследования показателей может быть изменена. Итогом анализа рынка является составление прогноза его емкости и выработка рекомендаций по корректировке стратегии взаимодействия компании и рынка.

Опираясь на разработанную методику, было проведено исследование данного рынка, локализуемого границами Южного федерального округа (Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область и Ростовская область). Территория ЮФО составляет

420,9 тыс.кв.км¹), по результатам которого можно сделать следующие выводы.

Географическими границами рынка местных воздушных перевозок является расстояние между пунктами отправления и прибытия воздушного судна, которые расположены в ЮФО.

На рынке региональных авиаперевозок объектом купли-продажи являются услуги по перевозке пассажиров и грузов, которые обладают, прежде всего, традиционными свойствами услуги, такими как неосвязаемость, неспособность к накоплению, неотделимость процесса потребления от процесса производства услуги, непостоянство качества услуги. Помимо этого, для авиаперевозок характерны специфические особенности, к которым относят высокую скорость и регулярность полётов, высокую проходимость воздушных судов, безопасность полетов и т.д. Эти особенности формируют преимущества воздушного сообщения по сравнению с наземными видами транспорта.

Сфера применения региональных авиаперевозок обширна и спрос на услуги по перемещению можно разделить на постоянный: спрос на услуги по мониторингу, контролю, разведке; и непостоянный: спрос, предъявляемый розничными и корпоративными клиентами, которые испытывают потребность в перемещении себя или грузов.

При определении товарных границ исследуемого рынка необходимо отметить, что анализ проводится для рынка услуг по перевозке пассажиров авиатранспортом по местным воздушным линиям ЮФО. Следовательно, товарные границы рынка формирует ассортимент авиамаршрутов по перевозке пассажиров, осуществляемых только внутри ЮФО в рамках регулярного и чартерного сообщения.

Институционально рынок авиаперевозок возможно охарактеризовать следующим образом: выделено пять основных категорий участников рынка: **продавцы услуг; покупатели услуг; поставщики и участники, организующие инфраструктуру рынка; организации регулирования и контроля деятельности авиаперевозчиков.**

Институциональную координацию рынка осуществляют такие органы исполнительной власти, как Министерство транспорта, Федеральное агентство воздушного транспорта, Федеральная антимонопольная служба и т.д. При этом регуляторам необходимо предотвращать ситуации, при которых в структуре институтов мотиваторы рыночных агентов могут вступать в противодействие (Жук, 2010).

В качестве поставщиков на рынке авиаперевозок выступают организации, предоставляющие авиаоборудование и технику, топливо, ГСМ, финансовые, информационные, страховые, сервисные и другие услуги. Организацией и поддержанием инфраструктуры рынка занимаются аэропорты, диспетчерские службы и другие участники, осуществляющие аэронавигационное обслуживание.

Покупателями на рынке авиаперевозок выступает неограниченный круг физических и юридических лиц, пользующихся услугами, предоставляемыми перевозчиками (Шапкин, 2012).

Итоги сегментирования рынка демонстрируют наличие четырех сегментов: пассажиры, осуществляющие бизнес поездки и VIP пассажиры; пассажиры, совершающие поездки в личных целях (отдых, путешествие, перелет в связи с непредвиденными обстоятельствами); потребители, заказывающие перевозку груза и услуги по контролю и мониторингу; турагентства и агентства по продаже билетов, выступающие в качестве покупателей.

Анализ привлекательности данных сегментов показал, что к категории высоко привлекательных сегментов относятся VIP пассажиры и деловые пассажиры, далее по степени привлекательности для авиакомпаний следуют неделовые пассажиры. В связи с ростом инвестиционной привлекательности округа,

¹ См.: Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года. Гарант: информационно-правовой портал: электронный ресурс. 2010. (<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55084615/>).

реализацией ряда проектов в области туризма, а также предстоящими Зимними олимпийскими играми и Чемпионатом мира по футболу, закономерной будет дальнейшая активизация спроса на услуги региональных авиаперевозчиков со стороны бизнес-клиентов, а также недельных пассажиров, предпринимателей, перелет к месту отдыха или в туристических целях.

Продавцами на рынке являются авиакомпании-перевозчики. По состоянию на 2009 г. в России зарегистрировано 167 лиц, имеющих сертификат эксплуатанта. За 2010–2011 гг. количество коммерческих авиакомпаний сократилось до 126. При этом по итогам 2010 г. 60% пассажирооборота обеспечили 5 лидирующих авиакомпаний, а именно, «Аэрофлот», «Трансаэро», «ЮТэйр», «ЭсСевен (Сибирь)», «Россия».

Следующим шагом после проведения субъектно-объектного анализа рынка региональных авиаперевозок является определение особенностей конкуренции на данном рынке внутри ЮФО посредством методики конкурентного анализа М. Портера.

Соперничество среди действующих в отрасли фирм можно описать следующим образом: конкуренция среди фирм, выполняющих местные авиаперевозки, практически отсутствует, так как компании не рассматривают данный рынок в качестве привлекательного в силу ряда проблем отрасли и специализируются больше на магистральных рейсах.

В качестве заменителей авиаперевозок выступают перевозки автомобильным, железнодорожным и водным транспортом. Авиатранспорт обладает рядом преимуществ, как уже ранее отмечалось, по сравнению с перечисленными видами транспорта, но основными его недостатками являются высокая стоимость и ограниченность маршрутов. В ЮФО основным заменителем авиаперевозок являются автоперевозки. Однако в последние годы показатель загруженности дорог по ЮФО растет. Он уже превышает уровень загруженности в Европе, США и Австралии в 3,3 раза, а к 2025 г. может возрасти дополнительно в 2 – 3,5 раза², что будет стимулировать рост спроса на авиаперевозки.

Власть поставщиков на рынке местных авиаперевозок: поставщики топлива, услуг аэронавигационного, сервисного, аэропортового обслуживания занимают преимущественно монопольные положения на рынке, следовательно, их власть велика.

Рассматриваемый рынок является рынком продавца, поэтому влияние потребителей пока невелико.

Оценивая риск появления новых конкурентов, стоит отметить, забегая вперед, что данный рынок имеет потенциал для роста и на сегодняшний день представляет собой неосвоенную нишу, следовательно, в ближайшее время, во-первых, конкуренция на эксплуатируемых маршрутах может возрасти, во-вторых, возможно расширение сети региональных маршрутов. Рентабельность региональных пассажирских перевозок не превышает 1% в год. Анализ производственных активов, маршрутных сетей, числа и качества авиапарка авиакомпаний говорит о том, что в основном на рынок приходят небольшие компании, которые имеют в парке всего несколько самолетов для частных полетов либо обслуживания отраслей народного хозяйства. Рассматривая вероятность выхода на рынок новых перевозчиков, целесообразно уделить внимание оценке барьеров входа в отрасль. В силу того, что данный рынок сосредотачивает большое количество игроков, но при этом спрос потребителей в недорогих и быстрых местных перевозках не удовлетворен, его развитие может идти двумя путями, требующими вмешательства государства (*Лукьянов и Тиссен, 2011*). Первый путь – стимулировать развитие рынка и создать систему преференций, позволяющую авиакомпаниям модифицировать свои бизнес-модели и диверсифицироваться с выгодой для себя в различные рыночные ниши. Второй путь – затормозить развитие

² См.: Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года. Гарант: информационно-правовой портал: электронный ресурс. 2010. (<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55084615/>).

рынка в его нынешнем виде путем сокращения небольших авиакомпаний, которых насчитывается большое количество.

Рассматриваемое государством предложение разграничить магистральные и региональные перевозки, исходя из системы федеральных округов, грозящее выдавливанием небольших региональных перевозчиков с московского направления, свидетельствует о реализации второго пути. К этому добавляется проект изменений в «Положение о лицензировании перевозок пассажиров воздушным транспортом», который содержит требования о наличии не менее 10 воздушных судов вместимостью свыше 55 кресел для регулярных перевозок и не менее 5 - для чартерных. Это требование не создаст трудностей для первых 35 авиакомпаний в рейтинге перевозчиков, которые, как известно, выполняют более 90% перевозок пассажиров. А предложение поднять через год нижнюю планку для регулярных перевозок до 20 самолетов, очевидно, затронет существенно большее количество авиакомпаний (Синицкий, 2012а).

Таким образом, перечисленный комплекс мер создает барьеры не только для входа на рынок новых компаний, но и способствует перераспределению пассажиропотоков в пользу крупнейших перевозчиков и уходу с рынка менее конкурентоспособных компаний. В перспективе это может привести только к снижению транспортной доступности для части населения и к дальнейшей деградации аэродромной сети, так как оставшиеся на рынке авиакомпании вряд ли предпочтут осваивать совершенно новые для себя бизнес-модели и типы воздушных судов.

Проанализировав факторы, определяющие особенности конкуренции на рассматриваемом рынке и произведя расчет показателей монополизации рынка (коэффициент концентрации рынка: $CR(3)=80\%$, отраслевой индекс Херфиндаля-Хиршмана: $И_{HH}=2344$), можно сделать вывод, что для сегмента внутрироссийских пассажирских перевозок характерна высокая степень концентрации участников рынка с тенденцией к сокращению числа эксплуатантов. Из этого можно заключить, что рынок продолжает консолидироваться.

При составлении прогноза развития рынка региональных авиаперевозок особое внимание необходимо обратить на определение показателя реальной емкости рынка авиаперевозок конкретно по ЮФО. Но его расчет сопряжен с рядом трудностей. Во-первых, как уже отмечалось ранее, данный сегмент не изучен и актуальные статистические данные представлены только по регулярным пассажирским перевозкам. Во-вторых, учитывая произошедшее в 2010 г. выделение СКФО из состава ЮФО, можно дать лишь приблизительную оценку емкости рынка авиаперевозок в рассматриваемом сегменте, так как в аналитических статьях и отчетах экспертов в этой области пока не приводятся данные, разграниченные согласно новому административному делению.

Для определения реальной емкости рынка пассажирских авиаперевозок только внутри ЮФО будет использован метод перенесения опыта по объемам продаж одного региона на другой на основе коэффициентов приведения с учетом численности населения, средней заработной платы, масштаба региона и доли городского и сельского населения, с помощью которого можно нивелировать указанные выше недостатки.

$$E_1 = E_0 \times K_1 \times K_2 \times K_3, \quad (1)$$

где:

E_1 – искомая ёмкость рынка для региона 1;

E_0 – известная ёмкость одного из региональных рынков, руб. или натуральный показатель;

K_1 – коэффициент приведения, равный отношению численности населения интересующего региона к численности известного, ёмкость в котором определена;

K_2 – коэффициент приведения, равный отношению среднедушевого дохода или средней заработной платы интересующего региона к известному;

K_3 – коэффициент урбанизации.

С целью реализации данного метода необходимо учитывать известную емкость одного из региональных рынков, в качестве которого был избран рынок авиаперевозок в пределах Приволжского федерального округа (регион с известной емкостью принадлежит ко второй группе регионов, соответствующей ЮФО, так как эта группа отличается своими особенностями развития рынка авиаперевозок; объемы авиаперевозок в пределах Северо-Кавказского и Центрального федеральных округов не известны).

Емкость рынка пассажирских авиаперевозок внутри Приволжского федерального округа на 2012 г. составляет примерно 50000 проданных авиабилетов (*Лебединец, 2012*).

Используя коэффициенты приведения (см. табл. 1), рассчитываем емкость рынка пассажирских авиаперевозок внутри ЮФО по формуле (1) на 2012 г. при перенесении опыта по объемам продаж с ПФО: $E1=50000 \times 0,436 \times 0,985 \times 0,881=20089$.

Таблица 1

Характеристика регионов по показателям, необходимым для определения емкости рынка

Показатели / округа	ЮФО	ПФО	СКФО
Численность населения, человек	13856692	29900359	9496791
Коэффициент приведения по численности населения (численность населения ЮФО(СКФО) / численность населения ПФО)		0,463	0,317
Среднемесячная заработная плата, рублей	17408,2	17671,3	14323,5
Коэффициент приведения по среднемесячной зарплате населения (среднемесячная зарплата по ЮФО (СКФО) / среднемесячная зарплата по ПФО)		0,985	0,811
Численность городского населения, человек	8650861	21179561	4666650
Коэффициент урбанизации (равен отношению городского населения к общей численности населения в федеральном округе)	0,624	0,708	0,491
Коэффициент приведения по уровню урбанизации округа (коэффициент урбанизации ЮФО (СКФО) / коэффициент урбанизации ПФО)		0,881	0,694

Источник: составлено автором.

Также с использованием подобной методики получаем емкость рынка авиаперевозок в пределах СКФО: $E=50000 \times 0,317 \times 0,811 \times 0,694=8921$, следовательно, 25990 человек было перевезено между ЮФО и СКФО.

Таким образом, на 2012 г. объем пассажирских авиаперевозок по ЮФО и СКФО составлял около 55000 перевезенных пассажиров, из них 20089 пассажиров перевезено воздушным транспортом внутри ЮФО и 8921 пассажир в пределах СКФО.

Рассчитывая потенциальную емкость, используем методику, основанную на нормах потребления населения. За показатель нормы потребления для исследуемого рынка принимается величина авиационной подвижности населения, рассчитываемая как отношение реальной емкости рынка к общей численности экономически активного населения. Согласно статистическим данным, максимальное значение авиационной подвижности населения в России было достигнуто в 2008 г. и составило всего 0,31 (*Руднев*). Целевое значение этого показателя для России равно единице. Скорректировав методику нахождения потенциальной емкости для рынка пассажирских авиаперевозок ЮФО, вычислим ее относительное значение путем произведения численности населения округа и коэффициента авиационной подвижности экономически активного населения.

Относительным это значение является потому, что находится с учетом величины авиаподвижности именно экономически активного населения. Абсолютное значение потенциальной емкости для исследуемого рынка будет равно общей численности населения округа, но подобное значение может быть достигнуто только в ситуации очень низких, практически равных нулю тарифов на перевозки, что невозможно. Поэтому для дальнейших расчетов будет использоваться показатель относительной емкости. Далее, вычислив разность между относительной потенциальной и реальной емкостью, получаем относительный потенциал рынка, величина которого на 2012 г. составляла 20002 человека (см. табл. 2). Можно сделать вывод, что спрос примерно половины экономически активного населения в авиаперевозках не удовлетворен, следовательно, рассматриваемый сегмент рынка имеет черты рыночной ниши.

Таблица 2

Расчет потенциальной емкости рынка пассажирских авиаперевозок по ЮФО, 2011-12 гг., чел.

Год	Численность населения ЮФО, чел. (в)	Количество перевезенных пассажиров ЮФО, чел. (р)	Авиа подвижность населения ЮФО: $a = p / \varepsilon$	Численность экономически активного населения, чел. (э)	Потенциальная емкость рынка пассажирских авиаперевозок ЮФО, чел.:	Относительный потенциал рынка пассажирских авиаперевозок ЮФО, чел.: $o. n. = n - p$	Абсолютный потенциал рынка пассажирских авиаперевозок ЮФО, чел.: $a. n. = \varepsilon$
2011	13856692	19539	0,002772394	7047700	38416,20741	18877,20741	13837153
2012	13867704	20150	0,002895365	6959400	40152,05845	20002,05845	13847554

Источник: составлено автором.

Переходя непосредственно к прогнозированию емкости рынка пассажирских авиаперевозок ЮФО и СКФО, необходимо акцентировать внимание на получении не только количественных прогнозных значений, но и качественных оценок.

Исследовав мнения ряда экспертов, например, А. Синицкого (*Синицкий, 2012б*), А. Фридлянда (*Фридлянд, 2012*), можно заключить, что на сегодняшний день сегмент пассажирских авиаперевозок не является привлекательным для авиакомпаний. Рынок не демонстрирует подъем. Низкий спрос на региональные авиаперевозки делает рискованным вложение инвестиций в развитие воздушной инфраструктуры, а дороговизна данной услуги, являющаяся следствием ряда накопившихся за более чем 10-летний период деградации отрасли проблем, решение которых требует финансовых вложений, как раз сдерживает рост спроса. Чтобы решить эти проблемы, необходима, в первую очередь, государственная поддержка, как законодательная, так и финансовая, а далее рынок авиаперевозок сможет развиваться в соответствии с общей экономической ситуацией в регионе.

В то же время состояние конъюнктурных и макроэкономических показателей отражает тенденции развития рынка. И здесь можно дать некую количественную оценку.

Для составления точного прогноза на более длительный период был избран метод, где наиболее вероятностные значения со значением ошибки 22,2% дает прогноз с использованием уравнения линейной зависимости ВРП округа и объема перевозок (см. табл. 3):

$$y = 0,022557764441281 * x + 9894,20270823697, \quad (2)$$

где:

y – количество перевезенных пассажиров, человек;

x – ВРП округа, млн. руб.

Таблица 3

Расчет прогнозных значений емкости рынка пассажирских авиаперевозок по ЮФО, СКФО с использованием уравнения линейной регрессии и коэффициента эластичности, 2000-14 гг., чел.

Год (n)	ВРП округа, млн. руб. (с 2000 по 2010 гг. - фактическое значение, 2012, 2014 гг. - прогноз) (x)	Количество перевезенных пассажиров, чел., (y)	Прогноз количества перевезенных пассажиров с использованием уравнения прямой, чел., (Yn1):	Ошибка прогноза Уп1, %, (O1)	Коэффициент эластичности, %, (Э)	Прирост объема перевозок, рассчитанный с использованием коэффициента эластичности, %, (П)	Прогноз, рассчитанный с использованием коэффициента эластичности, чел., (Yn2)	Ошибка прогноза Уп2, %, (O2)
2001	329695,3	28000	17331,38	22,18	0,650223	0	0	24,15
2002	426507,8	27000	19515,25			19,0933	33346,12	
2003	519019,2	22000	21602,1			14,10362	30807,98	
2004	616085,3	23000	23791,69			12,16036	24675,28	
2005	766851,3	20000	27192,62			15,912	26659,76	
2006	936055,9	18000	31009,5			14,34707	22869,41	
2007	1195194,5	40000	36855,07			18,00083	21240,15	
2008	1577082,9	62000	45469,61			20,77592	48310,37	
2009	2001111,5	60000	55034,73			17,48248	72839,14	
2010	1994912,5	50000	54894,89			-0,20142	59879,15	
2012	2293686,1	55000	61634,55			9,738245	54869,12	
2013	3059400		78907,31			21,70675	66938,71	
2015	3764600		94815,02			14,98782	68728,07	

Пояснения:

- уравнение:

$$y = 0,022557764441281 \times x + 9894,20270823697$$

где 0,022557764441281=b, 9894,20270823697=a;

$$b = \frac{\sum_{n=1}^n x_n \times \sum_{n=1}^n y_n - n \times \sum_{n=1}^n (x_n \times y_n)}{(\sum_{n=1}^n x_n)^2 - n \times \sum_{n=1}^n x_n^2} \quad a = \frac{\sum_{n=1}^n y_n - b \times \sum_{n=1}^n x_n}{n}$$

- прирост объема перевозок, рассчитанный с использованием коэффициента эластичности:

$$П_1 = \left(\left(\left(\left(\left(\frac{x_1}{x_0} \right) - 1 \right) \times 100 \right) \times \frac{\varepsilon}{100} \right) \times y_0 \right) + y_0 ;$$

- прогноз количества перевезенных пассажиров: $Y_{n2} = П_1 + Y_0$

Источник: составлено автором.

Результаты прогноза отображены на рис. 1. Согласно выбранной модели, точечный прогноз объема пассажирских авиаперевозок по ЮФО, СКФО составляет 78907 человек в 2013 г., 94815 человек в 2014 г.

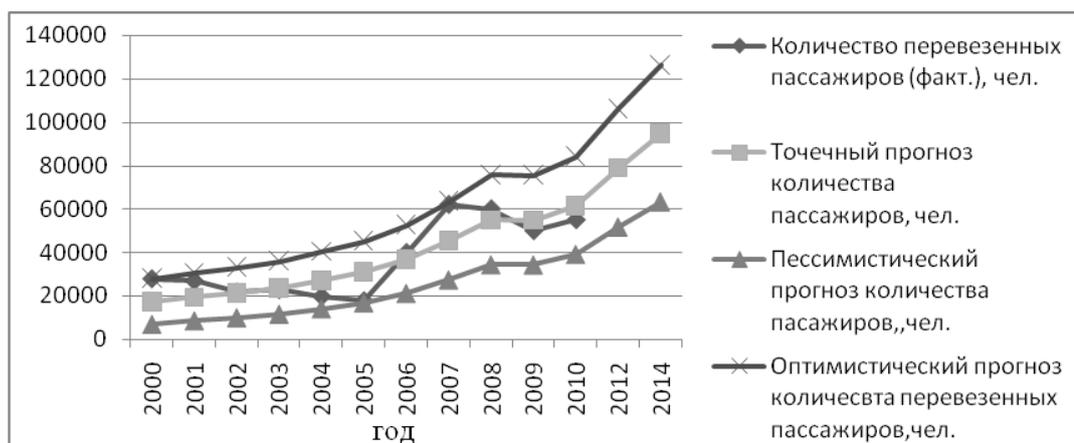

Рис. 1. Прогноз емкости рынка пассажирских авиаперевозок по ЮФО, СКФО на 2013, 2014 гг., чел.

Источник: составлено автором.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что прогноз емкости рынка пассажирских авиаперевозок по ЮФО, СКФО демонстрирует положительную динамику, спрос примерно половины экономически активного населения в авиаперевозках не удовлетворен. Развитию рынка препятствует сдерживающая спрос дороговизна услуг по перевозке воздушным транспортом, являющаяся следствием накопившихся за период стагнации отрасли проблем. Однако реализация ряда инвестиционных проектов, которые призваны ускорить восстановление рынка, в дальнейшем смогут повысить его привлекательность. Эксперты связывают эту перспективу в первую очередь с целенаправленной государственно поддержкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998-2010. 2010. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-10.xls).
- Голубков Е. П. (2003). Маркетинговые исследования: теория, методология и практика. М.: Финпресс.
- Гольдштейн Г. Я. и Катаев А. В. (1999). Маркетинг. Таганрог: Изд-во ТРТУ.
- Жук А. А. (2010). Асимметричность институциональной мотивации экономических субъектов // *Экономика и управление: научно-практический журнал*, №6.
- Жук А. А. (2011а). Конкурентная среда рынков: институционально-экономические характеристики // *Современная конкуренция*, №4.
- Жук А. А. (2011б). Провалы институционального строительства конкурентной среды // *Экономические науки*, №78.
- Жук А. А. (2012). Конкурентная среда России: институциональный анализ мотивации экономических субъектов. Ростов н/Д.: Изд-во «Содействие - XXI век».
- Кеворков В. В. и Леонтьев С. В. (1999). Политика и практика маркетинга на предприятии. М.: ИСАРИ, «Бизнес – Тезаурус».
- Комаристый Е. Н. (2006). Информационно-модельный комплекс для исследования рынка гражданских авиаперевозок. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Лебединец А. (2012). Оценка внутри российского рынка региональных ВС и возможности авиационного финансирования. (<http://www.aex.ru/docs/2/2012/3/19/1537/>).
- Лукьянов С. А. и Тиссен Е. В. (2007). Рынок авиационных пассажирских перевозок России: квазиконкуренция или...? // *Вопросы экономики*, № 11.
- Министерство экономического развития российской Федерации. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2012 год и плановый

- период 2013-2014 годов. 2011. (http://www.gosbook.ru/system/files/documents/2011/10/07/prognoz_-1.pdf).
- Перепись населения РФ 2011: ЮФО (предварительные результаты). 2012. (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/183027/>).
- Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. 2010. (http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/titul.pdf).
- Синицкий А. (2012а). Российский рынок авиаперевозок: накануне радикальных перемен. (<http://www.ato.ru/blogs/blog-alekseya-sinickogo/rossiyskiy-rynok-aviaperevoznakanune-radikalnyh-peremen>).
- Синицкий А. (2012б). Трудности региональных полетов. (<http://www.aex.ru/fdocs/1/2012/4/19/21078/>).
- Синютин С. (2012). Ограниченно доступный транспорт. (<http://www.transportrussia.ru/v-sovete-federatsii/ogranichenno-dostupnyy-transport.html>).
- Социально-экономическое положение Южного федерального округа в 2011 году. 2012. (http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/periodicals/doc_1140086420641).
- Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года. 2010. (<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55084615/>).
- Фридлянд А. (2012). Стоимость перевозок и доходы населения: региональный аспект. (<http://www.ato.ru/content/stoimost-aviaperevozk-i-dokhody-naseleniya-sotsialnyi-aspekt>).
- Численность экономически активного населения. 2012. (<http://www.krsdstat.ru/federal/DocLib/%D0%AE%D0%A4%D0%9E-5.htm>).
- Шапкин В. (2012). Состояние и прогноз обновления парка воздушных судов гражданской авиации России. (<http://www.ato.ru/content/sostoyanie-i-prognoz-obnovleniya-parka-vozdushnyh-sudov-grazhdanskoj-aviacii-rossii>).

REFERENCES

- Gross regional product of subjects of the Russian Federation in 1998-2010. 2010. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-10.xls). (in Russian).
- Golubkov E. P. (2003). Marketing research: theory, methodology and practice. M. Finpress. (in Russian).
- Goldstein G. Y. and Kataev A. V. (1999). Marketing. Taganrog: TRTU. (in Russian).
- Kevorgov V. V. and Leontiev S. V. (1999). Policies and practices of marketing in business. M. ISARP, "Business - Thesaurus". (in Russian).
- Komaristy E. N. (2006). Information-model complex for research of civil air transportation market. Novosibirsk: IEIE SB RAS. (in Russian).
- Lebedynets A. (2012). Assessment within the Russian regional market of AF and opportunities for aircraft finance. (<http://www.aex.ru/docs/2/2012/3/19/1537/>). (in Russian).
- Lukyanov S. A. and Thyssen E. V. (2007). Air travel market in Russia: quasi-competition or ...? *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 11. (in Russian).
- Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Forecast of social-economic development of the Russian Federation for 2012 and the planning period 2013-2014. 2011. (http://www.gosbook.ru/system/files/documents/2011/10/07/prognoz_-1.pdf). (in Russian).
- Russian Population Census 2011: SFD (preliminary results). 2012. (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/183027/>). (in Russian).
- Preliminary results of the National Population Census 2010. 2010. (http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/titul.pdf). (in Russian).
- Sinitsky A. (2012а). Russian air transportation market: on the eve of radical changes. (in Russian).
- Sinitsky A. (2012b). Difficulties regional flights. (<http://www.aex.ru/>)

fdocs/1/2012/4/19/21078/). (in Russian).

Sinyutin S. (2012). Restricting the availability of transport. (<http://www.transportrussia.ru/v-sovete-federatsii/ogranichenno-dostupnyy-transport.html>). (in Russian).

Social-economic situation of the Southern Federal District in 2011. 2012. (in Russian).

Strategy for social-economic development of the Southern Federal District until 2020. 2010. (<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55084615/>). (in Russian).

Friedland A. (2012). Transportation costs and incomes: a regional perspective. (<http://www.ato.ru/content/stoimost-aviaperevozok-i-dokhody-naseleniya-sotsialnyi-aspekt>). (in Russian).

The economically active population. 2012. (<http://www.krsdstat.ru/federal/DocLib/%D0%AE%D0%A4%D0%9E-5.htm>). (in Russian).

Shapkin V. (2012). Status and forecast fleet renewal of Russian civil aviation. (<http://www.ato.ru/content/sostoyanie-i-prognoz-obnovleniya-parka-vozdushnyh-sudov-grazhdanskoy-aviacii-rossii>). (in Russian).

Zhuk A. (2010). Asymmetry of Economic Subjects' Institutional Motivation // *Economy and Management. Magazine for Science and Practice*, no. 6 (98). (in Russian).

Zhuk A. (2011a). The Institutional and Economic Description Of The Competitive Market Environment. *Modern Competition*, no. 4 (28). (in Russian).

Zhuk A. (2011b). The Failures of Institutional Development of The Competitive Environment. *Economic Sciences*, no. 78. (in Russian).

Zhuk A. (2012). Russian Competitive Environment: Institutional Analysis of Economic Agents Motivation. (in Russian).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В РАЗВИТИИ ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

РОГОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА,

аспирант кафедры мировой экономики и международных отношений,
Южный федеральный университет,
e-mail: tania85@bk.ru

В статье проводится оценка демографического и образовательного потенциалов Ростовской области, которые оказывают определяющее влияние на функционирование системы высшего образования. Анализируется демографическая ситуация в Ростовской области, характеризующаяся сокращением численности населения, в том числе молодых людей до 20 лет, которые формируют спрос на образовательные услуги высших учебных заведений. Несмотря на то, что Ростовская область обладает мощным образовательным потенциалом, в последние годы наблюдается тенденция, связанная с сокращением числа вузов, их материально-технической базы, а также уменьшением количества рабочих мест и численности профессорско-преподавательского персонала. В статье выявляется диспропорция между объемом предоставляемых услуг на региональном рынке и спросом со стороны местного населения. Одним из способов преодоления этого несоответствия является развитие экспорта образовательных услуг и привлечения иностранных студентов для обучения в регион.

Ключевые слова: демографический потенциал; образовательный потенциал; экспорт образовательных услуг; высшие учебные заведения.

DEMOGRAPHIC AND EDUCATIONAL POTENTIAL OF ROSTOV REGION IN THE EXPORT DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL SERVICES

ROGOVA TATIANA, M.,

Post-Graduate Student of the Department
«World Economy and International Relationships»,
Southern Federal University,
e-mail: tania85@bk.ru

The author presents the assessment of demographic and educational potentials of Rostov region which show impact on functioning of the higher education system. Also the author analyses demographic situation in the Rostov region, which is characterized by population reduction, including young people till 20 years who form demand for educational services of higher educational institutions. Despite the fact that Rostov region has a strong educational potential, in recent years there is a trend related to the reduction in the number of universities, their material and technical base, as well as reducing the number of jobs and the number of teaching staff. The paper revealed a disproportion between the volume of services provided in the regional market and the demand from the local population. One of the ways to overcome this discrepancy is development of export of educational services and involvement of foreign students for training to the region.

Keywords: demographic potential; educational potential; export of educational services; higher education institutions.

JEL: J10, I20.

© Рогова Т. М., 2013

Российские регионы характеризуются значительными различиями по географическому положению, образовательному и демографическому потенциалам, уровню развития экономики и социальной сферы, что, безусловно, сказывается на их положении в сфере экспорта образовательных услуг соответствующей позиции на соответствующих национальных и международных рынках. Определяющее влияние на функционирование образовательной системы оказывает образовательно-демографический потенциал региона, что требует выявления его основных характеристик, а также оценки места и роли высших учебных заведений в развитии экспорта образовательных услуг на примере Ростовской области.

В настоящее время Ростовская область, обладающая важными конкурентными преимуществами - благоприятный геополитический потенциал, устойчивые, превышающие среднероссийские темпы экономического развития, достаточный уровень развития транспортных коммуникаций, высокая обеспеченность трудовыми ресурсами, отсутствие национальных конфликтов и социальной напряженности - является одним из крупнейших индустриально-аграрных центров Юга России с высокой концентрацией учреждений науки, образования и культуры на юге страны (Фурса и Рогова, 2012. С. 198).

Современная демографическая ситуация в Ростовской области сформировалась под влиянием политических, социально-экономических процессов, а также демографических трансформаций, происходивших в предыдущие десятилетия в России. Согласно данным текущего учета, численность населения Ростовской области в 2011 году составила 4276 тыс. чел., сократившись по сравнению с 2010 годом примерно на 15 тыс. чел.¹. Депопуляционные процессы, вызванные сокращением численности населения области, начались с 1991 года и продолжаются до настоящего времени. Сложившийся уровень рождаемости в области не обеспечивает простого воспроизводства населения. Число смертей устойчиво превышает число рождений, несмотря на колебания уровней рождаемости и смертности (см. табл. 1). Естественная убыль населения Ростовской области обусловлена режимом воспроизводства населения, который сложился в России к 1960-м годам и характеризовался низким уровнем рождаемости, высокой долей бездетности и неэффективным планированием рождений.

Таблица 1

Изменение численности населения Ростовской области и его компоненты, 1990-2011

	1990	1995	2000	2004	2006	2008	2010	2011
Численность населения, тыс. человек, в том числе:	4345	4491	4439	4334	4276	4242	4291	4276
Общий прирост (убыль), тыс. чел.	21,5	-3,8	-18,2	-32	-27,7	-10,9	-15,1	-14,5
Естественный прирост (убыль), тыс. чел.	0,2	-29,4	-29,6	-27,7	-25,8	-16,2	-16,3	-14,2
Миграционный прирост (убыль), тыс. чел.	21,3	25,6	11,4	-4,3	-1,9	5,3	1,2	-0,3
Число родившихся на 1000 человек населения	12,5	9,1	8	9,5	9,5	10,9	10,9	10,9
Число умерших на 1000 человек населения	12,5	15,6	15,2	15,9	15,5	14,7	14,7	14,2

Источник: Демографическая политика в Ростовской области, 2011; Миграция населения на территории Ростовской области, 2012. С. 2.

¹ См.: Демографическая политика в Ростовской области. 2011. Аналитическая записка Правительства Ростовской области. (<http://www.donland.ru>).

Сокращение численности населения Ростовской области привело к существенным изменениям его возрастно-половой структуры, характерной особенностью которой стало тенденция, связанная со старением населения, выражающаяся в росте доли пожилых и снижении доли молодых людей, а также в увеличении среднего возраста живущих. Так, в 2011 году средний возраст жителя Ростовской области был равен 40 лет (в 2002 г. - 38,7).

Анализ возрастной структуры населения области по двум переписям в 2002 и 2010 гг. отражает тенденции, связанные со снижением доли молодых людей и росте доли пожилого населения (см. табл. 2).

Таблица 2

Возрастной состав населения Ростовской области по переписям 2002 и 2010 гг., чел.

	2002	2010
Все население, в том числе в возрасте, лет	4404013	4277976
0 – 4	176263	215733
5 – 9	201982	197738
10 – 14	297503	189008
15 – 19	397017	262004
20 – 24	348188	359873
25 – 29	305756	352705
30 – 34	286321	317601
35 – 39	301402	294287
40 – 44	369111	271143
45 – 49	338583	315295
50 – 54	302579	338997
55 – 59	165774	302048
60 – 64	285636	243770
65 – 69	214501	137473
70 – 74	195640	235700
75 – 79	129868	107524
80 – 84	47010	96290
85 и более	37547	39817
возраст не указан	3332	970
<i>Из общей численности население в возрасте:</i>		
моложе трудоспособного	749996	645944
трудоспособного	2647013	2600773
старше трудоспособного	1003672	1030289

Источник: (Всероссийская перепись населения 2002 г. и 2010 г.).

Так, доля молодых людей в возрасте до 20 лет сократилась почти на 19,4%, особенно значительное снижение численности детей и подростков произошло в возрастной группе 8-15 лет почти на 32,8%, вследствие падения числа рождений в 1990-годы. В то же время на 22,4% увеличилась численность детей до 5 лет в связи с ростом рождаемости в межпереписной период под влиянием пронаталистской политики государства, а также вступлением на демографическую арену многочисленных поколений женщин репродуктивного возраста.

Таким образом, численность населения в возрасте моложе трудоспособного в 2010 году сократилась на 104,1 тыс. чел. по сравнению с 2002 годом (на 13,9%). Среди населения трудоспособного возраста также наблюдалась тенденция снижения численности - 46,2 тыс. чел. или на 1,7%, составив 60,8% от общей численности населения Ростовской области в 2010 году. Нарастающий процесс демографического старения населения способствовал увеличению пожилого населения. Численность населения старше трудоспособного возраста в 2010 году составила 1030,3 тыс. чел., увеличившись за межпереписной период на 26,6 тыс. чел. (на 2,7%).

Согласно прогнозам, выполненным Федеральной службой государственной статистики, существующая тенденция сокращения численности населения Ростовской области сохранится и в последующие 10 лет. К началу 2021 года численность населения уменьшится на 5,0%, по сравнению с численностью 2011 года, снизится также и уровень рождаемости².

В создавшихся условиях депопуляции и старения населения, особую роль играют миграционные процессы, которые могут стабилизировать численность населения и компенсировать убыль населения. Ростовская область на протяжении всего трансформационного периода в силу своего благоприятного географического, климатического и экономического положения была одним из центров притяжения мигрантов на Юге России. Поэтому до 1996 года наблюдался прирост численности населения благодаря миграционной составляющей, которая в 1994 году достигла своего максимального значения - 54,8 тыс. чел. Однако даже положительный миграционный прирост, фиксировавшийся на территории области долгие годы, не позволил избежать снижения темпов прироста населения. С 1995 года вклад миграционной компоненты в рост численности населения неуклонно сокращался, а в 2003 году число выбывших из Ростовской области превысило число прибывших.

И вплоть до 2008 года в Ростовской области наблюдалась миграционная убыль населения, то есть число выбывших с территории превышало число прибывших. В 2008 году миграционный прирост составил более 5 тыс. чел. В последующие годы вплоть до 2011 года в Ростовской области регистрировался прирост мигрантов, однако в 2011 году численность прибывших мигрантов снова сократилась. При этом наибольшую долю во внешнем миграционном обороте в 2011 году составил обмен с другими регионами России (86,4% прибывших и 97,8% выбывших)³.

Население Ростовской области в 2011 году за счет оттока мигрантов в другие регионы России сократилось на 4016 чел. (в 2010 году - на 1331). Положительное сальдо миграции наблюдалось в обмене со странами СНГ. Так, миграционный прирост с этими странами составил 3410 чел., что на 953 чел., или на 38,7% больше, чем в 2010 году⁴.

Наиболее высокой миграционной подвижностью обладало население трудоспособного возраста, составившее 75,8% от числа всех прибывших и 76,1% выбывших мигрантов. Из числа прибывших мигрантов среднее профессиональное образование имели 10,0%, высшее профессиональное образование - 26,6%, среднее общее образование - 20,7% и начальное профессиональное - 21,5%.

Кроме того, 58,1% мигрантов в возрасте 14 лет и старше прибыли в Ростовскую область по личным и семейным причинам, 11,3% - на учебу, 5,9% - вернулись на прежнее место жительства, 9,4% - прибыли с целью трудоустройства. Из числа выбывших мигрантов сменили место жительства по личным и семейным причинам - 62,1%, вернулись к прежнему месту жительства - 6,1%, выехали на работу - 13,5%, на учебу - 8,1%⁵.

Образовательный комплекс Ростовской области является одним из крупнейших не только среди южных регионов, но России в целом. Он включает 3800 организаций и учреждений всех организационно-правовых форм, типов и видов. Всеми формами обучения и воспитания охвачено около 1 млн. чел. В системе образования области занято более 150 тыс. учителей, преподавателей, инженерно-педагогических и научных работников.

Оценка образовательного потенциала Ростовской области с основным акцентом на высшее образование осуществляется по ряду показателей, характеризующих образовательную обеспеченность, а также на основе индекса образования как составляющего общего индекса развития человеческого потенциала

² См.: Демографическая политика в Ростовской области. 2011. Аналитическая записка Правительства Ростовской области. (<http://www.donland.ru>).

³ См.: Миграция населения на территории Ростовской области в 2011 году. 2012. Аналитическая записка. Ростов-на-Дону. С. 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 9-10.

региона.

Индекс образования является интегральным показателем грамотности взрослого населения и совокупной доли учащихся среди детей и молодежи. Недостатком этого показателя является временной разрыв между имеющимися статистическими данными и текущим периодом. Запаздывание данных по ИРЧП позволяет провести оценку образовательного потенциала только за 2009 год, однако этот показатель все же отражает существенные характеристики образовательной системы. Так, по индексу образования (0,921), Ростовская область в 2009 году занимала 12 место среди 80 регионов России (*Фурса и Рогова, 2012. С. 199*). Опережают Ростовскую область по образовательному потенциалу г. Москва (1,083), г. Санкт-Петербург (1,020), Томская (0,955), Новосибирская (0,935), Магаданская (0,946), Воронежская области (0,935) и др.⁶. Среди регионов ЮФО по индексу образования Ростовская область стоит на первом месте.

По уровню образовательной обеспеченности, а именно численности студентов вузов в регионе на 10 тыс. чел. населения, Ростовская область в 2011 году заняла 16 место среди 85 регионов России⁷. В 2011/2012 академическом году в области на 10 тыс. чел. приходилось 473 студента. Этот показатель характеризует доступность высшего образования (то есть уровень обеспеченности региона вузами), а также привлекательность ростовских вузов для местного населения. Среди южных регионов (ЮФО и СКФО) Ростовская область по уровню образовательной обеспеченности занимает первое место.

В структуре системы высшего профессионального образования Ростовской области в 2011/2012 академическом году действовало 25 вузов, из них 14 государственных и 11 негосударственных, в том числе: 1 федеральный университет, 7 университетов, 5 академий и 1 институт⁸. Кроме того, в области ведут образовательную деятельность филиалы государственных и негосударственных вузов из других регионов России. Общее количество филиалов вузов в 2011/2012 году составило 63. Из них: 47 филиалов государственных и 16 филиалов негосударственных вузов. Таким образом, в Ростовской области действует 88 высших учебных заведений, предлагающих образовательные программы по различным формам и специальностям.

Общая численность студентов, обучающихся в высших профессиональных учебных заведениях, расположенных на территории Ростовской области, по всем формам обучения в 2011/2012 академическом году составила 201,3 тыс. чел., из них в государственных вузах - 182,9 тыс. чел., в негосударственных - 18,4 тыс. чел.⁹

Несмотря на лидирующее положение Ростовской области в образовательной сфере на юге и достаточно выгодные позиции в целом по России, в последние годы наметились тенденции, которые могут привести в дальнейшем к сокращению ее образовательного потенциала. Так, несмотря на то, что Ростовская область в 2011 году по уровню образовательной обеспеченности занимала 16 место, численность студентов вузов продолжает сокращаться (см. табл. 3).

Кроме того, сократилось число высших учебных заведений в Ростовской области, численность поступивших абитуриентов в вузы, численность студентов, обучающихся в вузах. Как следствие, это привело к сокращению количества рабочих мест в вузах и уменьшению численности профессорско-преподавательского персонала. В 2010/2011 академическом году в вузах Ростовской области работал 11001 преподаватель (в государственных - 10342, негосударственных - 659), а в 2011/2012 году численность преподавателей снизилась до 10805 чел. (в государственных - 10192, негосударственных - 613)¹⁰. При этом, темпы сокращения численности профессорско-преподавательского состава в негосударственных вузах были выше, чем в государственных.

⁶ См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 год / Под общей редакцией Бобылева С. Н. М., ПРООН, 2011. С. 142-143.

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. Статистический сборник. М.: Росстат. С. 311.

⁸ Там же. С. 296-298.

⁹ Там же. С. 311-314.

¹⁰ Там же. С. 315.

Таблица 3

Показатели образовательной обеспеченности в системе высшего профессионального образования в Ростовской области, чел.

Год	Число вузов (государственных и негосударственных)		Прием на обучение по программам высшего проф. образования (тыс. чел.)	Численность студентов, обучающихся по программам высшего проф. образования (тыс. чел.) ¹⁾	Численность студентов вузов на 10 тыс. чел.
	областные вузы	филиалы из других регионов ²⁾			
1990/1991	17	-	17,5	89,6	206
2000/2001	31	-	41,2	150,4	339
2005/2006	31	61	48,4	213,7	493
2007/2008	27	67	47,6	200,7	514
2008/2009	28	63	45,8	220,8	514
2009/2010	27	63	45,8	217,7	507
2010/2011	26	61	42,8	210,0	490
2011/2012	25	63	40,3	201,3	473

¹⁾ В общую численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования не включены иностранные граждане за исключением граждан из стран СНГ, Балтии и Грузии, принятых на условиях общего приема.

²⁾ Информация о числе филиалов вузов из других регионов России за 1990/91 и 2000/2001 гг. в статистических сборниках отсутствует.

Составлено автором по: Регионы России. 2011. С. 292-296, 311-315.

Снижение численности студентов в Ростовской области связано с уменьшением численности подростков и молодежи до 20 лет, вызванным кризисом рождаемости в 1990-е годы. Так, например, численность выпускников 11-х классов в Ростовской области с 2000 г. по 2011 г. сократилась на 46% (см. табл. 4) Кроме того, уменьшился вторичный спрос на высшее образование со стороны молодых людей в возрасте 25-35 лет.

Таблица 4

Численность выпускников 11-х классов, обучающихся в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях в 2000-2011 гг., тыс. чел.

Год	Численность выпускников	Год	Численность выпускников
2000	36,4	2009	20,6
2005	32,5	2010	20,2
2008	25,0	2011	19,7

Источник: Регионы России. 2011. С. 252.

Проведенный анализ демографической ситуации и уровня развития образовательной сферы в Ростовской области выявил диспропорцию между объемом предоставляемых услуг на областном рынке и спросом со стороны местного населения. Продолжающееся снижение численности населения молодого возраста может ограничить в дальнейшем образовательный потенциал высших учебных заведений - привести к закрытию ряда вузов, сокращению количества рабочих мест и уменьшению численности профессорско-преподавательского персонала. Однако последующий рост численности молодежи в возрасте до 20 лет примерно через 10 лет приведет снова к увеличению спроса на образовательные услуги, который не

будет полностью удовлетворен вследствие нехватки образовательных ресурсов.

Поэтому для сохранения сложившегося образовательного потенциала высшей школы следует привлекать к обучению в областные вузы абитуриентов не только из других регионов России, численность которых также сокращается, но и из других стран, где демографический потенциал превышает образовательный.

Привлечение и адаптация иностранных студентов может стать дополнительным финансовым источником развития вузов, в условиях демографического кризиса в России иностранные студенты могут частично компенсировать потери учебных заведений, связанные с сокращением численности российских абитуриентов. Кроме того, иностранные студенты, возвращаясь в страны происхождения, могут стать представителями политической, экономической и культурной элит, формируя и налаживая дальнейшее сотрудничество с Россией. Все эти факторы делают развитие экспорта образовательных услуг особенно актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Всероссийская перепись населения 2002 г. и 2010 г. (<http://www.gks.ru>).
- Демографическая политика в Ростовской области. 2011. Аналитическая записка Правительства Ростовской области. (<http://www.donland.ru>).
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 год. / Под общей редакцией Бобылева С. Н. М.: ПРООН, 2011.
- Миграция населения на территории Ростовской области в 2011 году. 2012. Аналитическая записка. Ростов-на-Дону.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. Статистический сборник. М.: Росстат.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. Статистический сборник. М.: Росстат.
- Фурса Е. В. и Рогова Т. М. (2012). Международная учебная миграция в Ростовской области // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение, № 6 (26).*

REFERENCES

- The Russian Census of 2002 and 2010. (<http://www.gks.ru>). (in Russian).
- Demographic policy in the Rostov region. 2011. Analytical note of the Government of the Rostov region. (<http://www.donland.ru>). (in Russian).
- The report on human development in Russian Federation for 2011. / Ed. by Bobylev S. N. M.: PROON, 2011. (in Russian).
- Population migration in the Rostov region in 2011. 2012. Analytical note. Rostov-on-Don. (in Russian).
- Regions of Russia. Social-economic indicators. 2011. Statistical Compendium. M. Rosstat. (in Russian).
- Regions of Russia. Social-economic indicators. 2012. Statistical Compendium. M. Rosstat. (in Russian).
- Fursa E. V. and Rogova T. M. (2012). The international educational migration in Rostov region. *Education. Science. Innovations: Southern measurement*, no. 6 (26). (in Russian).*

ПОДПИСКА-2014

НА ЯНВАРЬ–ИЮНЬ

по Объединенному каталогу «Пресса России»

Journal of Institutional Studies

Журнал институциональных исследований

*по Объединенному каталогу «Пресса России. Подписка-2014»,
ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ*

Подписной индекс 82295

*Условия оформления подписки (аннотация, индекс(ы), стоимость)
вы найдете в I томе каталога, на страницах, указанных
в Тематическом и Алфавитном указателях каталога.*

ТРЕБУЙТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ НА ПОЧТЕ!

ПОДПИСКА-2014

НА ЯНВАРЬ–ИЮНЬ

по Объединенному каталогу «Пресса России»

Journal of Economic Regulation

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

*по Объединенному каталогу «Пресса России. Подписка-2014»,
ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ*

Подписной индекс 42503

*Условия оформления подписки (аннотация, индекс(ы), стоимость)
вы найдете в I томе каталога, на страницах, указанных
в Тематическом и Алфавитном указателях каталога.*

ТРЕБУЙТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ НА ПОЧТЕ!

Journal of Economic Regulation
ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Том 4, № 4. 2013

Сдано в набор 18.12.2013 г.
Подписано в печать 25.12.2013 г.
Тираж: 500 экз. Заказ № 115.

© Оформление: Изд-во Фонда «Содействие – XXI век», 2013.